

МОЛОДАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗАУРАЛЬЯ – 2022

Сборник работ победителей
межведомственного
областного конкурса

Курганская областная универсальная научная
библиотека им. А. К. Югова

**МОЛОДАЯ
ЛИТЕРАТУРА
ЗАУРАЛЬЯ –
2022**

**Сборник работ
победителей
межведомственного
областного конкурса**

Курган, 2023

84 (2Рос–4Кур)

М75

Молодая литература Зауралья – 2022 : сборник работ победителей межведомственного областного конкурса / Курганская областная универсальная научная библиотека им. А. К. Югова. – Курган, 2023. – 234 с. : ил.

Межведомственный областной конкурс «Молодая литература Зауралья» проводился Управлением культуры Курганской области и Департаментом образования и науки Курганской области совместно с Курганской областной универсальной научной библиотекой имени А. К. Югова, Ассоциацией поддержки библиотечно-информационной деятельности и Курганской областной писательской организацией.

Конкурс проходил в трёх возрастных группах: младшая (6–13 лет), средняя (14–18 лет) и старшая (19–30 лет) по трём номинациям: «Поэзия», «Проза», «Публицистика». В конкурсе приняло участие 69 человек.

В сборник включены творческие работы (стихи, рассказы, эссе, очерки) сорока шести лауреатов конкурса.

© Курганская областная универсальная
научная библиотека им. А. К. Югова
2023 г.

НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ»

I место (младшая группа)

Дроздова Таисия Андреевна (Кетовский МО)

Россия

Моя родина – Россия,
Широка она, красива,
Горы выше облаков,
Церкви златоглавые,
Льётся звон колоколов –
Сердце моё радуя!
В золотую гладь озёр
Небеса любят.
На широкий на простор
Выбегают улицы...
Русь – от севера до юга,
Ты как мама, как подруга.

Тут высокий птиц полёт
И туман рассветный...
К Родине любовь живёт,
Льётся песней светлой.

Огни над рекой...

Огни над рекой.
Ночь крадётся как кошка.
На небе смеётся луна.
Возле окошка
Мать с колыбелью,
Качает ребёнка она.
Поёт тихо песню
О странах волшебных,
Которые видим мы в снах,

И о далёких
волнах прибрежных,
Которые тайны хранят.
О том, что всегда
Она будет с тобою,
Спящий пред нею малыш.
И, тихо качаясь
В такт своей песне,
Заснёт и немного поспит.

Мы благодарны вам, учителя!

Мы благодарны вам, учителя!
Мы не забудем эти дни, уроки.
Порой ругаете, в душе всех нас любя,
За исковерканные и неправильные строки.
Поддержите, поможете всегда,
Направите на правильные тропы.
Случается, порою иногда
Не понимаем вашей мы заботы.
Бывает, обижаем вас порой, –

Но вы прощаете, как любящие мамы.
Бывает, удивим стремленьем вас, –
И заживают вдруг на сердце раны.
Бывает, пожалеете ребят:
Не выучил, не знает – не спросили...
Бывает, на уроке закричат,
А вы с нами, любя, заговорили.
От взгляда вашего, что в душу к нам летит,
Испорченный мальчишка онемает,
Его вдруг совесть сильно засрамит,
Он двинуться от этого не смеет...
Мы благодарны вам, учителя,
За все старанья и потраченные силы,
И за напутственные добрые слова,
Которые нам часто говорили.

Когда-то давно...

Когда-то давно, за рабочим селом,
Строил Андреич свой собственный дом.
Землю для дома с умом выбирал
И из колхоза дерево брал.
Ставни резные, оконца – стекло
И дорогое сердцу крыльцо,
Навес – для одежды и чтобы зимой
Стулья латать древесной корой.
Сарай для железок, бревна и металла,
Что от постройки дома осталось.
И будка для Найды, щенком что нашли
И с детства от бед её стерегли.
Был огород, чтоб картошку сажать
(Не из колхоза ведь всё покупать).
В конце огорода, возле забора,
Оставили место для прочего сбора.
Бежали минуты. Летели года.
Стар стал хозяин, такие дела.
Женился и сын. Детей полон дом.
Собственным стал родительский дом.
Дочка росла. Имя дали Анята.
Котёнком порой её звали в шутку.
Село разрослось, и в центре него

Подарите мне собаку!

Подарите мне собаку!
Буду с нею я гулять,
Буду мыть собаке лапы,
Даже шёрстку подстригать.
Буду кашу ей готовить,
Каждый день её кормить,
Буду ей я чистить уши
И к врачу сама водить.
Обещала, обещала....

И купили мне щенка.
Очень милого, большого.
Лайма – душку назвала.
С Лаймой бабушка гуляет.
Мама кашу варит ей.
Дед ей когти подстригает,
Тетя уши чистит ей.
Лайму очень я люблю,
На диване с ней лежу.

У Марусеньки у бедной...

У Марусеньки у бедной
Нет почти что ничего.
Всё имущество Маруси
Нам пересчитать легко:
Самокат и телефон,
Плюшевый гигантский слон,
Куча платьев в гардеробе,
Босоножки – без тревоги

Может каждый день менять! –
Кошка Мурка, такса Клава,
Канарейка Реу-Ред,
Двадцать кукол и планшет,
Комната и кабинет..
– Да, Маруся, ты бедна,
Что не подыскать слова!..

Посвящается подруге Злате

Раз зашла ко мне подруга.
Было нам с подругой туго,
Мы не знали, не гадали
И совсем не ожидали,
Что устроим бой подушками
И пеналами, игрушками,
Ну и книжками, тетрадками,
Дневниками, мармеладками...

Что повалим шкаф и полочки,
С полочками все рифмовочки,
С ними стол и ноутбук...
И останемся «без рук»!
Вам, друзья, я не советую
Вот такой разгром устраивать,
Потому что после этого
Не пришлось бы вам
внушения усваивать.

II место (младшая группа)

Куликов Алиссия Виктория (г. Курган)

*Наставник – Карачаровская Елена Леонидовна,
учитель русского языка и литературы
школы № 22 г. Кургана*

Мечта

Я мечтаю о корабле
С чёрными парусами.
И океаны мне
Робкими снятся мечтами.
Стать капитаном смелым –
Глупенькая мечта.
Ходить под флагом пиратским
Хочу я всю жизнь.
Всегда.

Снятся мне крики чаек,
Старинные корабли,
Звоны сокровищ древних,
Сабли, конечно, и
Пиратские бранные песни,
В душу несущие страх,
Волны, шум моря, вкус рома
На бледных моих губах...

Река забушевала вновь...

Река забушевала вновь,
И вот пришла волна.
На небе, как всегда одна,
Возникла вдруг Луна.
– Но почему же ты, Луна,
Всегда так одинока?
Быть может быть, сама Звезда
Была к тебе жестка?
Тебя она вдруг обрекла
На вечные страдания?
И, несмотря на мольбы все,

Отправила в изгнание?
Так почему же ты одна?..
Не отвечала мне Луна...
Сидела я на берегу,
Колени обхватив,
И лишь смотрела, как Луна
Над облаком парит.
И, грустно посмотрев в ответ,
Исчезла вдруг она.
Одна, одна... Всегда одна.
Несчастливая Луна...

Мечты на бумаге

Дай мне чистый лист бумаги,
Нарисую я моря,
Нарисую океаны,
Нарисую якоря,
Нарисую корабли я,
Нарисую паруса,
Нарисую белых чаек,
Устрицы и жемчуга,

Нарисую я пирата
С густой чёрной бородой,
Нарисую свет заката
Над морскою над волной,
Нарисую в море пену
И цветных весёлых рыбок,
Нарисую, чем живу я,
Я б без этого погибла.

III место (младшая группа)

**Кунгурцева Арина Александровна
(Кетовский МО)**

*Наставник – Литвинова Мария Валерьевна,
учитель Лесниковского лицея
имени Героя России А. В. Тюнина*

Три сестры

Жили-были три сестрицы,
Три сестрицы-мастерицы.
Старшая всех одевала,
Шила, пряла, вышивала.
Средняя не уступала –
Стол шикарный накрывала,
Стряпала, пекла, варила,
Чудо-десерты мастерила!
Да и младшая не промах:
За порядком всё следила,
Прибирала, мыла, мыла...
Ни пылинки, ни соринки
Не видала никогда
Их счастливая и дружная семья!
Но однажды – так бывает
Между сёстрами порой, –
Очень сильно поругались
Все сестрёнки меж собой...
Дома встала вся работа...
Нет еды, бардак кругом...
День прошёл, второй и третий...
Не стерпел отец тогда
И сказал девицам этим
Вот такие вот слова:

«Как не стыдно вам сердиться?!
Три сестры – родная кровь!
Вы, наверное, забыли,
Что меж нас живёт любовь?!
Нет роднее вас и ближе,
Неразлучны вы всегда!
Научитесь без обиды
Жить на долгие года.
Каждую из вас горжусь я,
Каждую из вас ценю
И хочу, чтоб жили дружно
Мы в семейном-то кругу!»
Стало стыдно трём сестрицам...
Разревелись, обнялись...
Позабыть про все обиды
Троекратно поклялись!
Сказка – ложь, да в ней намёк
И сестрицам трём урок!

Специальные призы (младшая группа)

Лепихина Мария Николаевна

(Далматовский МО)

«За ласковое понимание света и солнца»

Летом

Летом можем плавать,
Можем в мяч играть,
Можем бегать, прыгать,
В чехарду скакать,
Можем мы мороженое
Есть без передышки,
И вместе с нами прыгают
Девчонки и мальчишки!
Запомним в этом лете
Мы каждый яркий день,

До новой встречи, лето,
Мы ждём тебя скорей!
30.08.2022

Колмакова Ангелина Евгеньевна

(Частоозерский МО)

«За любовь к родному краю»

Родные просторы

Родные бескрайние дали,
Родные леса и поля
Мне душу трепетную дали,
Своей красотой пленя.
В весенней берёзовой роще,
Когда прилетят соловьи,
Пройдусь по тропинке, дорожке,
Спою я им песни свои.
А в летнюю знойную пору
Какая кругом благодать!
С корзинкой иду к кособору –
Природы дары собирать.

Восхищают зимы узоры
И осенний полёт журавля...
Всё это – родные просторы,
Родная моя земля!

Балдина София Александровна (г. Курган)

«За весёлое детское стихотворение»

Весёлый балаганчик

Приходим всегда мы с улыбкой
Всегда в это место родное,
Садимся на наши скамейки
Болтаем про то, про другое.
Счастливые лица – хотят веселиться,
Играть, познавать и просто болтать,
Узнавать что-то новое, петь под гитару,
На встречах гостей принимать неустанно.
Мы хотим веселиться, хотим танцевать,
Хотим просто петь, либо болтать.
Но не хотим никуда уезжать,
Прощаться с друзьями, куда-то бежать!..
Балаганчик любимый никто не заменит!
Никто так не встретит, никто не пригреет.
Уютное место, сидим за столом,
Болтаем о том да о сём.
Место такое на свете одно –
«Весёлый балаганчик» зовётся оно!

1 место (средняя группа)

Пермяков Павел Андреевич (г. Курган)

Сестрёнке

Ты была так мала,
Когда на руки взял,
И по-детски мила...
Я тогда осознал,
Что сильнее тебя
Никого не люблю,
Хоть кричу иногда
И по-братски треплю.

Я с тобой навсегда,
Подсоблю, чем смогу,
Если будет беда –
Приходи, обниму.
Пусть сияет звезда
Своим белым огнём,
Я надеюсь, сестра,
В мире мы проживём.

Весна

Прилетели птицы с юга
Под моё окно,
И давно мела уж вьюга –
К нам тепло пришло.
Реки словно заблестели,
Огоньки горят,
Звуки утренней капли
Радуют ребят.

Ну а воздух чистый, свежий
Балует мой нос.
Вижу след в лесу медвежий,
Ветер жар принёс.
Каждый год такое чудо
Наблюдаю я,
Словно к нам из ниоткуда
Грянула весна.

II место (средняя группа)

Сурова Анастасия Дмитриевна (г. Курган)

*Наставник – Алимova Марина Андреевна,
учитель русского языка и литературы*

Будьте живы

Мы за здоровье свечи зажжём,
Пусть Господь сохранит от беды!
Слово доброе для них мы найдём,
Ведь они для России – сыны!
Возвращайтесь с победой, ребята.
Возвращайтесь домой поскорее.
Отчий дом вы оставили когда-то,
Мы в своих домах за вас душой болеем.
Российские спасители земли!
С победным флагом триколор!
Пусть вы не дома, вы – вдали, –
Живите всем смертям наперекор.
Вы обязательно вернётесь,
И обязательно – с победой, на щите!
К земле родной вы прикоснётесь,
И слёз не будет видно при дожде.
Родные, только вы живите!
И погибать не смейте!
Как молитву, эти слова сохраните,
И верьте в них, в Россию верьте!

III место (средняя группа)

Южанова Валерия Николаевна
(Частоозерский МО)

*Наставник – Бетеева Лариса Тихоновна,
классный руководитель*

Частоозерье

«Частоозерье»...

Это слово

Так много значит для меня.

Прекраснее, роднее края

Вы не найдёте никогда.

И тот, кто видел хоть однажды

Озёр мерцающую гладь, –

Мечтает он берёзке каждой

душистый ствол поцеловать.

У нас чудесная природа,

А воздух – чистый, как нектар,

Край свой ценить, любить, лелеять –

Неоценимый божий дар.

В вышине – небосвод синий-синий,

На полях – золотое жнивье,

Мой край – основа России!

Мой край – опора её!

Специальные призы (средняя группа)

Сергеева Дарья Алексеевна (г. Курган)

«За проникновенность стихотворения»

Глаза человека

Говорят, утонуть в глазах – сущая малость;
говорят, что в глазах – зарождается шалость;
говорят, что в голубых глазах – океаны и рифы...
только знаете, тонуть можно
и в неровных тела изгибах;
иногда глаза остаются сухими,
а сердце словно пули пронзили;
глаза человека – не голубые,
не рифы, не небо над головой,
они, как разбитое зеркало
вдребезги,
вызывают на бой.

Перебатов Иван Сергеевич (Каргапольский МО)

«За поэтическую восторженность»

Из сборника «Мои стихи»

Солнце! Выгляни из туч!
Протяни свой яркий луч!
Обогрей своим теплом,
Лужи высуши кругом,

Чтоб всё красками играло,
Всё кругом благоухало,
Чтоб кругом всё расцвело,
Чтоб проснулось всё село.

* * *

Вставай! Пора на бой!
Нас Родина зовёт!
Ленинград блокадный
Симфонию поёт.
Вставай!
И жить мы снова будем в мире,
И будем снова жить!
Вставай!
Нам есть за что бороться!
Нас Родина зовёт!
И Ленинград блокадный

Салют победный бьёт.
О силе русского народа.
Нам что тяжёлые года?
Ну что нам грусть?
Ведь мы – Россия!
Нас не согнуть!
Нас не сломать!
А кто на Россию-матушку
Пойдёт с войной,
Тот сгинет в полях под
Москвой!

8 Марта

Сегодня праздник всем известный.
С 8 Марта женщин всех!
Желаем чистоты небесной
И пусть всегда вас ждёт успех!
Везенья, сил, удачи,
Здоровья, красоты!
Сегодня женский день, а значит –
Все ваши сбудутся мечты.

II место (старшая группа)

Курылёва Ксения Владимировна (г. Курган)

Ксения

Я – одинокий странник там,
Где бело-голубым крылом
Задета краешком Нева,
Где я хочу найти свой дом,
Где я хочу столкнуться с кем-то
Лицом к лицу и следом в след,
С тем, кто наполовину смертный,
Кто будет рад встречать рассвет.
Там я хочу в объятиях скрывается
Проспектов, улиц и мостов.
Быть одиноким не годится,
Если к тому ты не готов.
Здесь я хочу узнать о многом,
Что висится над бытовой
Средой, а там недалеко до Бога,

Благословившего Невой
Меня, крестившего *иной*,
Чужой и *чужестранкой*.
Я – одинокий странник,
Стоящий у реки Фонтанки,
С мечтою неземной.

В горы

Сядь за руль моей машины,
Отвези меня туда,
Где целуются вершины,
Загорается звезда;
Где с тобою по-простому
Заведу я разговор
О главе второго тома
Про любовь к вершинам гор.
Сядь за руль, я пассажиром
Наконец хочу побыть,
И давно с вершины мира
Мне пора бы уходить.

Градиентами покрытый,
Старый одинокий ВАЗ
Отдыхает от событий.
Я желаю, чтоб ты спас
От свинцовых сновидений,
Что зовут меня с собой.
Над долинами сомнений
Я сама стою горой.
Оглушило ностальгией,
Молодостью прошлых лет.
Сядь за руль моей машины.
Вот последний мой рассвет...

Мы всё дальше и дальше становимся...

Мы всё дальше и дальше становимся,
Расстояние – мера любви.
Под небесною тяжестью ломаются
Представленья твои и мои.
Мы всё больше и больше теряемся
И считаем до пятницы дни.
Поддаёмся безудержной праздности,
Нам всегда не хватает любви.
Мы всё меньше и меньше знакомимся...
Нам чужие слова не нужны,
Со своими проблемами боремся
И боимся сказать «обними».
Мы всё реже и реже встречаемся,
Наши взгляды померкли давно,
И слезами всегда умываемся,
Под ногами чувствуя дно.
Мы всё дальше и дальше становимся...
Череда голосов и гудков.
Каждый день мы к чему-то готовимся,
Каждый день будто ищем любовь.

Августовская фантазия

Глаза нам открывал рассвет,
Восход встречали на востоке,
Делили пополам обед:
Жевачки две, коробку сока.
Мы дрейфовали под луной,
Надкусанной большим медведем
Или Медведицей.

С тобой

Мы были лучшие соседи.
С одной планеты и орбиты

И с той же Солнечной системы,
Где я с коленкою разбитой
Смеялась, не считая время,
Подобное угрю из речки,
Всё ускользавшее из рук.
Сверчки и чавканье под вечер,
Жевачки, поцелуев звук.
По телу дрожь, касанье ветра,
Под рёбрами вода кипит.
Мы от любви в полшаге, в метре...
Вокруг сверчки, трава шумит.

Актёр

Ты далеко, мне снишься. Лето
Стирает слёзы с щёк моих,
И есть вопросы, нет ответов,
Нет мыслей добрых, нет и злых.
Я за стеной твоей четвёртой
Ловила взгляд, и наконец
Придумала, что стану твёрдой –

Не тот беспомощный птенец.
Поверхность обнажилась звеньев,
Соединяющих мосты
Между тобой и мной.

Забвеньё.

Без реплик мокрые листья.

И обряцете

Ищите глубину предметов,
В них зарывайтесь с головой.
Среди бесчисленных поэтов
Ищите тех, кто жив душой.
Ищите правду, путь тернистый.
Среди проторенных дорог

Не отыскать источник чистый,
Не отыскать, кто это смог.
Ищите дальше – и найдёте
Среди небесных тел и тьмы.
Покой душевный обретёте,
Лишь делайте, что вы должны.

Аллея грёз

Воспоминанья на картах Таро –
Мерещатся тени былого, отпетого;
Там, где посажено утром зерно,
Всходит любовь, солнцем согретая.
Всходит, ресницами режет туман, –
И насладиться старается явью.
Её вдруг срывают и ставят в стакан,
Его понемногу двигают к краю.

Цепь замыкающих тянется вниз,
Голос болтающих сдержанно стелется...
Полосы чёрные, белые – жизнь
Начисто так никогда не поделится.
В сосуде вода становится мутной,
Край недалёк, – только шаг надо сделать.
Никто не сказал, что будет так трудно,
Никто не сказал, что не надо быть смелым.
Воспоминанья на картах Таро.
Страшно раскладывать тень силуэтов
Забывших и прошлых, и нынче даров
От жизни не брать и нарушить заветы.
В сосуде, в цепи или в поле огромном,
В любом состоянии, времени, месте,
Я помню, я помню, я помню одно:
Переживать испытания с честью.

Мама

Я однажды к тебе не вернусь
И на кухне оставлю завтрак.
Не нащупают в теле пульс,
Мы с тобой не увидимся завтра.
Я однажды тебе не скажу
Слов простых
«я люблю» и «прости».
Школьный треснувший абажур
И тетрадные в клочья листы.
И разорваны в клочья мечты
Тех, кто их воплотить не успел.
Вместо них на ступенях цветы,
На юнцов наводился прицел.
Это было внезапно, как стон,
Невесёлый сигнал прозвенел.
На юнцов был прицел наведён,
Будто кто-то спугнул журавлей.

Перебитым птенцам суждено
Становиться частичкой земли.
Сколько будет из нас спасено?
Каждый день мы в режиме войны.
Одинокий мальчишка ведёт
Против мира борьбу, но зачем?
Вряд ли мама в слезах его ждёт,
Вряд ли ждут от него перемен.
Журавлём я б хотела взлететь,
Рассекая собой горизонт,
Но быстрее меня стала смерть...
Я – одна, не считая ворон.
Мама.
Перестала однажды дышать,
Но чуть раньше, чем мне дано.
Человек роковой сделал шаг,
Для меня, для меня... роковой.

Странник

Я – вечно лишний господин
И прогоняемый с порога.
Я волей к правде одержим,
За то я каюсь перед Богом.
Я истиной живу – возможно,
Не той, что нравится другим.
И если я кладу меч в ножны,
Они вбивают в спину клин.
Я – не страдалец, но страдаю.
По воле случая виной
Меня повсюду наполняют,
И хлещет через край вино.
Роптать бы мне на эту долю,
Мне к небу руки бы поднять, –

Но, как захожий богомолец,
Твержу молитву я опять.
О покаянии и прощении
Врагов и ближних, и чужих,
О крепкой вере и терпении,
О грешных помыслах своих.
Я в меру сил иду навстречу,
От злобных камни пусть летят.
Я с ненавистью не отвечу,
Я с добротой пойду опять.
Я – вечно лишний господин
И раб, и раб я перед Богом.
Но не один я, не один
На этой жизненной дороге.

С молитвой

Благодарю за эту жизнь,
За все невыносимые беды.
Моя душа стремится ввысь,
Покой ей хочется изведать,
Чтобы по жилам растеклась
Любовь и доброта ко ближним,
Чтоб к делу появилась страсть,
Чтоб страх объял отречься трижды.

Пусть отпечатком на губах
Возникнет слово «Аллилуйя».
Пусть то, что просится в мольбах,
Не сможет оскверниться всею.
Сожжённый ладан, дым стремится
В объятья духа перейти.
Я благодарна за седмицу,
За то, что силы есть идти.

Память

Нике Турбиной

Свойство памяти – стирать,
Переделывать и спорить,
Разрывать к чертям тетрадь,
Где написано о горе.
Вспоминать (ещё изъян)
Про счастливые моменты,
Насыщать самообман
Бессюжетной киноленты.

Свойство памяти – менять
Грусть на радость, а потом,
Радостью всю гремя,
Превращать в металлолом.
Свойство памяти – хранить.
Это всё, что остаётся...
Пусть оно в груди болит –
Сердце от того и бьётся.

Скрипка

Полое тело скрипки
Жадно взывает к правде.
Гриф её тонкий, гибкий,
Привыкший к жестокой жажде –
Жажде высоких нот,
Ласковой нежности рук,

Кто пустоту займёт?
Кто будет с ней как друг?
Друг, наполняющий светом
Тихие возгласы правды.
Полое тело скрипки
Остаётся страдать от жажды.

Художник

Когда я не пишу – рисую, –
Немым кажусь: глаголет цвет.
Хватаю краски я вслепую
И поправляю свой берет.
Когда смолою вязкой мысли
Сползают, говорить нет сил...

Я самой яркой краской прысну,
Я в цвете мысль заключил.
Когда и думать нету мочи,
Когда вокруг всё в пух и прах...
В уме не создаются строчки,
Они рождаются в мазках.

Литвинова Мария Валерьевна (Кетовский МО)

Раздаётся звонок...

Раздаётся звонок.
Я иду на урок
В непоседливый пятый класс:
Этот ищет тетрадь,
Тот кричит: «Что писать?»,
И опять не готов пересказ.
И в огромной тоске
Я пишу на доске,
Повторяя опять и опять:
Как глаголы спрягать,
Как вопрос задавать
И когда мягкий знак написать.
И табличку для вас
Буду в тысячный раз
Объяснять, на доске рисовать,
Чтобы «О» или «Е»
Без сомнений вполне
После «Ш» вы умели писать;
Чтоб проверить могли

Вы, где «Е», а где «И»;
Знали, знаки как расставлять;
Чтобы мысли свои,
Дорогие мои,
Вы красиво могли излагать
И читать между строк,
Видеть мыслей поток
И угадывать смысл фраз.
В мире, в радости жить
И любить, и дружить
Научить я пытаюсь вас.

Раздаётся звонок.
И закончен урок.
Мой шумит непоседливый класс.
Зазвучит звонкий смех,
И теперь без помех
Разговоры польются у нас.

За тепло ваших глаз
И за искренность фраз,
И за чувств бесконечный поток
Я готова для вас
Даже в тысячный раз
Объяснять, толковать свой урок.

Кризис

Стою на перепутье. Сто дорог.
Сто дорог предо мной. Ни одной
Нет моей. И сомнений смог
Закрывает дальнейший путь мой.
Я иду в густой темноте,
Натыкаясь котёнком слепым
На предметы, которые мне
Не видны, зато зримы другим.
Мне куда направить стопы?
Мне чему верить сердце своё?
Так пусты, так неясны мечты.
Что же в этом тумане моё?
Я иду в густой темноте,
Натыкаясь котёнком слепым
На предметы, которые мне
Не видны, зато зримы другим.
Где же дело, себя посвятить
Мне которому суждено?
Как же «данное мне» не зарыть,
А посеять, чтоб зацвело?
Я иду в густой темноте,
Натыкаясь котёнком слепым
На предметы, которые мне
Не видны, зато зримы другим.
Рассекая незримую тьму,
Буду всё же упрямо плыть.
И, возможно, я путь свой найду.
Ну ведь где-то он должен же быть?
Я иду в густой темноте,
Натыкаясь котёнком слепым
На предметы, которые мне

Не видны, зато зримы другим.
Но котёнок прозреет когда-то –
И звезды путеводной свет
Вдруг направит мохнатые лапы,
На вопрос мой давая ответ.
Вновь пойду я в густой темноте,
Прозорливый кошачий глаз
Мне укажет в сомнений тьме
Путь, который ищу так сейчас...
Нам с тобою даётся лишь раз
Каждый день, каждый миг прожить.
То, что есть здесь и сейчас,
Никогда уже не повторить.
Не спеши, не беги. Суетой
Не тумань свежесть этого дня.
Ты представь: небо ЭТОЙ луной
Лишь разок взглянет на тебя!
Ну а завтра – новое утро,
Новый день и новый рассвет.
Ты встречай его так, как будто
Его в мире важнее нет.
Лишь сегодня – ТАКИЕ звёзды,
Лишь сегодня – ТАКАЯ заря.
Ты любуйся, пока не поздно,
Ведь вернуть их будет нельзя.
Ты настрой души своей струны,
Чтоб мелодией нежной своей
Они громкую музыку будней
Сделали чуть мелодичней, светлей.
Ты души настрой абажур,

Чтоб её согревающий свет
Изменил рельефность фактур
И раскрасил всё в яркий цвет.
Ты любовью весь мир обогрей,
Ты его напои добротой –
И взгляни на него теперь:

Он сияет теперь красотой.
Нам с тобою даётся лишь раз.
Этот день, этот миг прожить.
Не потом, не вчера, а сейчас,
СЕЙЧАС нужно счастливыми быть!

Край родной

Прекрасный день в разгаре самом лета,
Идём семьёй по узенькой тропе.
В зелёный бархат весь наш край одетый,
А солнце нежится в прохладной синеве.
Идем туда, где слышится журчанье
Реки Утяк, впадающей в Тобол,
Туда, где дышит всё очарованьем:
Река, тропа и весь зелёный дол.
Где дерево, склонившись над водою,
Кудрявою кивает головой,
Где сердце полнится блаженной тишиною
И нежною, отрадной теплотой.
Семьёй привал устроим на лужайке,
Укрытые под деревом в тени,
Или, с ребятами играя шумной стайкой,
Легко и весело проводим свои дни.
И год за годом – будто бы на встречу
С любимым другом – мы идём с тобой
В зелёный дол, где над весёлой речкой
Нам дерево кивает головой.
О милый край, свидетель всех забав
И детских игр ласковый отец,
Ты так прекрасен!
Ты так величав
И так для наших дорог ты сердец!

Рощица

(с. Лесниково)

В окруженье домов, в самом сердце села,
Среди улочек и переулков
Есть лесочек. Деревьев густая стена
Хороша для весёлой прогулки.
Здесь тропинки петляют одна за одной,
Птицы здесь круглый год распевают;
Здесь зимою, и летом, и ясной весной
Всей семьёй с наслажденьем гуляем.
Но милее всего, когда в дни октября
Мы здесь осень золотую встречаем,
С восхищеньем по листьям опавшим бредя
На пикник с травяным тёплым чаем.
А над нами берёзки довольно шумят,
В золотом красуясь убранстве,
Алым пламенем рядом осинки горят,
Сосны ж хвастают постоянством.
Мы идём, собирая в пышный букет
Разнотравья весёлые краски, –
И, наверно, счастливее нас в мире нет,
Потому что гуляем по сказке.
Я люблю эту рощицу всюю душой,
А за ней вся страна открывается.
Любовь к Родине нашей, общей, большой
Именно так начинается.

Моей первоклашке

С последним лучиком заката
Погасла летняя пора,
И осени багряной златом
На небе вспыхнула луна.
Прощай, горячий полдень года!
Благодарим за солнца свет,
Теперь осенняя погода
Нам шлёт свой пламенный привет.
Взойдёт другое завтра солнце,
Жизнь по-другому закипит, –
И дочка школьницей проснётся,

Ну а пока так сладко спит!
Ещё какие-то мгновения,
До школы – считаны часы,
Ещё один рубеж взросленья,
Ещё один полёт мечты...
Моя родная ученица,
Малышка милая моя,
Закружит скоро вереница
Дней школьных, Светочка, тебя.
Родная! К знаниям стремленье
Храни в своей душе всегда:

Тебя ждут дивные свершенья,
Труды, победы, достиженья,
Большие, важные дела!
А если встретятся преграды –

Не опускай пред ними глаз:
Ты помни, дочка, что мы рядом!
И что ты – лучшая для нас!

Июль, июль, ты – полдень лета...

Июль, июль, ты – полдень лета,
Прекрасны ночи, дни твои,
Когда всё с нежностью согрето
Лучами солнечной любви;
Когда, красуясь белой пеной,
По небу облако плывёт;
Когда, вся утопая в неге,
На клумбе лилия цветёт,
Смущаясь, скромницы-ромашки,
Слегка качая головой,
Улыбку прячут в сладкой кашке,
Поросшей яркой муравой;
И когда смелый одуванчик,
Покрывший золотом луга,

Спешит свой скромный сарафанчик
Сменить на пышные меха.
Июля знойные мотивы,
Июля жаркие тона,
Вы так волнующе красивы,
И вами так душа пьяна.
Июль, о милый, сердце лета,
Ты так стремителен и быстр:
Бегут денёчки незаметно
В потоке этих красок брызг...
Постой, замри хоть на мгновенье,
Нам жар объятий подари
Лесов и роц, и нив волненье,
Как символ солнечной любви!

Спички детям – не игрушка!

Жил Журавль на болоте,
Слыл у всех зверей в почёте,
Малышам – наставник был:
Как вести себя, учил.
Говорил Журавль Зайкам:
«Веселитесь на лужайке,
Стройте из песка куличики,
Но не смейте трогать спички!»
Так зверята и играли,
Грибы, шишки собирали,
Дружно помня об одном –
Что нельзя играть с огнём.
Правда, у одной Лисички
Вредная была привычка:
Для забавы и веселья
Нарушать все наставленья!
Вот пошла гулять Лисичка,
Взяв тайком от взрослых спички

И решив костёр разжечь,
Чтобы колобок испечь.
Миг – и вот огонь горит,
Пляшет пламя, дым валит...
Лепит колобок Лисичка –
И уж не следит за спичкой.
От ромашки до синявки –
Пробирается по травке
По сухой огонь тайком...
И уж всё горит кругом!
Вот опомнилась Лисичка:
– Что ты натворила, спичка?!
Испугалась не на шутку:
«Загорится моя шубка!»
Чёрный дым столбом валит...
Новость по лесу летит:
– Ох вы, звери, выходите
Все из нор, а то сгорите!..

III место (старшая группа)

**Пожидаева Валентина Сергеевна
(Шумихинский МО)**

Берегите друг друга

Мы все – недолюблены, все – одиноки,
В своих откровеньях безмерно грешны;
Мы все – многогранны и крайне глубоки,
Бываем толковы, бываем смешны.
Доходчиво мысли свои мы доносим
Совсем не всегда. А порою молчим.
Мы чувства свои, словно камушки, носим
В бездонных карманах широких штанин.
Заботы хотим, но людей сторонимся:
А если обидят? А вдруг не поймут?
В нас много тепла – но оно лишь хранится
В узлах крепких петель затейливых пут.
Открыть, словно книгу, людей невозможно,
Прочесть по порядку, узнать до конца, –
Но будьте ж друг с другом всегда осторожны,
Как с книгой:
С вниманьем чтеца.

Осенний разговор

Осенние мотивы сплелись в один узор,
А в нём родился тихий напевный разговор.
Берёзка жёлтым цветом сказала: «Улыбнись!
И красками цветными на зиму запасись».
Добавил клён, алея, мелодией своей:
«Развей тоску скорее в кругу своих друзей».
Всплакнула было ива, но тут же поняла,
Что жизнь всегда красива, коль не сгорел дотла.

Детям

Мамины таблеточки от любой невзгоды,
Тёпленькие лучики в злую непогоду
Радуют успехами, нежными словами.
Найдите, мои деточки: мама рядом с вами!

Новости из детского сада

Налей мне, мама, немножко много
Холодно-тёплой воды попить.
А завтра, кстати, пикник в детсаде,
Но с Сёмой я не хочу дружить:
Он всё дерётся, меня толкает,
Он больше мне не друг и не брат!

Я залукьянился с ним ругаться,
Я буду с Яшей теперь играть!
Когда я стану большой и сильный,
Мне Вероника родит сына.
Нет: даже трёх! Мы уже решили.
Адъос, амигос! Мамуль, пока!

Мне снилась война

Мне снилась война,
Все бомбили друг друга.
До этой войны
Я умела летать.

Но, выйдя однажды
Из адского круга,
О небе и крыльях
Могла лишь мечтать.

Специальный приз (старшая группа)

Коротовских Алиса Маратовна (г. Курган)

«За лучшую сказку в стихах»

**Песня о царе Барсени и Василиче
(изложенная переходим сказителем
с царского благословения)**

I

Пойте, гусли! Прославляйте
По просторам иноземным –
От сухих пустынь безбрежных
До вершины хладных скал –
Глас о том коте бесстрашном,
Чья краса сияет ныне,
Равно как и его мудрость,
Средь хранимых им земель.
Правит он горячим сердцем
И холодной головою,
И струится благоденство
В нежном ветре сих долин.
Верных подданных потоки
К царскому дворцу стекают,
Благодарности, смиренья,
Восхищения полны.
Пир идёт в палатах светлых:

Гуслеры играют бойко,
Молоко рекою пенной
Льётся чрез дубовый стол,
Яствами трещат подносы,
Полон гомона и песни,
И задорной, резвой шутки
Мраморный просторный зал.
Средь толпы гостей весёлой
Восседает, ярче солнца,
Ликом мил, но взором строгий,
Кот, сиятельнее всех.
То – властительный Барсений,
А по отчеству – Василич,

Просвещённый самодержец
Плодороднейших земель.
Ум его и меч воспели
И заморский сочинитель,
И придворный летописец,
И кочующий поэт.
Пойте, преданные гусли!
Расскажите и теперь нам
О житье и правом деле
Лучшего из всех царей.
Пир идёт весёлый, звонкий,
Но не внемлет гласу певчих
И дружины верной слову
Полосатый гордый Барс.
Опустил главу пушную
И насупил белы брови –
Видно, тягостная дума
Омрачила лик царя.
Не укрылась сия хмурость
Взора преданного друга –
Храбреца и воеводы
По прозванью Одноглаз.
Ни гулянья, ни камня
Не заботили служильца,
Лишь о царском благоденстве
Волновался всякий миг.
Молока отринув кубок,
Обратился он с поклоном:
«О чудеснейший Барсений!
Благородством ты сравним
Лишь с прекраснооким тигром,
Что опасным, хищным шагом
Пробирается сквозь джунгли.
Царь в них он. А здесь царь – ты.
Лучезарнейший Барсений!
Чашки ломаются едою,
Бок пушист твой, как и прежде,
И востёр орлиный глаз.
Отчего ж тогда печали
Суморочат твои думы?

И какой тогда кручиной
Затуманен светлый лоб?
Иль в блистающей столице
Нынче дюже беспокойно?
Или враг лихой страшит
Нас из-за диких степей?
Ты поведай, не таясь,
Коли я того достоин.
Помогу мечом, советом
И покорной головой».
Отвечал на то Барсений,
Справедливейший властитель
Гор, морей, лесов подлунных,
Златоглавых городов:
«Не тревожься, воевода:
Не грозит беда сим землям.
Тяжкая моя забота
Корнем прячется в летях.
Прошрое меня сковало
Меднокованною цепью:
Тайны лет, давно ушедших,
Ныне снова в дверь стучат.
И ни ратная дружина,
Ни товарищ, в бое стойкий,
Ни златые подношенья
Сих тревог не победят.
Договор напомнил старый
О себе дыханьем хлада, –
Договор, скреплённый честью,
Словом гордого кота.
Было мне вечер виденье:
Словно в тихую светлицу
Опустился сизый голубь.
Молвил он: "Черёд долгам".
И теперь покой не видеть
Ни очам моим, ни царству.
Меч разящий нависает
По-над буйной головой.
Отплатить настало время
За дары, что задолжал я.

Вьётся путь пред мной далёкий –
И опасен, и тернист».
Вскинул верный воевода
Глаз единственный горящий:
«Не казни, царь-благодетель,
Слово молвить мне вели.
Булава моя и храбрость –
Все они в твоём владеньи.
Не оставь в тоске столицу,
Брось в нелёгкий путь меня».
Но Барсений, сын Васильев,
Говорил на то служильцу:
«Сердце преданностью пышет
И усердием твоё.
Не кручинься, Одноглазый,
Но тяжёлую дорогу
Испытаний и обетов
Должен я пройти один.
Оставляю пышно царство
Я тебе на попеченье:
Зоркий глаз твой бдел всенóщно
За порядком средь дружин.
Верю, преданная лапа –
То мягка, а то когтиста, –
Не допустит произвола,
Смуты, голода, войны.
Верю, что по возвращеньи
Я найду покой в столице,
Сытость в деревнях и сёлах –
Так же, как и оставляя.
Верю, властью самодержной
Ни на миг не искусишься.
Верю больше, чем боярам,
Я тебе. Прощай, мой друг.
Я вернусь – и воссияю
Снова солнцем над долиной.
Сила наша лишь окрепнет
Среди всех иных земель.
Не червонец и не перлы –
За могущество расплата.

Честь, ответственность и ноша –
Путь царя и мудреца».
Пир широкий, пир беспечный
Льётся спорыми ручьями –
Опустел лишь посредине
Золотой тяжёлый трон.
Одноглаз, объятый думой,
Вслед глядел царёвой тени,
Что скользнула в сумрак ночи
Из сияющих палат.
Пойте, гусли! Шибче, шибче!
С пира шумного долюю,
Над рекою, под горою,
За котом летите вслед!..
Пил и я нектар там сладкий
Под царёвым грозным глазом.
Это – лишь начало сказа.
Расскажу, как на духу.

II

Вдалеке затихли гусли.
Смолк и звон застольной песни,
И дружины голос гулкий,
И беспечный смех девиц.
Скрылась шумная столица,
Куполами златодивна,
За спиной того скитальца,
Что в ночи свой прячет лик.
Проскользнул он серой тенью
Мимо ярмарок весёлых,
Мимо изб нарядно-чинных,
Мимо монастырских стен.
И никто в толпе гулянья
Иль на тихой узкой тропке
Не узрел, что пилигрим тот
Был Барсений, мудрый царь.
Дума тяжкая лежала
На челе пушисто-светлом:
Земли, вверенные сердцу,
Горько, горько покидать.
Но смирил тоску-кручину

Кот, что стойкостью прославлен,
И пустился в путь-дорогу
Из долины милой прочь.
Ночь и день он шёл упорно
В лунном свете серебристом
И под жаропылким солнцем –
Не сломил кота сей путь.
Пил он из ручьёв бурлящих,
Не из драгоценных кубков.
Отдыхал под сенью дуба,
Не на шёлке и парче.
Бок пушной, блестяще-гладкий
Пыль дорог запорошила;
Лапы нежны, благородны
Огрубели от пути.
И теперь, вестимо, в хмуром
Страннике устало-гордом
Не узнали бы Барсенья,
Лучезарного царя.
Отчего же испытанья
Отягчили царски плечи?
Что за тайное посланье
Голубь на крыле принёс?
И куда же путь свой держит
Чрез холмы и чрез овраги,
Позади оставив царство,
Несравненный храбрый Барс?
То секрет, хранимый зорко
За златою цепью чести,
За оковами порядка
И под страха злым замком.
Ни одной душе живущей –
Ни коту, ни доброй кошке –
Не раскрыл наш самодержец
Правды о былых летах.
Ловкость Барса воспевают
В долгих песнях во походных;
Мудрости его слагают
Сотни летописных глав;
Милосердие царёво

Славится во всей долине.
Но каким путём волшебным
Совершенства он достиг?
Хитрость, ум, добросердечность –
То дары от трёх кудесниц,
Колдовством соткавших древним
Несравнимый лик царя.
Каждая в главу пушную
По крупнице возложила
Качеств, благородства полных,
Озаривших правый путь.
Так Барсений, сын Васильев,
Полн блистательных задатков,
В миг единый из котёнка
Справедливым стал царём.
К процветанью и достатку
Он привёл свою долину,
Славу громкую стяжая.
Но какую же ценой?
Договор, скреплённый словом,
Отпечатком сильной лапы,
Много лет спустя напомнил
О воздании долгов.
За дары ответить должен
Пред колдуньями Барсений.
Что потребуют за помощь –
То неведомо коту.
И теперь лежит дорога
Чрез леса, поля, деревни
В логово кудесниц дивных –
Выполнять пора обет.
Вдалеке затихли гусли.
Одинок царь-самодержец.
Гордо, стойко и упорно
Он идёт к своей судьбе.

III

Шёл он день, другой. На третий
Пред янтарным строгим взором
В золотистой ржи сияньи
Пораскинулись поля.

Средь колосьев тяжких, зрелых
Копошились с писком мыши –
Столь сыты, хмельны свободой,
Что не зрят кота вблизи.
Голод обуял скитальца.
На раздумья сил не тратя,
Опушил он хищно спину,
Тигру став подобен вмиг.
На точёных мягких лапах
Ближе, ближе кот крадётся –
И изящен, и опасен,
И безжалостно когтист.
Шаг неслышный не встревожил
Сероухого мышонка –
Не успел несчастный скрыться
От жестоких ловких лап.
В смертоносных сжал объятьях
Кот-охотник сытный завтрак,
Но, заслышав писк молящий,
Зубы не спешил сомкнуть.
Так сказал ему мышонок:
«Отпусти меня, о хищник,
Благородно-полосатый
Странник из чужих земель!
Не желал ни зла, ни горя
Мой народ тебе мышиный.
Прояви же милосердые,
Подари пощаду мне!»
Отвечал на то Барсений,
Полноправный повелитель
Зеленеющей долины
Вольно-преданных котов:
«Отчего же, о добыча,
Мной пленённая по праву,
Должен я щадить смиренно
Твой непуганый народ?
Милостью небес высоких
Коготь дан и клык мне вострый.
То знак силы, прочной власти
Над твоею над судьбой.

Ты же слаб и сердцем робок,
Так могу без сожаленья
Подчинить твой дух и тело –
То природы есть закон.
Ведь на то я царь Барсений,
А по отчеству – Василич,
Благороднейший правитель
Солнцем ласканной страны.
Кто перечить мне посмеет?
Кто поспорит с самодержцем?
Пусть жестокой, твёрдой лапой
Проложу себе я путь!»
Возразил ему мышонок:
«О разумнейший властитель!
Не в суровости и зверстве
Познаётся мудрый царь.
Милосердие и мягкость –
Украшение для сердца.
Доброта и справедливость –
Что родные две сестры.
Сжался надо мной, Барсений,
Усмири свой хищный нрав!
Небо светлое не знает
Пред тобой моей вины.
Коль пощаду обещаешь,
Буду я тебе полезен.
Нет в жестокости благого
Света праведной души».
Хмурая закралась дума
В помыслы царя пушного:
«Есть зерно золотое правды
Во мышиных сих речах.
Даровала милосердые
Мне волшебница младая,
К сердцу нежно прикоснувшись
Розоперстою рукой.
И с тех пор и воевода,
И народ мой благодарный,
И заморская царица
Знают – добр я душой.

И в делах правленья трудных,
И на хладном бранном поле,
И в суде, и на совете
Справедливостью хвалюсь.
Как дороже изумрудов
Молока парного миска
Для кота, что жаждой мучим,
Так и для меня сей дар
Станет лучшею подмогой
На пути решений трудных.
Покорюсь колдуньи воле,
Милосердье проявлю».
Так подумав, сын Васильев
Разомкнул кинжалы-когти.
«Ты свободен, – молвил добрый,
Солнцу ликом равный царь, –
Усмирю сегодня голод,
Ибо сердцем дюже мягок.
Позабудь же ты опасность,
Полевой мышиный дом!»
А мышонок сероухий,
Ветерок почуяв вольный,
Встрепенулся, отряхнулся –
И склонился в самый пол:
«Царь кошачий милосердный!
Злата ярче свет души твой!
За своё освобожденье
Я тебя благодарю!
Век тебе полезен буду,
Точно как и обещал я,
Ибо средь страны мышиною
Я наследный светлый князь.
Ты прими, царь-благодетель,
В дар такую драгоценность,
Что ни в море не отыщешь,
Что не встретишь на земле.
Это – колосок пшеничный
Из чистейшего из злата,
Каждое зерно есть перл,
Серебро же – стебелёк.

Колос сей волшебной силой,
Благодатной иль опасной,
Неизвестной, но прекрасной,
Обладает, говорят.
Власть сия пленяет многих:
И колдуньи все лесные,
И волшебницы морские
Им мечтают завладеть.
Много, много лет хранилось
Это чудо в норке князя.
С высочайшего указа
Отдаю его тебе».
Принял Барс подарок ценный,
Получил и наставленье:
«Пуще глаза, пуще уса
Береги наш колосок.
Будет он на поминаньем
О сердечном благородстве,
И авось в пути поможет.
А на том – прощай, царь-кот!»
Так Барсений, сын Васильев,
Милосерднейший властитель,
Миновав поля златые,
К солнцу двинулся вперёд.
Вдалеке запели гусли –
Города ль зовут иные?
Нет, для нового сказанья
О коте настал черёд.

IV

Что синицы вольной крылья,
Дни летят в дороге длинной.
Не сошёл с тропинки верной
Ясноокий храбрый кот.
День, другой минул со встречи,
Третий к ночи уж клонился,
Как пред острым царским взором
Встала череда холмов.
Но не скована молчаньем
Травянистая обитель:
Склоны, норами изрыты,

Бурной жизнью кипят.
Весела, светла огнями,
То была столица царства
Под началом лисьей лапы.
Кот наш в ней – незванный гость.
Рассудил, подумав крепко,
Луноликий Барс Васильев:
«Ни союзником, ни братом
Мне не назван лисий царь,
Но однако ж и в сраженьи,
Во кипучем жерле брани,
Не трепал его мех рыжий
Я своею булавой.
Так авось беды не встретить
Мне в краю лисиц лукавых.
Здесь найду ночлег и пищу.
Не таясь, войду во град».
Подошёл к воротам путник –
Глас раздался от заставы:
«Кто, ответь, таков ты будешь,
Нищий пыльный пилигрим?»
Очи Барса загорелись
Искрами шальными гнева:
Словом, брошенным беспечно,
Ущемили честь царя.
Распушив загривок грозно
И усами гордо дрогнув,
Снизошёл он до невежи,
Благородно речь повёл:
«Знать, обманывают слухи,
Что ваш род назвали хитрым.
Лисам чужда прозорливость –
Ты, дозорный, слеп и глуп.
Коли бы имел ты очи
Иль ума звенящий проблеск,
То с почтеньем и боязнию
Поклонился б тотчас в пол.
Пред тобою царь Барсений,
А по отчеству – Василич,
Что по праву в лапах держит

Золотой простор долин.
И в речных глубинах окунь,
И на небе сизый голубь –
Всякий власть мою уважил
И колено преклонил.
Открывай ворота, сторож,
Да встречай меня с почётом!
Во столице вашей лисьей
Царь Барсений нынче гость!»
Створы тотчас распахнулись –
И навстречу прыгнул ловко
В алтабасовых одеждах
Ликом хитрый лисий царь.
Полосатого скитальца
Встретил он объятъем крепким,
Поцелуем троекратным
Во пушистые уста.
«Здравствуй,
 брат мой и товарищ! –
Молвил с нежною улыбкой. –
Здравствуй, славный повелитель
Милой мне страны котов!
Озарил, как солнца лучик,
Сквозь туман
 пробравшись хмурый,
Твой визит мою обитель,
Что печалилась во тьме!
Не серчай ты на дозорных,
Лучше шаг стели за мною
Во просторные палаты –
В честь твою устроим пир!»
Вновь рекою льётся бойкой
Молоко по стройным кубкам –
Веселится и пирует
Лисий весь честной народ.
Плясом увлекли задорным
Барса рыжие плутовки,
Молоко туманит разум
Хмельно-ленной пеленой.
Что гусяр, а что боярин –

Пред лисицами склонятся.
Так себя ты, сын Васильев,
На погибель сам обрѣк!»
Но, пока лилися речи
Хитроумного владыки,
Так Барсений неунывный
Торопливо рассуждал:
«Средняя из трёх колдуний
Дар волшебный мне вручила –
Ловкость и ума проворность
Помогают в трудный час.
И при войска расстановке,
И в шатре переговоров
В хитрости и тонком плане
Равных нет мне, почитай.
Дар чудесный вновь сослужит
Мне полезнейшую службу:
Я спасу себя и царство,
Коль лису перехитрю!»
Так ответил самодержец
Плодороднейшей долины:
«Нет, не все я выдал тайны
На пиру тебе, царь-лис.
Драгоценнейшая волость
Есть отсюда недалёко –
Равно как и над долиной,
По-над ней мой властен взор.
Коли сердцем поклянёшься
Отпустить меня из плена,
Не коситься хищным глазом
Впредь уж на мою страну,
То отдам тебе те земли,
Что известны сытной птицей
(Куры в ней живут привольно,
Только ждут, чей встретить зуб).
Ежели строптив и дале
Будешь, не внимая слову,
То кошачий воевода
Разорит твой лисий дом.
Стоит знак подать мне тайный –

Ратная моя дружина
В город средь холмов ворвётся.
Поразмысли, рыжий плут».
На мгновение лишь дума
Непроглядной пеленою
Лисьего царя пушного
Затуманила чело.
«Что же, брат мой, сын Васильев, –
Был коту ответ весёлый, –
Укажи ты в свою волость
Мне кратчайший верный путь.
Коли истину глаголишь,
Коли встречу кур там жирных, –
То сдержу золотое слово,
Что по чести дам тебе:
Отпущу на волю Барса,
Что синицей глупой в сети
Угодил ко мне удачно.
Так на том и порешим!»
Так подумал Барс хитрейший,
Из норы всходя на волю:
«Обмануть меня задумал
Многоумный лисий царь!
Слова своего не сдержит,
Но а я того ловчее:
Заманю его в ловушку –
Будут поминать, как звать!»
Обрядил правитель рыжий
Благородное посольство:
Взял бояр, князей, дружину,
Землемеров и писцов.
Так, зари не дожидаясь
На востоке проблеск светлый,
Лисы поднялись в дорогу
С храбрым Барсом во главе.
Вёл он их сквозь сумрак ночи:
Чрез пучины чёрной чащи,
Чрез луга, луной облиты,
По тропинкам средь болот.
Лишь когда устали лапы

И репей хвосты измучил,
Перед взором лис бессильных
Появились воротá.
То курятник был обширный,
Что до неба поднимался
И стелился в даль седую
Столько, сколь хватало глаз.
«Ну, проверим, для чего же
Утомил нас кот дорогой, –
Молвил лисий самодержец, –
Открывайте воротá!»
Только лязг петель раздался –
Всколыхнулось кудахтанье
Тысяч голосов куриных.
Лисы бросились в амбар.
В одиночестве Барсений
У тяжёлых врат остался,
Слыша вздохи восхищенья
И задорный лисий смех.
Переполошили птицу
Лисьи хищные повадки,
Но – внемлите! – в гомон дружный
Вклинился вдруг грозный рык.
Миг. Затишье. Страх. Смятенье.
Над жердями сонных куриц
Возметнулся, жути полный,
Крик посла: «Тревога! Псы!»
«Отзови сторожевого, –
Крикнул Барсу царь лисичий, –
Он, с оскáленною пастью,
Нас грабителями счёл!»
Отвечал ему Барсений:
«Рад бы названному брату
Я помочь, – да ведь курятник
Этот вовсе и не мой.
Знай же: псов лихая свора
Во главе со светлым князем
Сей землёй владеет крепко.
Их границу ты пресёк!
Расскажи собак дружине,

По какому же по праву
Ты, властительней султана,
На чужих кусишься кур!»
Так сказавши, сын Васильев
Затворил ворота ловко,
И внутри вскипела драка –
Лай, проклятья, визги, вой!
То столкнулись щит и копья,
Когти и клыки стальные
Двух противников извечных –
Сильных псов и прытких лис.
Ключья полетели всюду.
Видит ловкий кот Барсений:
Из чердачного окошка
Вниз летит пушистый хвост.
Дивной он сверкал искрою
В свете лунном серебристом –
То был рыжий мех волшебный,
Гордость лисьего царя.
Подхватил трофей Барсений,
Что таким трудом достался,
И во мраке леса скрылся,
Как таинственная тень.
«Ты, кудесница, сдружила
Мне чудеснейшую дружбу! –
Думал он, шагая смело
Снова во далёкий путь, –
Дар твой ценный спас мне шкуру
В западне врагов коварных:
Хитрость сберегла благая
Полосатый гладкий бок!
Не забуду ввек подарка,
Что высокой цели ради
Обмануть помог лисицу.
Отплачу за то сполна!»
Тянется дорога снова
Под хитрейшей ловкой лапой.
Пойте, гусли, пышну славу
Силе вёрткого ума!
Слышу, слышу, вдаль струится

Песня бодрою рекою –
Продолжается сказанье
О Барсении-царе.

У

День, другой идёт сквозь дебри
Белоусый самодержец.
Лишь на третий день поляна
Вдруг открылась перед ним.
В сумерках прозрачно-синих
Просыпались в чаще совы
И слетались бесшумно
К дубу с гору вышиной.
Дуб над лесом возвышался,
Что могучий повелитель,
Мудрости чьей путь отмечен
На коре на вековой.
Многи тысячи пернатых
На раскидистые ветви
Опускались, глазом строги, –
Собрались держать совет.
Был сие обычай древний
Во совином государстве:
Справедливейшее вече
Здесь вершило судьбы птиц.
Так решил суждёньем здравым
Златоокий царь Барсений:
«Проходя сквозь эти земли,
Я почтенье проявлю.
Благомудрием известны
Совы – хищники ночные;
С ними о надёжной дружбе
Мы скрепляли договор.
Верю, что не встречу лиха
У совиной я царицы,
А совета речи внемля,
Ум и разум накоплю».
Благородным гостем скромным
У корней извѣтых дуба
Кот садится и кивает
На приветствие бояр.

Час настал большого веча.
Тишь окутала поляну:
В белых перьев колыханьи
Прибыла царица-мать.
Серебра богатым блеском
Отливают сильны крылья,
Взор сияющий полнится
Мудростью прожитых лет,
Клюв и коготь твёрже стали,
Глас – хрустальной вод бегущих.
Что алмаз с точёной гранью,
Восхитительна она.
Барса за приметив издали,
Голову склонила чинно
Ясноокая царица –
Равный равного узрел.
На роскошный трон среди кроны
Села, свитой окружена,
В тишине покорно-строгой
Повела такую речь:
«Только луч последний солнца
За верхушкой леса скрылся,
На поляне сей собрался
Ты, вернейший мой народ,
Чтоб решить по воле предков,
По традиции извечной,
Спором иль единым гласом
Одного из нас судьбу.
Нынче нас собрал на вече
Молодой совёнок бойкий –
Взбунтовался против стаи,
Только пух сойти успел.
Просит у старейшин мудрых
Он благого позволения
На невиданное дело –
С журавлями улететь.
Мир узреть задумал вольный
Наш совёнок неразумный,
Повидать чужие страны,
Что опасности полны.

Род наш долго, век от веку,
В сих гнездится тихих землях,
С журавлиным клином совы
Не летают на юга.
Что ответит суд мудрейших?
Отпустить птенца ли надо
Или образумить твёрдо,
Строгий преподать урок?
Каждый, кто сидит на вѣтвях,
Пусть свою расскажет волю,
Но решающее слово
Изречь, вестимо, мне».
Поднялися над поляной
Уханье и клич великий:
Прекословят, спорят совы
Над решением трудных дел.
И, пока совѣнка просьба
Не родила склок и драки,
Вновь возвысила царица
Справедливый мудрый глас:
«Тише, буйствующие птицы!
Речь ведите с уваженьем
И природным благородством:
Среди нас сегодня гость.
Светлый царь и сын кошачий,
Достоцитимый Барс Васильев,
Посетил в дороге долгой
Наш прославленный совет.
Честь окажем и вниманье
Путнику земель далѣких:
Отдадим в нелѣгком споре
Слово первое ему.
Рассуди, Барсений мудрый,
Как ответить нам совѣнку,
Что посмел оспорить дерзко
Предков праведный наказ?»
Крепкая объяла дума
Лоб пушисто-полосатый:
«В обращении учтивом
Ты права, царица-мать.

Разум, глубиной сравнимый
Лишь с пучиной океана,
Старшая из трёх кудесниц
Мне преподнесла, как дар.
Нежной твёрдою рукою
Моего чела коснулась –
И с тех пор прозвали мудрым
Повелителя долин.
Ум недюжинный спокойный
Во правленьи помогает:
Хладнокровно, справедливо
Над котами суд вершу.
Будь то спор войны и мира,
Иль торговли предприятие,
Иль крестьян вопрос земельный –
Мудростью везде блещу.
Дар волшебный мне поможет
Рассудить и сов достойных.
Дам совет пернатой стае,
Покажу свой дивный ум».
Отвечал мудрец Барсений
Среброкрылой птиц царице:
«За высокое доверье
Я тебя благодарю.
Коли слышать ты желаешь
Скромное кошачье слово,
То скажу я: отпустите
В путь далѣкий вы птенца.
Пусть увидит глаз просторы,
Пусть крыло полѣт измает,
Пусть суровым вольным ветром
Сдует юный нежный пух.
Тот урок всего ценнее,
Что своим трудом достался.
Улетит птенец наивный –
Возвратится мудрый сыч.
Так позвольте ж самовольно
Вы вершить судьбу совѣнку.
Лишь в свободе крыл и воли
Вырастает сильный дух».

Так сказав, умолк Барсений.
Воцарилось над поляной
Думой полное молчанье:
Впечатлил старейшин кот.
Но, смелая, друг за другом
Поднимали голос совы
И согласие выражали
С речью, что глаголил Барс.
Так промолвила царица,
Торжество храня во взоре:
«Твоему совету внемлем,
О мудрейший из котов.
Выпустим в полёт свободный
Легкокрылого совёнка,
Ибо истина золотая
Во словах твоих звенит.
Ты прими, челом всесветлый,
В благодарность дар чудесный,
Что сослужит верну службу,
Сколь далёк бы ни был путь».
Так сказавши, клювом вострым
Пёрышко она достала
Белоснежно-серебристо
Из роскошного крыла.
«Жемчугами и алмазом
Отливают мои перья, –
Гордо молвила царь-птица, –
Волшебство сокрыто в них.
Лишь сего пера коснёшься
Волевым шершавым носом,
Лишь во думах загадаешь
Место, куда держишь путь, –
Тотчас, как на быстрых крыльях,
Колдовская чудо-сила
Сквозь леса, поля и горы
Вмиг тебя туда домчит».
Принял кот сей дар бесценный
С наставлением впридачу:
«О цене решений мудрых
Станет памятью перо.

Им распорядись с умением,
Направляй всегда на благо
Качества души пушистой.
В добрый путь, кошачий царь!»
Уханьем и добрым словом
Провожали гостя совы:
На прощание склонила
Голову царица-мать.
Благодарностью душевной
Им ответил царь Барсений –
И, пера коснувшись носом,
Испарился в тот же миг.
Слышу пенье струн стогласых:
О мудрейшем властелине
Гусли нежными ручьями
Песню долгую струят.
Не затихни, сладкозвучно
Слово древнего сказанья!
Вьётся, вьётся путь-дорога –
Вот и цели кот достиг.

VI

Лишь перо из крыл блестящих
Тронул Барс пушистой мордой,
Как чудесная пещера
Своды сдвинула над ним.
Древней клинописи строки
По стенам струятся гладким,
Дивным неземным сияньем
Потолки озарены.
Словно днём, светла обитель,
Что от взоров чуждых скрыта
В глубине лесов дремучих,
За пологом медных гор.
Посреди пещеры тайной
Восседают с рукодельем
Три кудесницы – искусно
Тонкую спрядают нить.
Поклонился кот любезно
И с почтением великим.
Так волшебницы Барсенью

Отвечали на привет:
«Здравствуй,
 тот, кто был прославлен
За моря и океаны
Равно мудростью, лукавством
И сердечной добротой.
Видно, голубь, наш посланник,
Весть принёс на лёгких крыльях
В тихие твои палаты:
Отдавать пора долги.
За дары, что многи леты
Путь твой славный украшали,
Ныне дружеской услугой
Просим нам помочь в ответ».
Отвечал на то кошачий
Царь с смиренной головою:
«Справедливо ваше слово.
Что велите – совершу».
Первой поднялась с уступа
Младшая из трёх колдуний,
Что сравнима ликом ясным
С нежной утренней зарёй.
Молвила: «О царь Барсений,
Милосердые даровала
Я тебе в былые годы
С помощью волшебных чар.
Докажи, что с лет минувших
Сердце ты хранишь золотое,
Звуком доброты поюще,
И не растерял мой дар.
Для того достань, попробуй,
Собственной мягчайшей лапой
Из норы князей мышинных
Ты пшеничный колосок.
Он отлит волшебной силой
Из чистейшего из злата,
Каждое зерно есть перл,
Серебро же – стебелёк.
Ни насильем, ни раздором,
Ни жестокой крепкой хваткой

Не добудешь это чудо:
Мягкость лишь поможет тут».
Но на то Барсений добрый
Говорил, светя очами:
«Дар твой я хранил прилежно,
Час от часу применял.
Колосок златой пшеничный
Мне отдал мышонок серый,
Как награду за благое
Милосердие моё».
Так, с учтивейшим поклоном
И в усах тая улыбку,
Чудо-колос драгоценный
Он волшебнице вручил.
Глаз небесных тёплым светом
Отвечала чаровница
И кивнула благосклонно,
Принимая дар мышей.
Вслед за тем проворно встала
Средняя из трёх кудесниц,
Чья краса сияла солнцем,
Полдня золотым лучом.
«Ловок, ловок, царь Барсений! –
Молвила она с улыбкой, –
Но труднее есть задача
Для тебя в моём уме.
Покажи, что не случайно
Хитростью ты был прославлен:
Изловчись, добудь волшебный
Хвост лисичьего царя.
Но ни честный поединок,
Ни обмен, ни договоры,
Ни подспорье грубой силы
Не помогут, добрый друг.
Лишь одним ума проворством
И лукавым ухищреньем
Ты получишь чародейских
Тайных свойств пушистый мех».
Но на то Барсений хитрый
Отвечал с лихой ухмылкой:

«Не напрасно одарила
 Меня ловкостью ума,
 Ты, прекраснейшая ведьма.
 Не впустую маял лапы
 На извилистой тропинке:
 Лисий хвост уже при мне».

Протянул он в белы руки
 Рыжий мех с золотою искрой –
 Точно блик звенящий солнца
 Озарил колдуньи лик.

Обернулся кот ко старшей
 Из блистательных кудесниц,
 Что луне была подобна
 Во спокойствии своём:
 «Коли получить ты хочешь,
 О чудеснейшая жрица,
 Жемчугами и алмазом
 Осиянное перо,
 Что вручила мне царь-птица
 Во совином государстве
 Мудрости моей в награду, –
 То бери, оно твоё».

Так он речь повёл проворно,
 Но подняла чародейка
 Длань, слова перерывая.
 Был таков её ответ:
 «Не оспорить, сын Васильев,
 Что цветёт, из крохи дара
 Древом выросши ветвистым,
 Мудрость во челе твоём.
 Но не нужно мне гостинцем
 Ни хвоста царя пушного,
 Ни колосьев драгоценных,
 Ни волшебного пера.
 Долог путь твой был и труден,
 И за то вознагражденье
 Лапам и душе усталым
 Я желаю предложить.
 Можешь, ежели захочешь,
 Тяжкой ноши царской власти

И забот правленья трудных
 Впредь не видеть на плечах.
 Есть чудесный край далёкий:
 Неги там полны минуты,
 Дни – сладчайшей нежной лени,
 Беззаботности – года.

Одному движенью лапы
 Повинуются там люди:
 Молока парного блюдца
 И вкуснейших яств несут.
 Сон тревожить твой не станет
 Дело иль печаль долины,
 Лишь ласкать пушисты щёки
 Будет добрая рука.

Обожаньем и почтеньем
 Окружён вседневно станешь,
 Но не будешь ты в ответе
 Пред широкою страной.
 Коль желание изъявишь,
 Я открою в край тот дивный
 Для тебя золотую дверцу.
 Принимай решенье, кот».

Хмурит тягостная дума
 Многоумный лоб пушистый,
 Пеленой сомнений трудных
 Затуманен ясный взор.
 Воцарилась тишь в пещере,
 Но не долгий час ответа
 Ведьмам ждаты пришлось
 в молчаньи –

Поднял Барс прекрасный лик.
 Так ответил царь Барсений,
 А по отчеству – Василич,
 Светлый разумом правитель
 Процветающей земли:
 «О мудрейшая из мудрых,
 За участие и щедрость
 Мне предложенной награды
 Я тебя благодарю.
 Но, сколь сладко ни звучала б

Речь твоя, сколь ни манила б
Жизнь в таком волшебном крае,
Наслаждения полна,
Не могу я снять беспечно
Тот венец, что с царской властью,
Почестью да уваженьем
И ответственность несёт.
Не оставлю без подмоги,
Без родной отцовской лапы,
В тяжкой горести безвластья
Я народ своих долин.
Не червонец и не перлы –
За могущество награда.
Честь, ответственность и ноша –
Путь царя и мудреца».
Поднялась тогда неспешно
Старшая из трёх волшебниц:
Ярче звёзд сияют очи,
Гордостью струится речь:
«Ты прошёл, Барсений мудрый,
С честью это испытанье:
Себялюбие отринул
И гордыню усмирил.
Это – истинная мудрость,
Что правителя венчает.
Доказал, что ты достоин
Был полученных даров.
Возвращайся гордым шагом
В золочёную столицу,
Не оставь и впредь в тревоге
Милой сердцу стороны.
Знай – под нашим чутким взором
Благоденствие долины,
Ибо верим мы в удачу
Лучшего из всех царей.
Хитрость, ум, добросердечность –

Украшение для сердца
И главы любой пушистой.
Ну, ступай! Счастливый путь!»
Пир идёт в палатах светлых:
Гусляры играют бойко,
Молоко рекою пенной
Льётся чрез дубовый стол,
Яствами трещат подносы –
То пера жемчужным взмахом
В миг единый возвратился
В дом родимый славный кот.
Возвращение царёво
Радует котов вернейших,
Шумно празднует дружина
С Одноглазом во главе.
Ярче всех сияет взором
За столом Барсений светлый,
А по отчеству – Василич,
Царь, прославленный в веках.
Был и я на том гуляньи:
Мёд и пиво золотисто
По усам струилось сладко –
Даже в рот попало чуть.
Но того намного пуще
Был я занят разговором:
С верных слов царя пушного
Я записывал рассказ
О далёких похождениях,
О чудесных испытаньях,
Чтобы в песне сладкозвучной
Звонким струнам передать.
Правил много лет Барсений,

Славный и умом, и сердцем.
Но на том пора закончить
Долгий сказ и добрый путь.

Соловьёва Юлия Николаевна (Мишкинский МО)

«За проникновенность»

Молитва матери

Когда в райском саду, на рассвете,
Новый день зарождался сначала, –
В теплом бархате алого цвета
Тихо мать ребёнка качала:
«Спи, родная, сердечко шальное...
Пусть приснятся тебе чудеса,
Ангел крылышком в горе укроет,
От грехов защитят небеса».
Спит малышка на ручках у мамы,
Улыбается тихо во сне.

Будут в жизни большие преграды –
Защитит душа мамы везде.
«Пусть не тронут малютку худые,
Пусть Господь провожает нас в рай;
Пусть хранят нас молитвы родные, –
Только, милая, спи, засыпай...»
Так, несмело в саду напевая,
Замирая от вздохов дитя,
Мать молитву тихонько читала,
От беды своё счастье храня.

Гладкова Лилия Максимовна (г. Курган)

«За веру в чудо»

Зелёная птица

Зелёная птица,
Зелёные ноги.
Спешу я
Наугад по дороге.

И, кажется, уже
Ничего не случится.
Прощай, прощай,
Зелёная птица!

Необычный сон

Однажды мне приснился сон,
Что по аллеям бродит слон –
В сине-розовых трусах,
В жёлтых тапках на ногах,
В красненькой рубашке,
А на ней – ромашки.
Ходит он по парку,
Раздаёт подарки.

Любит слон детей и взрослых –
Всех без исключенья,
И по праздникам даёт им
Вкусное печенье.
Я проснулась, удивилась,
А потом развеселилась:
«Ах, какой забавный слон!
Я хочу обратно в сон!»

Осень

Осень – время размышлений,
Впечатлений и сомнений.
И надежд моих крушенья:
Раз – и нету вдохновенья!

Получив бесценный опыт,
Ищу нужные мне тропы.
Это ведь особый дар –
Правильно держать удар!

Мама отдыхает

Мама дома отдыхает:
Всё бельё перестирает,
Приготовит нам обед –
Кашу, суп и винегрет;
Заберёт детей из сада

И прибраться будет рада;
С нами сделает уроки,
Книжку почитает...
Посудите, дети, сами:
Мама – *отдыхает?*..

Ветреная девушка

С ней знакомы были мы,
Я её любил.
Что ни утро – для неё
Подарки приносил.
Я за ней ухаживал,
Песни напевал.
Ночью мою девушку
Нежно обнимал.

Как-то раз на улице
Встретились мы с ней.
Золотые бусики
Преподнёс я ей.
Говорил: «Исполню
Все твои мечты!»
А она ответила:
«Мне не нужен ты...»

Дорогая, расскажи-ка мне...

– Дорогая, расскажи-ка мне,
Что ты видела сегодня
В своём сне.
– По ресторанам он меня водил,
Букеты, шоколадки мне дарил.
Говорил, что будут у нас дети,

Будем мы счастливей
всех на свете.
А потом тепло со мной простился
И куда-то тотчас испарился...
И одно лишь непонятно мне:
Почему не женятся во сне?!

Кто такой Бог?

Кто такой Бог –
Нам понять не дано.
Сказочный, странный...
Мне ясно одно:

Он нас по жизни
Всё время ведёт.
Настанет момент –
К Себе заберёт.

НОМИНАЦИЯ «ПРОЗА»

1 место (младшая группа)

Емельянова Полина Александровна

(Кетовский МО)

Две бабочки

Жили-были две бабочки, которые очень любили врать и надо всеми подшучивать.

Однажды тёплым днём, когда очень много зверей гуляло, бабочки взлетели с разных сторон одной из полянок и одновременно закричали:

– Помогите!.. – Спасите! Крылышко подбили!.. – Еле летим!..

Все звери всполошились, стали искать кричащих бабочек. Прошло два часа – так никого и не нашли.

– Словили бабочек, наверное, – говорит Белка. – Не найти их уже...

– Не говори так! – сказал Медведь. – Найдём ещё!

Тут из-за деревьев вылетели две бабочки.

– Ха-ха-ха!.. – засмеялись они в один голос. – Повелись на шутку!.. Ха-ха-ха!..

Обиделись звери на бабочек: не в первый раз такие шутки.

Да только через неделю опять услышали крик бабочек со стороны дороги.

– Опять шутят над нами, – говорит Белка. – Не пойдём спасать!

– Да, ты права, – ответил ей Лось.

А бабочек в это время ребята поймать пытались. Хорошо ещё, Волк и Лиса неподалёку гуляли, увидели это и позвали остальных зверей.

Спасли бабочек звери, а напоследок сказали:

– Чтобы такого опять не случилось – не нужно врать и шутить. Придёт и вправду беда – вам никто не поможет!

Больше бабочки не проказничали и подружились со всеми животными, что раньше за враньё да шуточки их недолюбливали.

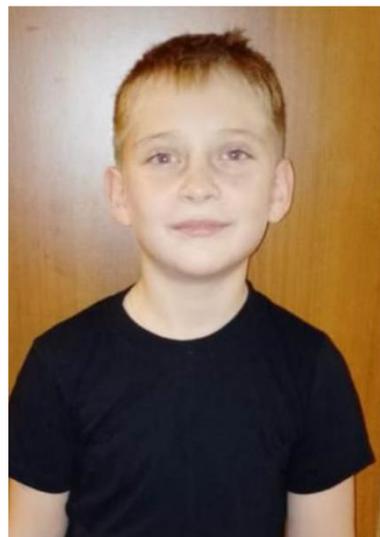

II место (младшая группа)

***Величко Артём Викторович
(Частоозерский МО)***

*Наставник – Буровцева Ирина Николаевна,
классный руководитель*

Белохвостик

На лесной опушке стоял дом. Жил в этом доме дед Егор. Он был лесником. И жил с ним внук Фомка.

Пошёл однажды дед Егор в лес посмотреть, всё ли там в порядке, а Фомку оставил дома. Идёт по лесу и видит, что под кустом маленький зайчонок сидит. Дрожит, испугался: не иначе, от мамки-зайчихи отстал.

Посидел дед на поваленном дереве, подождал – вдруг зайчиха прибежит. Но тихо было в лесу: ни сучок не треснет, ни трава не шелохнётся. Тогда дед посадил найдёныша в шапку и понёс домой.

Фомка увидел зайчонка и очень обрадовался. Он стал за ним ухаживать и назвал его Белохвостиком: ведь был зайчик весь серенький, только хвостик – беленький.

Так прошли месяцы. Пролетела незаметно зима. Зайчонок подрос. Дедушка сказал внуку, что нужно отпустить зайчика на волю в лес.

Фомка послушался деда и отпустил Белохвостика. Да только так сдружились оба за зиму, что совсем им не хотелось расставаться. Убежал Белохвостик на волю, но, к удивлению дедушки и внука, всегда возвращался обратно. Побегает, попрыгает возле дома на полянке – и снова в лес.

А Фомка – даром что сам давно повзрослел – всегда вспоминает своего друга Белохвостика, которого вырастил у дедушки в лесу.

III место (младшая группа)

Сорокина Ольга Константиновна
(Частоозерский МО)

*Наставник – Зыкова Ксения Юрьевна,
классный руководитель*

Две сестры

В одной прекрасной стране жили Король и Королева. Было у них две дочери – Розочка и Лилия. Королева так любила цветы, что имена своим дочерям дала в их честь.

Правда, цветы эти – совсем разные. Вот и характер у девочек тоже был разный: Розочка, как и её цветок-тёзка, была красивая, но могла и уколоть своими словами; Лилия пленила окружающих своей нежностью.

Так и жили бы дальше, но старели родители. И пришлось Королю с Королевой принимать решение, кто же будет править королевством. Своих дочерей оба любили одинаково сильно и обидеть не хотели. Тогда решили спросить у народа королевства, кто из дочерей более достоин управления. Призадумался и народ – ведь каждая была по своему хороша.

Один мудрый человек рассудил так: раз у сестёр «цветочные» имена – пусть они с помощью цветов расскажут о том, как народ в королевстве будет жить при их правлении.

Заволновались Розочка и Лилия и стали думать: ведь обе любили друг друга, и ссориться им не хотелось.

Вот в королевстве назначили день, когда будет принято решение. Собрался народ у дворца и удивился: все цветы в дворцовом саду были пересажены! Да так, что рядом с благородными цветами соседствовали неброские. Рядом с розами цвели простые ромашки, с лилиями соседствовала календула, но все вместе они сплели замечательный узор!

Удивились Король с Королевой, изумился и народ такому цветочному ковру – и решили: править будут обе сестры. Если для них цветы одинаково ценны, то и народ королевства они будут любить и делать всё возможное для его процветания.

Специальные призы (младшая группа)

Рубцов Илья Олегович (Кетовский МО)

«За доброту произведения»

Волшебный изумруд

В одном царстве жили-были царь с царевной. Однажды царевна захотела владеть волшебным изумрудом, который исполняет все желания. Находился камень за тридевять земель, в подземелье могучего дракона.

Отправил царь своих подданных добыть этот изумруд. Прошла неделя – их нет. Прошёл месяц – их нет. Царевна была очень зла на мужа, что у неё до сих пор нет этого камня. Думал-думал царь, что делать дальше, – и решил издать указ для народа: «Кто добудет волшебный изумруд, получит полцарства и принцессу в жёны».

Услыхал об этом простой паренёк Иванушка, решил попробовать свои силы – да и отправился за тридевять земель, в подземелье дракона.

Неделю идёт, вторую, видит – впереди старушка идёт с тяжёлым коробом. Решил Иванушка помочь бабушке и донёс короб до её дома. А по пути рассказал старушке, куда держит путь. Бабушка подарила ему меч в благодарность за помощь. Юноша был очень рад – ведь ему этот меч пригодится в бою с драконом.

Вот ещё неделя прошла, и наконец Иван дошёл до подземелья. А там как раз дракон изумруд охраняет. Иванушка достал меч и вступил в неравную битву. Дракон извергал пламя, и молодцу никак не удавалось его убить. Вдруг изумруд стал сверкать жёлто-зелёным светом и ослепил дракона. Иван воспользовался этим и срубил чудищу голову. Достал изумруд и отправился домой.

И вот через некоторое время Иванушка стоит уже перед царём и царевной. Царевна очень обрадовалась, что теперь все её желания всегда будут исполняться. Царю же пришлось выполнить своё обещание. Отдал он Иванушке полцарства и свою дочь в жёны.

Однажды царевна взяла в руки изумруд и стала загадывать желание, чтобы было у неё много золота. Вдруг изумруд стал искриться и поменял свой цвет на чёрный. Поняла царевна, что камень её желание не исполнит, разозлилась пуще прежнего – и послала Ивана за тридевять земель, чтобы он узнал, что с камнем не так.

По пути Иван встретил снова ту старушку, которой помог. Рассказал ей, что случилось и куда он снова идёт. Бабушка сказала: знаю, мол, что с камнем, никуда идти дальше не надо. Оказывается, волшебный изумруд должен находиться в добрых руках и исполняет только бескорыстные желания.

Вернулся Иван домой и всё рассказал царевне. Она поняла, что надо быть добрее к людям и больше думать о других, чем о себе. Волшебный изумруд снова поменял свой цвет, стал опять зелёным.

С тех пор все желания царевны исполнялись. Одно из них – это рождение сына у Ивана с царевной.

Вот и сказочке конец, а кто слушал – молодец.

Германова Мария Андреевна
(Каргапольский МО)

«За устремление в литературе»

Волшебный кристалл (главы из повести)

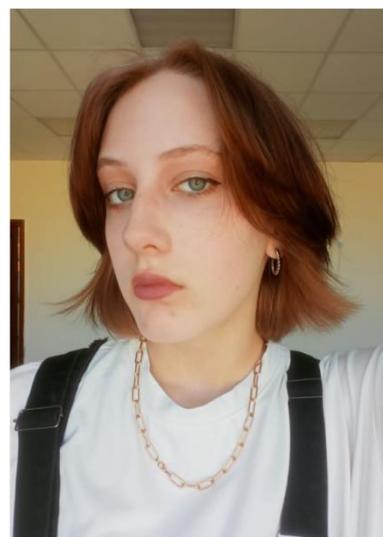
Глава 1

– Ваше величество!.. Ваше величество!.. Наши самые, казалось бы, незначительные опасения подтвердились: Осиал на свободе!..

– Что? Как?!.. Как вы это допустили, чёрт вас дери?! Он же был заточён сотни лет назад. Почему... Почему именно сейчас предсказание этого мага сбылось?! – Мэр, ранее восседавший на своём троне, вскочил и принялся было расхаживать по комнате взад-вперёд, но резко остановился и раздражённо воскликнул: – Ну что же ты стоишь как истукан? Рассказывай подробнее, что вы там обнаружили!

– Да, сэр... Если вкратце – я всё-таки нанял пару водолазов с неким опытом в сфере магии: пусть-ка прочешут озеро в поисках какой-никакой магической активности. И вот только что они вернулись с докладом и заявили, что в воде – конкретнее, где-то посреди озера, где, как вы помните, и был заточён Осиал, – чувствуется сильная магическая аура... Сказали они, значит: мол, аура настолько сильная, что даже их к самому центру не подпустила. Но они смогли заметить там некое свечение, которое, как гласят легенды, и источал этот монстр при жизни.

– Ох... За что же так прогневались на нас божества... – начал было мэр, но вдруг вскинул руку и указал пальцем на докладчика: – Ты! Найди мне

этого мага Гилвина! Сию же секунду отправляйся на поиски. Он должен знать больше, чем мы!..

Глава 2

– Как ты думаешь, Карлио: почему эта безделушка так светится?.. Не думаю, что обычная стекляшка должна так делать...

Парень посмотрел на ворона, к которому и обращался. Тот лишь смотрел на него с какой-то немой насмешкой – как будто бы и умел говорить, да просто связываться не хотел с таким, как Гилвин.

Вдруг в дверь громко постучали.

– Кто там?.. – задал вполне резонный вопрос насторожившийся волшебник.

– Именем мэра! Приказываю тебе открыть дверь, Гилвин!

Тот потоптался на месте, о чём то соображая и вспоминая, – но, придя к выводу, что за последнее время ничего особо не сделал, открыл дверь.

На пороге стояли городской советник, пара стражников и ещё двое людей неизвестного назначения. Советник начал с уже, казалось бы, заученной заранее фразы:

– Итак, Гилвин! Ты считаешься изгнанным из нашего города. Но, к сожалению – а в нашей ситуации можно сказать, и к счастью, – далеко ты не ушёл. По рассказам лесника и пары пастухов мы смогли выследить и найти тебя. Отныне и до неизвестного – но ограниченного! – срока ты больше не являешься изгнанным. А теперь ты будешь вызван в штаб, чтобы предстать перед главой города. Наши костюмеры приведут тебя в порядок, чтобы к мэру ты явился в должном виде.

Глава 3

Спустя какое то время наш волшебник, одетый и причёсанный, стоял перед мэром, неловко склонившись к полу. В ответ на его неудавшийся поклон глава города лишь нетерпеливо махнул рукой, призывая того встать.

– Гилвин, ты знаешь, зачем ты здесь?

Опрошаемый лишь отрицательно помотал головой.

– Хорошо... То есть ты не догадывался, что твоё предсказание насчёт Осиала сбылось? Не смотри так удивлённо: всё равно ведь ты задумывался, что оно – правда. Иначе не считался бы изгнанным до сего момента. Так вот: мой советник порылся в старых летописях и обнаружил, что первый, кто предсказал восстание Осиала, спасёт всех от его гнева. Эта участь выпала тебе, как ни странно. У тебя были какие то видения на этот счёт?

– Нет, сэр. Со дня моего изгнания я не занимался ничем, что могло бы показать будущее. Да и видений никаких тоже не видел...

– Что ж, раз так... – Мэр махнул рукой стоящему рядом советнику: – Изволь принести хрустальный шар, да поживее.

Подчинённый кивнул и скрылся за дверью. Спустя пару минут он привёз на подносе на колёсиках (обычно на таких привозят завтрак) шар, накрытый тканью, и остановил прямо перед волшебником.

– Давай, ведьмак... примени все свои умения и узри способ нашего спасения...

Глава 4

– Говори, что видишь! Даже не думай скрыть от нас что-то!..

– Я... Я вижу каплю. Ой, то есть... нет, это не капля... Это какой-то кристалл.. синего цвета... О, я, кажется, ви... – Предсказатель резко замолчал, вызвав всплеск недоумения среди присутствующих.

– Что?!.. Что ты видишь?! Отвечай сейчас же!..

– Этот кристалл, что я увидел... Я нашёл его незадолго до своего видения об Осиале. Как я понял – он и служил ключом для заточения, а сейчас почему-то...

– Этот кристалл у тебя с собой?! – Глава города оборвал фразу, не давая придумать нужные слова.

– Нет, сэр. Но он находится в моей...

Волшебнику снова не удалось закончить фразу: в штаб ворвалась куча напуганных горожан. От толпы отделился рослый мужчина и, приблизившись к мэру, сбивчиво заговорил:

– Сэр, Осиал!.. Осиал вышел из морских глубин и начал разрушать город!.. Улицы уже по колено залиты водой!.. Что нам делать?!..

Мэр помедлил с ответом и сначала обратился к Гилвину:

– Быстрее!.. Тащи сюда свой камень, пока нас всех не затопило!..

Глава 5

Волшебник неуверенно кивнул и поспешил удалиться из штаба. Штаб-квартира находилась на возвышенности, и до неё ещё не успела добраться вода, а вот жителей остального города уже затопило по колено.

Гилвин поспешил к городским воротам настолько быстро, насколько позволяла толща всё прибывающей воды.

За пределами города творилось невиданное. Вода прибывала и прибывала, заливая всё вокруг. Некоторые кустарники и цветы уже покачивались на волнах ярко-голубой жидкости.

Спустя какое-то время волшебник всё же смог добраться до лаборатории. Вот только загвоздка была в том, что находилась она под землёй – а значит, пробраться в лабораторию, не затопив её водой до краёв, шансов не было... И тут маг вспомнил: внутри всё ещё оставался крылатый друг!

Гилвин поспешил к окну (оно находилось под ногами и давало вид сверху на всё происходящее в лаборатории) и попытался разглядеть, что же происходит внутри. Так и есть: за стеклом в панике метался ворон. Гилвин начал что-то лихорадочно соображать – и наконец, найдя решение, закрыл глаза. Встал, раскинув руки. Полностью расслабился на мгновение – и тут же напряг всё тело, призывая в помощь свою магическую энергию.

Удалось! Вода над окном начала расступаться в стороны и остановилась на границах оконной рамы.

Гилвин опустился на корточки и, открыв окно, откинул его на подставку. А затем крикнул Карлио:

– Возьми тот кристалл, о котором я говорил утром, и быстрее вылетай отсюда!..

Ворон последовал указаниям.

Вскоре оба уже пробирались по затопленной дороге обратно в город.

Глава 6

(Книга ещё пишется...)

Разбойникова Полина Александровна (Каргапольский МО)

«За сказочность произведения»

Тайна мангрового леса

Где-то далеко в мангровом лесу волшебной страны жили гномы. В глубине леса, в центре маревой поляны, много лет стоял старый пень. На пне сидел Мангровый Кот. Он был настолько стар, что никто не знал, сколько ему лет, и даже сам не помнил своего возраста. За всю свою жизнь на пне он успел обрасти мхом и грибами. Казалось, что Кот и пень – одно целое! А жители мангрового леса к Коту так привыкли, что и не представляли пня без него.

Кот был непростой: в лесу он слыл самым умным. К нему всегда приходили за советом обитатели леса, а чаще всех – гном Филька. Он спрашивал у Кота обо всём: «Почему идёт дождь? Почему вода мокрая? Почему ночью темно? Почему? Кто? Когда?????»... Коту очень нравилось любопытство Фильки, и он с большим удовольствием отвечал на все его вопросы.

Однажды Сорока принесла жителям леса весть на хвосте, что совсем скоро весь их лес вырубят и болото осушат. Жители леса очень испугались и стали скорее собираться в путь – на поиски нового дома.

Когда все были готовы, отправились в дорогу. Шли они много дней и ночей. И вот наткнулись на отличную поляну – в самый раз для того, чтобы построить здесь новую деревню.

– Отличное место. Может, останемся здесь? – спросил один из гномов.

– Нужно спросить у мудрого Кота! – крикнул кто-то из толпы.

Все стали искать Кота, но найти его никто не мог. И вот тогда всем стало понятно, что Кота с ними нет.

– А кто-нибудь сообщил Мангровому Коту, какая участь ждёт лес? – спросил Филька.

Гномы стали переглядываться и поняли, что про Кота все забыли. Им стало очень совестно. Все расстроились, и тут же решили отправить нескольких гномов обратно за Котом. Больше всех расстроился Филька, и решил, что тоже пойдёт.

Вернувшись обратно в мангровый лес, гномы с ужасом поняли, что опоздали. Кругом была пустота. Не было ни деревьев, ни болота. Но самое страшное – не было и пня с мудрым Котом.

Эту страшную весть гномы рассказали, вернувшись в новую деревню.

Филька был очень опечален. Ведь он даже не знал, с кем бы сейчас мог ещё так поговорить, как с Котом.

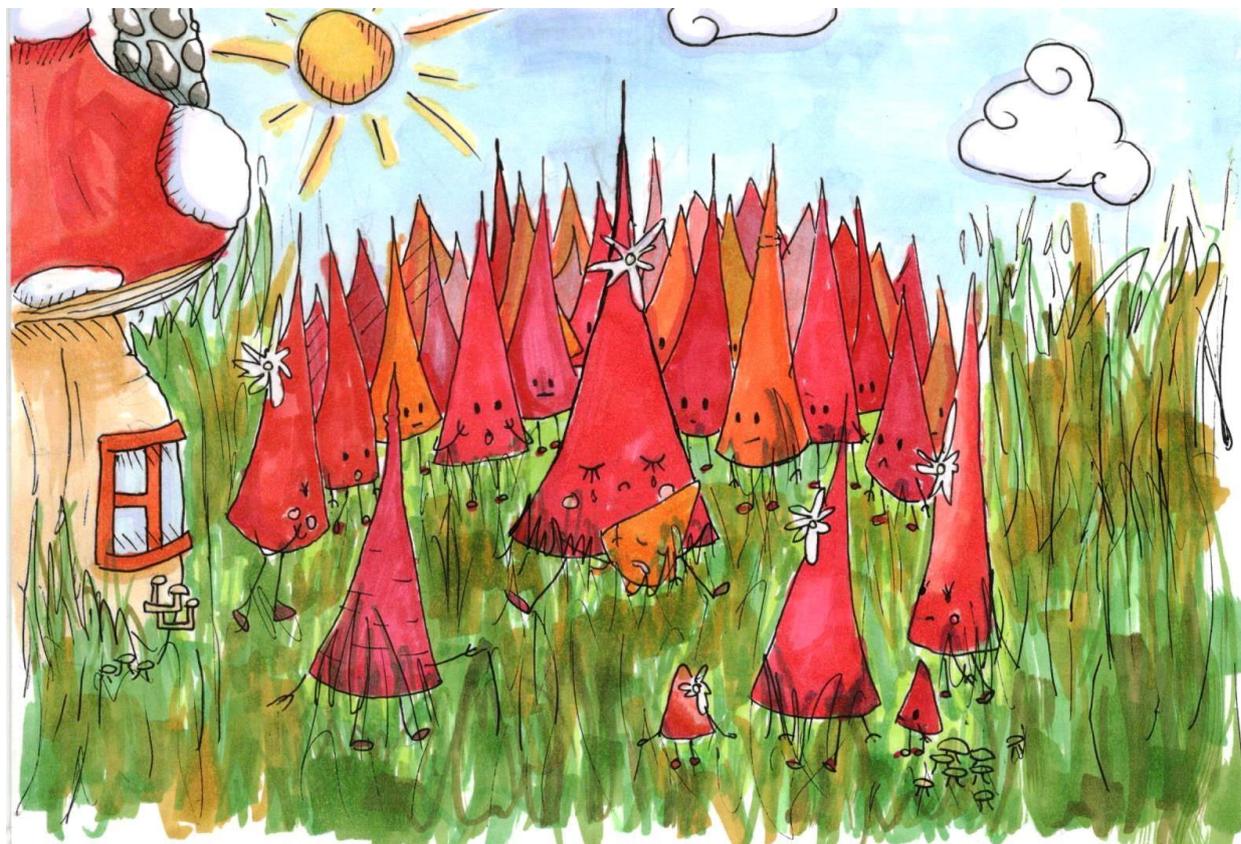
Ночью ему приснился странный сон. Вдалеке он увидел Мангрового Кота, который звал его к себе. Филька подбежал к нему и, как всегда, стал задавать вопросы:

– Куда ты пропал?.. Ты к нам придёшь?.. Ведь нам очень нужен ты и твои советы!..

– Ты ошибаешься, Филька. Я вам больше не нужен! Сейчас ты сможешь помогать всем. У тебя для этого достаточно знаний. Завтра ты всем это докажешь, – сказал Кот и скрылся в темноте.

После этих слов Филька проснулся и не смог сомкнуть глаз до утра. Как только вошло солнце, он побежал всем рассказывать свой сон. Но гномы просто смеялись над ним. Расстроившись, Филька ушёл к озеру.

Сидя на берегу, он услышал крик о помощи. Подбежав к толпе гномов, Филька увидел рыдающую женщину с маленьким гномиком на руках. Её сын съел ядовитый гриб и теперь находился в бреду. Если ему вовремя не помочь – он умрёт...

Филька сразу стал вспоминать всё, что ему рассказывал мудрый Кот об отравлении ядовитыми грибами. Вспомнил, какие травы нужны для лечения, нашёл нужную – и приготовил отвар. Выпив Филькино лекарство, больной гномик почувствовал себя лучше, а через пару часов был здоров.

После чудесного спасения малыша гномы стали уважать Фильку и каждый раз обращались к нему за советом.

Через некоторое время неподалёку от дома Фильки появился пенёк – точь-в-точь как тот в прежнем мангровом лесу. Филька сел на этот пенёк и остался на нём навсегда.

Теперь в лесу появился Мудрый Гном, который знал ответы на все вопросы. Но один вопрос так и остался без ответа: «Куда же делся Мангровый Кот?».

**Симидьянкина Ксения Николаевна
(Частоозерский МО)**

«За оригинальность произведения»

Домик для Опят

Раньше Опята (тогда их ещё так не называли) росли где придётся: и под берёзами, и под осинами, и даже на краю болот. Было очень неудобно, потому что другие грибы и ягоды сердились на них и старались прогнать со своего места.

– Что вы тут выросли? – ворчал Подберёзовик.

– Тут моё место! – возмутился Подосиновик.

– Нечего вам делать на моих болотах, – утверждала Клюква.

Собрались бездомные грибы и стали думать, что же им делать. Все хорошие места в лесу заняты. Где расти?

И тут самый старый и мудрый гриб вспомнил: на пнях никто не растёт! Только мох, но он маленький и смиренный.

Так и перебрались грибы на пни, и стали расти на них. Оказалось, что это интереснее, чем на земле: с пенька больше видно. С тех пор и получили грибы своё имя – Опёнок, то есть гриб, растущий на пеньке.

I место (средняя группа)

Ситникова Полина Степановна (г. Курган)

*Наставник – Лебедева Светлана Валерьевна,
учитель русского языка*

«Нелегко быть ребёнком! Сложно, очень сложно.

Что это вообще значит – быть ребёнком?»

Что едят утки?

Я жил с мамой и папой в посёлке Верхние Чайки с самого рождения. Здесь я ловил рыбу, катался на велосипеде, играл с мальчишками и просто познавал мир. Иногда, когда у моего отца находился свободный час, мы ездили домой к дедушке, работающему механиком. Этот момент также сказался на неизбежном взрослении, так как именно поэтому я полюбил машины и в будущем, «как настоящий мужчина», открыл свою автомастерскую.

Я не хочу рассказывать всю автобиографию, но одна интересная история в ней всё же есть.

В то лето мне должно было исполниться, кажется, восемь лет. У нас было не очень много денег, поэтому в школу я пошёл на год позже – и, пока мои ровесники огорчались первым двойкам, я отлично проводил время в лесу или помогал папе, точившему деревянные игрушки. Мама работала учительницей начальных классов, а вечерами помогала мне освоить навыки чтения и письма. А я ломал голову над тем, как бы быстрее поехать к бабушке в мастерскую.

В начале сентября отец упал, пытаясь покрасить часть старой крыши, и сломал руку. Изготовление птичек временно остановилось, и мы стали чаще ходить гулять. В этот раз папа сам позвал меня.

Как только мы вышли из леса к озеру, погода стала портиться, а яркое солнце, попав в облачные сети, прекратило сражение за право быть первым в небе. Отец сел на упавшее дерево и сказал:

– Как это мы с тобой, Мишка, в такую погоду вышли...

Я молча пинал камни под ногами: обычно уже через пять минут мое занятие начинало раздражать папу, и он обязательно должен был что-то проворчать. Но сегодня ему мешала сосредоточенность.

– Ты никогда не думал, – спросил я, – зачем улетают птицы? Я смотрю, сегодня они есть, а завтра уже и не будет, наверное. Каждый год так происходит. У них что, тоже есть планы?

– Да, планы... Они летят туда, где им теплее... – Он ответил, даже не посмотрев на меня, и снова замолчал.

Две секунды... и в небо взлетела стая уток, а на другом конце озера, в камыше, послышалось движение. Ещё секунда... и раздались хлопки, после которых птицы безудержно попадали вниз чёрными пятнами. Я точно видел, как упало четыре.

– Обычное явление. Начался сезон охоты, не пугайся. Каждый мужчина должен приносить домой дичь, а мама потом приготовит что-то вкусное. Мы с тобой тоже постреляем когда-нибудь.

Я посмотрел на него так, как смотрят друг на друга друзья, один из которых предатель, а другой уже знает об этом. Мне совсем не хотелось убивать птиц, и я скорей бы притворился больным, нежели пошёл с отцом. Мне намного больше нравилось ухаживать за цветами в мамином саду, и бедную муху я тоже любил. Я не хотел его обидеть:

– Хорошо, папа.

Через полчаса к нам подошёл, видимо, папин знакомый, но для меня совсем чужой, и начал расхваливать свою добычу. Отец что-то спросил, и мужчину совсем понесло: с уток разговор перешёл на рыбалку, а потом

и вовсе на корм для свиней. Я внимательно изучал раненых птиц и думал, куда могла деться ещё одна, ведь я точно видел – упавших было больше.

– Я скоро вернусь!

Я ринулся на противоположный берег озера – туда, откуда пришёл мужчина с ружьём. Папа или не услышал меня, или не обратил внимания, но мне было всё равно: он бы не стал слушать мою глупую идею. Он всегда говорил, что взрослые плохого не посоветуют, особенно если взрослые – это твои мама и папа. Но в этой ситуации он бы не понял меня, а, может быть, и не поверил бы.

У меня появилась мысль или надежда, что где-то в кустах лежит раненая птица. Если будет так, то я обязательно её найду и принесу домой, мы с мамой вместе будем её кормить и прятать от папы, а то он точно захочет её съесть.

Я бежал внутри камыша, так как это был самый короткий путь до другой стороны. Стебли, как прутья, били по ногам, а перед глазами попадались жёсткие листья, и я точно чувствовал себя мышью. Замедлив бег, я пошёл пешком – так вероятность наступить на бедную птицу была меньше, а услышать – больше. «А что, если утка маленькая? Ей сейчас так страшно!» – двигала мной мысль в тот момент и ещё долго не отпускала. – «Зато мне не страшно получить за побег».

Увидев чёрное пятнышко, я побежал быстрее и запнулся о выступающий корень. Дальше полз на коленях, чтобы ещё больше не испугать бедолагу. Тяжело дыша, она лежала, но была живой: дробь попала в крыло и обездвижила утку.

К отцу я вернулся с трофеем в руках. Живым трофеем.

Я видел, как он злился, – это было понятно и без слов. Всю дорогу мы шли молча, я понимал, что напугал папу, но утка... Она была тёплой и мягкой, вся дрожала от боли и шока; я прижал её к себе и нёс, как самую дорогую вещь в мире.

– Я надеюсь, ты её на ужин принёс?

Я ничего ему не ответил. Мне было не до его шуток: я уже думал над тем, где сделать лежанку.

– Папа?

– М?..

– А что едят утки?..

Мой вопрос он понял сразу. А также понял и то, что утку теперь он будет видеть каждый день.

Я обустроил гнездо из одеяла, а рядом поставил блюдце с тёплой водой – всё это нужно, чтобы помочь птице и показаться гостеприимным хозяином. Конечно, хозяином в доме был отец, но я уже был рад его разрешению подкармливать птицу. Он сам иногда подходил, проверял крыло и даже подсказал: утка будет есть размоченное пшено и траву. Он был внимателен не ради птицы, а ради меня, – и это делало меня счастливым.

На второй день я заметил, что утка перестала трястись. А ещё ей было дано имя – Соня. Она долго спала... Я лежал рядом и смотрел на её пёстрые перья и утончённый носик, как у самой прекрасной принцессы. Вечером мама заходила в мою комнату, двери которой я перестал закрывать с появления Сони, прижимала к себе и гладила по голове.

– Я очень боюсь за тебя, Мишка. Ты должен понимать, что это всего лишь птица, – я знал, к чему этот разговор. – А у птиц век короткий.

– У этой будет по-другому. К тому же она почти здорова...

Мама тихо улыбнулась, а Соня впервые за всё время издала крик. Мы посмотрели на неё с разными мыслями: я думал, что она подтверждает мои слова, а мама – совсем о другом.

– Ты прав, очень милая уточка. Думаю, у неё будет счастливая жизнь.

Эта ночь была самой беспокойной. Утка стала кричать чаще, а я, вытирая слёзы, сидел рядом с ней и не знал, как помочь. Этот взгляд, наполненный тревогой, отпечатался в моём детском сознании. Я никогда не видел смерти и не представлял, что делать дальше. В моем мире тогда всё перевернулось, ведь я надеялся и верил. Было трудно смириться с мыслью, что утка больше не побежит по зелёной траве, у неё не родятся утята, и она никогда больше не взлетит. Я никак не мог этого понять... А ближе к утру звуки прекратились.

Не помню, как я уснул, но встать пришлось из-за голоса мамы.

– Даже не знаю, мне кажется, не стоит ему сейчас волноваться. Может, сделаем всё сами? Как думаешь, Коля?

– Если так будет лучше, я пойду прямо сейчас. Я сразу знал, чем всё кончится, но не хотел ранить.

– Я знаю, милый. Трудно быть ребёнком – многое приходится переживать впервые.

– Что значит – быть ребёнком, мама? – Неслышными шагами я подошёл со спины.

Она задумалась. Наверное, она и сама хотела бы знать ответ на вопрос. Взрослые и не знают этой грани между детством и юношеством,

юношеством и взрослым человеком, когда решения принимают глобальное значение для жизни, и ты понимаешь, что сам влияешь на неё. Я уверен: чёткую грань не назовёт никто из этих взрослых.

– Наверное, это значит видеть мир немного иначе, но быть добрым к нему. Это значит – верить, когда другие не верят, и воспринимать всё так, как есть. Когда-то и я была ребёнком, и, честно говоря, очень скучаю по тому времени.

Потом они долго рассказывали свои воспоминания, и я понял, что в душе мама и папа – такие же дети с порой безумными затеями, просто сейчас им возраст не позволяет вести себя так, как хочется.

Соню мы похоронили в розовых кустах за домом. Конечно, я долго переживал, но потом понял, о чём говорила мама, – или старался понять, насколько это было возможно в моём возрасте.

Через несколько месяцев у меня родился брат. Это событие помогло мне забыть о Соне, и я стал больше времени уделять своему новому другу. Бывало, мама просила меня посидеть с ним. Это у меня хорошо получалось: я окружал брата заботой и играл с ним в кубики. А мама, уходя на работу, целовала меня в макушку и говорила, что прощается с «настоящим мужчиной». Интересно, когда же я успел?

II место (средняя группа)

Ермолаева Юлия Вячеславовна (г. Курган)

*Наставник – Рогачёва Надежда Анатольевна,
классный руководитель*

Верить и ждать

В комнате мерно тикали ходики над кроватью. Татьяна Петровна присела на маленький диванчик, скрестила руки на коленях и о чём-то задумалась. В этой жуткой тишине в голову часто приходили тяжёлые мысли. Всё казалось, что почтальон постучит в дверь, войдёт, и по его лицу она будет читать: что пришло – письмо или похоронка...

Она почувствовала, как по спине прошёл холодок, стало трудно дышать. Начала себя успокаивать, прочитала молитву, немного полегчало. Молилась она за мужа и двух сыновей, которые ушли на фронт в один день. В один день принесли повестки из военкомата. Такое в селе бывало редко. Муж старался шутить: «Вот выгоним немцев и вернёмся домой все вместе». Сыновья как-то сразу повзрослели, стали серьёзнее. Всю ночь женщина не спала: плакала, молилась, смотрела на каждого, понимая, что больше может не увидеть. Хотелось продлить время, но рассвет наступал неумо-

лимо. Успокаивала себя наивной мыслью: дети с отцом едут, всё будет хорошо. Провожала – старалась не плакать, крестила на прощание, умоляла беречь себя. Но в последний миг не выдержала. Из груди вырвался сдавленный крик и сразу оборвался – словно сердце вынули...

Когда вернулась в пустой дом, дала волю слезам, ощутив жуткую тишину и одиночество.

С этого дня началось её ожидание. Дни тянулись медленно, а ночи – ещё дольше. Понимала: не только у неё судьба так сложилась. Теперь всем миром надо выстоять. Верить и ждать – только это давало силы.

Работа тоже отвлекала от тягостных мыслей. В селе мужчин почти не осталось. Урожай растили и убирали женщины, старики и дети. Руки болели, спину ломило. На себе носили мешки с зерном. Грузили сначала на элеватор, потом – на мельницу. Доставалось всем, поэтому никто не жаловался. Понимали – иного выхода нет.

Придя с работы, Татьяна Петровна принималась за домашние дела. Откуда силы брались?.. Но иногда они всё же покидали её.

Первая весточка пришла от старшего сына. Сложенное в треугольник солдатское письмо она взяла дрожащими руками. Не могла развернуть. А потом строчки прыгали перед глазами. Одно поняла: жив-здоров, всё в порядке. А в конце письма строчка: «Ты жди нас, мама!». Да как же иначе?! Только верить и ждать, верить и ждать.

Через неделю пришло письмо от младшего. Целовала листочек, поливая слезами. Даже чернила размылись. Оба письма хранила под подушкой, ночью порой вскакивала, зажигала керосиновую лампу и перечитывала их по нескольку раз.

От мужа писем долго не было. Страх всё больше сжимал сердце. Наконец, пришла долгожданная весточка. Оказалось, был ранен, лежал в госпитале, теперь снова в строю.

Тянулись дни и ночи ожидания. В пустом доме было холодно. Но когда топилась печка, смотрела Татьяна Петровна на огонь и вспоминала свою молодость, свадьбу (всё село гуляло!), рождение детей. Ребята были погодками – везде вместе. Как выросли – не заметила. И вот уже солдаты. С замиранием сердца слушала по радио голос Левитана, сообщавшего о том, что было там, далеко, на фронте. Этот голос был словно ниточкой между ней и её детьми, её мужем.

Пришла в село первая похоронка. Почтальон боялся отдать её жене погибшего. И все понимали, что в любой дом может прийти горе.

Её дом беда обходила. Дети и муж воевали на разных фронтах. Писали не часто. Каждая весточка была праздником, глотком воздуха...

Шли дни, недели, месяцы... Прошло четыре долгих года. Сводки по радио всё больше обнадеживали. Но тревога за жизнь родных не покидала ни на минуту.

Наступила весна. Посевная. Татьяна Петровна шла с работы домой. Вдруг издали увидела Пашку-тракториста, пятнадцатилетнего хлопца. Он бежал по дороге навстречу и что-то кричал во всё горло. Вдруг Татьяна Петровна отчётливо услышала слово «победа». Не верила своим ушам. Пашка приближался, и слова становились всё отчётливее: «Победа! Победа-а-а-а!..» Татьяна Петровна не могла стоять – ноги подкашивались; она опустилась на землю. Слёзы катились по лицу.

За время войны в село пришло сорок три похоронки. Но женщины продолжали ждать, надеясь: вдруг – ошибка...

В этот вечер Татьяна Петровна, устав на поле, пришла домой, присела передохнуть на свой диванчик. Тикали ходики, она задремала.

Вдруг раздался стук в дверь, осторожный и знакомый. Плохо понимая, что происходит, Татьяна Петровна подошла к двери и не поверила своим глазам: её муж и сыновья стояли на пороге – живые и невредимые. «Я же сказал, что прогоним немцев и вернёмся. Все вместе!...» – улыбаясь, произнёс муж. Татьяна Петровна вскрикнула... и проснулась. В доме была тишина, которую нарушало только тиканье часов. Сердце выпрыгивало из груди. В эту минуту знала, верила, что так и будет – они обязательно вернуться! Надо только верить и ждать!

«Верить и ждать, верить и ждать...» – мерно повторяли часы.

«Верить и ждать!» – говорило сердце.

III место (средняя группа)

**Фазылова Аделина Ревальдовна
(Альменевский МО)**

*Наставник – Дахина Аниса Шарифулловна,
учитель русского языка и литературы*

Упавший с небес

Девушка в джинсовом комбинезоне, с длинными русыми волосами, шла домой после встречи с подругой. От кафе, в котором обе пили любимый кофе, и до дома ей нужно было пройти всего лишь два поворота. Ей очень нравилось, до чего удачно расположена её квартира: недалеко от центра города, всего в десяти минутах езды до школы.

В следующем учебном году девушка перейдёт учиться в десятый класс. А сейчас у неё начались летние каникулы, чему она очень рада: наконец-то появилось время для «отдыха» (под этим словом обычно разумелся «марафонный» просмотр её любимых фильмов о Гарри Поттере, супергероях вселенной «Марвел» и других), который её мама не одобряла.

Зовут нашу героиню Василиса, ей шестнадцать лет, и, похоже, это её последний день на Земле, потому что она очень сильно опаздывала домой до назначенного мамой времени. Василисе нужно было успеть прийти домой до одиннадцати часов вечера, но на часах уже половина двенадцатого.

«О нет, нет, нет, пятнадцать пропущенных... Мама меня убьёт», – думала Василиса, глядя в экран своего телефона.

Девушка уже подходила к своему подъезду, когда что-то привлекло её внимание. Она точно помнила, что уже несколько месяцев возле их дома не работают фонари, и их некому было починить, потому что все рабочие в отпуске. Но вдруг на улице стало очень светло, будто всю площадку осветили прожектором, и Василиса посмотрела наверх.

К земле по небу стремилось что-то, что и было источником этого ослепляющего света. Василиса не могла разглядеть, что это такое, но про себя решила: это самое настоящее НЛО, о котором так часто говорят по телевидению и другим источникам массовой информации.

БАМ!!! –

прогремел ужасающе громкий звук падения чего-то тяжёлого. НЛО приземлилось прямо посреди детской площадки. («Благо в это время на ней никого нет!» – подумала перепуганная Василиса.)

Девушке было очень страшно, но любопытство одержало верх над разумом: она решила сходить и посмотреть, что же такое упало прямо около её подъезда. Василиса с колотящимся сердцем подошла к вмятине в земле, которую оставило *Нечто*, и не смогла поверить своим глазам...

Перед ней лежал полуголый парень. На вид ему было лет восемнадцать–девятнадцать, но выглядел он ещё моложе – из-за того, что был без сознания. Василиса не могла оторвать от него взгляд. Парень казался ей идеальным: светлая кожа, отливающая золотом; идеально гладкие черты лица, от которых казалось, будто перед ней лежит всего лишь кукла, а не живой человек; плавно поднимающаяся и опускающаяся от дыхания грудь, и самое главное – нереально густые ярко-синие волосы, очень гармонично сочетающиеся с его силуэтом.

Василиса стояла с открытым ртом и выпученными глазами, когда незнакомец плавно поднялся с земли и сказал певучим, будто ангельским, голосом:

– Привет, дорогуша.

– Здравствуй... Извини, конечно, но позволь поинтересоваться: я сошла с ума, или ты только что реально упал с небес? – спросила девушка, всё ещё пребывая в состоянии шока.

– Хм-м... Ну, про твоё психическое состояние я ничего не знаю. Но при виде такого красавчика, как я, любой бы на твоём месте сошёл с ума, – саркастично произнёс незнакомец.

«А он самовлюблён», – подумала Василиса, но потом поняла, что парень прав. Девушка в жизни не видела человека, подобного ему. Он был красивее любой модели с глянцевого журнала, любого актёра с красной ковровой дорожки.

– Эй, ты чего зависла? Не видишь, я тут голый вообще-то стою. Мне бы одежду где-нибудь достать, – обратился парень к Василисе, которая уже минуту стояла столбом.

– Ой, извини! Да, тебе бы не помешало одеться... Стой, я же даже не знаю, кто ты! Вдруг какой-нибудь сумасшедший?.. – опомнилась Василиса.

– Я Бэл. Ангел Божий. Отец послал меня на вашу планету, чтобы я «научился уму-разуму». По его мнению, я веду себя неподобающе для настоящего ангела. Отец отнял мои силы и крылья – в общем, сделал меня обычным смертным.

– Ого... Да ты, похоже, реально с катушек слетел, – не поверила девушка.

– Эй, ты мне не веришь? Ну, хорошо, я тебе сейчас докажу!

Бэл подбежал к кирпичной стене дома, расправил плечи – и его глаза загорелись ярким светом. Через мгновение за его спиной образовалась тень в виде двух расправленных крыльев. Василиса не могла поверить своим глазам: перед ней стоял самый настоящий ангел.

Через минуту всё исчезло, а на лице Бэла при виде изумлённой девушки заиграла лёгкая ухмылка.

– Ну что, теперь веришь мне? – спросил ангел.

– Да, но почему самих крыльев не было видно?

– Я же уже сказал. Отец забрал их у меня – то есть лишил меня возможности пользоваться ими на Земле. Но в нашем мире они у меня есть, и тень, которую ты видела, принадлежит моим крыльям, которые находятся в другой реальности.

– Ой... Это всё как-то очень сложно, но я, кажется, тебя поняла... – немного неуверенно сказала Василиса. – Пошли ко мне домой, я найду для тебя одежду. Только тебе придётся зайти через окно, потому что у меня мама дома, и она, скорее всего, не поймёт, если я приведу домой полуголого человека. Тебе очень повезло, что я живу на первом этаже и окно в мою комнату осталось открытым.

– Спасибо! Ты самый лучший человек, которого я встречал!..

Василиса понимала, что, скорее всего, Бэл никогда не встречал людей, кроме неё, но ей всё равно было приятно услышать от него слова благодарности. И тут ангел неожиданно вспомнил:

– Кстати, ты мне даже не сказала, как тебя зовут!

– Я Василиса. Девочка, которая опоздала домой уже на целый час...

Когда Василиса зашла домой, её ждал выговор от мамы: та ждала возвращения дочки ещё час назад. В свою комнату девушка попала только через четверть часа – после того, как наконец-то успешно извинилась перед мамой и пообещала, что в дальнейшем постарается больше не опаздывать.

Посреди комнаты стоял Бэл, завёрнутый в одеяло, взятое с кровати Василисы.

– Сейчас я поищу какую-нибудь одежду для тебя. Вот, примерь, – девушка подала парню старую синюю майку с каким-то ядовито-зелёным рисунком на ней и чёрные джинсы. – Майку и джинсы я брала на барахолке, но они оказались мне большими. В итоге так ни разу их и не надела.

Ангел взял вещи, понимая, что другого варианта нет. Когда он надел их, ребята поняли, что Бэлу очень идёт данный образ, но чего-то будто не хватает.

– Подожди-ка! Я знаю, что тебе ещё нужно! – Василиса достала из своего шкафа большую коричневую куртку и какой-то полосатый платок. – Куртка принадлежала моему лучшему другу: он год назад переехал в другой город и оставил мне её на память. А это, – указала она на платок, – бандана. Уже и не помню, откуда она у меня взялась. Можешь носить её на шее вместо шарфа.

– Спасибо большое, – Бэл надел всё на себя и начал красоваться возле зеркала. – Ну, как я тебе? – спросил он у Василисы.

– Отлично! Теперь ты выглядишь как типичный земной подросток, – не без иронии произнесла девушка.

– Почту это за комплимент, – улыбаясь, ответил ангел.

Почти неделю мама Василисы не догадывалась, что в их доме живёт юноша, буквально свалившийся с небес. Почти неделю – пока одной ночью не встала попить воды и, войдя на кухню, не закричала от испуга. Ещё бы: в крошечной темноте у холодильника стоял незнакомый парень и искал себе еду... Кто испугался сильнее – мама или Бэл, – сказать сложно.

Василисе пришлось солгать маме, что Бэл – обычный парень и что его выгнали из дома родители, потому что, по их мнению, он себя очень плохо вёл. О том, что Бэл – ангел, Василиса, конечно, ни слова не сказала: мама не поверила бы такому и решила бы, что ребята не в себе...

...Прошёл год с появления Бэла в жизни Василисы. Мама девушки уже давно перестала интересоваться, когда парень вернётся к себе домой: у ребят всегда находились отговорки. Женщину даже радовало то, что в их доме наконец-то появился мужчина, способный помочь по хозяйству: её собственный муж – отец Василисы – пять лет назад погиб в авткатастрофе.

В один июньский день, когда Василиса и Бэл пришли домой с прогулки, мама девушки подала парню письмо.

– Какой-то мужчина, одетый во всё белое, вручил его мне и сказал, чтобы я передала письмо тебе.

– Спасибо, – ответил Бэл, на ходу взял письмо и ушёл в другую комнату.

Василиса, чуть позднее зайдя за ним в комнату, увидела: Бэл явно был расстроен тем, что прочёл.

– Что написано в этом письме? От кого оно? – поинтересовалась девушка.

– От отца. Он пишет, что сегодня ночью я должен вернуться домой, – без тени радости произнёс Бэл.

– Это же замечательно! Почему ты не рад этому? – не понимала Василиса.

– Так ведь когда я уйду, все, кого я встретил здесь, на Земле, забудут меня. Забудешь и ты, и твоя мама. Мы никогда больше не встретимся.

– Что? Но почему?.. Разве нельзя что-нибудь сделать, чтобы избежать этого? Я не хочу тебя забывать... – в слезах произнесла Василиса.

– К сожалению, нет. С этим ничего нельзя сделать, – грустно отвечал ангел. – Таков ангельский закон.

Василиса обняла Бэла. Его куртка намочла от слёз девушки, которая ещё сильнее заплакала от этого обнадёживающего ответа.

Ребята просидели в комнате до самой ночи, обсуждая прошедший год, проведённый вместе. Каждый понимал, что этот год был лучшим в их жизни, так как больше с ними никогда такого не произойдёт. Василиса больше никогда не встретит ангела, упавшего с небес, а Бэл – не встретит такого же доброго человека, способного принять в свой дом незнакомца.

– Мне пора идти, – вдруг сказал Бэл.

– Что? Неужели время уже пришло?.. – удивилась Василиса, которая совсем не уследила за временем.

– Да... Спасибо тебе за всё, Василиса. Я очень рад знакомству с такой замечательной девушкой, как ты. Пожалуйста, возьми мою повязку. Хочу, чтобы эта вещь осталась с тобой, как частичка меня... – Бэл снял с шеи бандану, которую год назад дала ему Василиса, и вручил обратно ей.

Василиса заметила, что на платок закапали её слёзы, и вытерла их тыльной стороной ладони. Про себя она решила: «Хватит плакать. Покажу Бэлу, что я сильная, что я смогу пережить данное расставание без слёз».

– Бэл, раз я тебя забуду, пообещай, что всегда будешь помнить меня, – попросила Василиса.

– Конечно, я никогда тебя не забуду. Я буду следить за тобой с небес, охранять тебя. В общем, буду твоим ангелом-хранителем, – с улыбкой пообещал Бэл.

Василиса заключила парня в объятия, после чего тот открыл окно и встал на подоконник.

– Василиса, ты сейчас уснёшь. А утром будешь думать, что тебе приснился очень необычный сон про ангела с синими волосами, который жил в твоём доме. Да, звучит как сценарий дешёвой мелодрамы... Но это лучше, чем ничего, – попытался пошутить Бэл. Но Василисе всё равно было грустно прощаться с другом.

Через мгновение глаза Бэла вспыхнули ярким светом, и за его спиной появилось два абсолютно настоящих, покрытых белыми перьями крыла. Ангел расправил их во всю ширину. Казалось, что крылья мерцали под лунным светом и слегка отливали серебром.

– Пока, дорогуша, – произнёс ангел перед тем, как взмахнуть крыльями и улететь навсегда.

– Прощай, Бэл... – засыпая, еле слышно ответила Василиса...

(Иллюстрации автора)

Специальные призы (средняя группа)

**Боровинских Влада Дмитриевна
(Щучанский МО)**

«За жанровую прозу»

Такие русалки

– Влада, вечером и ночью к озеру не ходи. Баба Аня говорит, что там русалки людей топят... – Мама, Ирина Сергеевна, обняла дочь и села в машину.

– Не слушай её, – Сергей Анатольевич подошёл к дочери. – Никакой мистики, ты же знаешь. Всё странное – это человек. Мышь, мы скоро вернёмся, прости, что на несколько дней останешься одна. Работа, сама понимаешь...

Влада обняла отца:

– Папуль, ты же знаешь – я уже взрослая, не пропаду. Ты только быстрее своих преступников найди – и возвращайтесь. Я и не думала, что тут такая красота будет...

Машина, взметнув на прощание пыль, скрылась за поворотом. Влада зашла в ограду большого деревянного дома. Повернувшись к нему спиной, девочка залюбовалась закатом. Казалось, что жаркое, уставшее, а потому неяркое солнце опускалось прямо в озеро, на берегу которого стоял дом бабы Ани. А дымка над ним казалась паром от раскалённого диска, который нырял в прохладную воду.

– Влада, иди в дом, – на крыльцо вышла баба Аня. – Ужинать пора.

Девочка зашла в столовую. Стол уже был накрыт. Влада улыбнулась: сегодня днём она сама собирала овощи в корзинку с грядки! А буквально два дня назад – обещала с родителями не разговаривать, если они её в глушь увезут. Лето в городе с друзьями – это здорово! Что она в деревне делать будет, да ещё в нескольких днях езды от родного города?..

– Владочка, ты калитку закрыла?

– Да, баба Аня. Только зачем? У вас так тихо, все друг друга знают, – девочка улыбнулась. – Знают, как калитки открывать...

– Не от людей калиточка. Видишь – колечком закрывается? Нечисть всякая во двор не попадёт. – Хозяйка расправляла лёгкие занавески и проверяла, плотно ли закрыты окна.

– А какая нечисть? – После ужина Влада устроилась на диване в большой комнате и по привычке взяла телефон. Интернет был, но сигнал ловился слабо.

– У нас здесь русалка обосновалась.

– Баба Аня, расскажи? –отложила телефон в сторону Влада.

– К ночи?! – баба Аня опустилась в кресло. – Нечистых поминать, к себе зазывать?.. Сразу видно – городская. Забыли вы в своём городе, что человек и природа – единое целое... А таких детишек, как человек, у матушки-природы не счесть. Хорошие, плохие – всякие...

Баба Аня посмотрела на гостью. В огромных голубых глазах девочки плескался интерес.

– Спать ведь не будешь, пока не узнаешь? Слушай. Ещё моя бабка сказывала, что на месте нашего Пешино была похоронена ханская дочь. Она умерла совсем молодой, и поэтому её отец похоронил так, что спустя несколько сотен лет ещё было видно, что это погребение знатного человека. Местные курган не трогали. Зато потом сколько раз грабители навдывались... А дочь хана не выдержала, что покой её вечно тревожат, – да однажды и выскочила на колеснице! Волосы у неё длинные, распущенные, платье красивое, украшения богатые. Взметнулась колесница в воздух – и затем опустилась в озеро: не выдержал дух покойницы, что на могилу её столько посягали. Каналы пытались пустить из озера на колхозные поля в советское время, – так призрак и тогда показал себя: каналы вечно осыпались, молодёжь ночью поймать вредителя выберется – так потом жалуются: мол, из озера то звуки жуткие, а то будто смех или плач женский... Кто-то будто сам видел, как русалка ночью купается. Решили беду не кликать – да сами каналы все и засыпали. Не любит ханша, когда её дух тревожат. А тут снова на её дом покусились. Чужих, да много, к жилищу её привели. Вот снова и рассердилась. Только жестокой со временем стала. Парней на дно тащит... Поздно уже, спи давай.

Скоро из маленькой комнаты до Влады донеслось ровное дыхание: хозяйка заснула. А Владу сны посещать совсем не спешили. Баба Аня уже спала, а вот интернет, наоборот, ожил. Влада загрузила страничку местных новостей, затем – сайт администрации...

– Пап, ты спишь?..

– Мышь, что случилось? Пять утра...

– Ой, папа, кажется, я русалку бабы Ани нашла...

Сергей Анатольевич сел.

– Рассказывай?

– Значит, так... Два года назад местный предприниматель решил обустроить на берегу озера пляж. Даже конкурс на благоустройство береговой линии выиграл. Да вот беда: озеро только с одной стороны имеет удобную для пляжа зону, а остальной берег – заказник. Краснокнижные животные там живут. Жители Пешино против обустроенного пляжа поблизости ничего против не имели, но совсем не обрадовались, когда один из рабочих план застройки им показал. Оказалось, что планировалось на месте их деревеньки построить коттеджи и пляж оборудовать не для всех, а только для местной элиты. Доступ жителям Пешино к озеру был бы перекрыт полностью. Понятное дело, местные возмутились. Был суд. Когда техника уходила, Терёхин жителям пообещал, что они очень об этом пожалеют.

Началось всё следующим летом: сначала утонул местный выпивоха – скорее всего, случайно. Но нашли его утром на берегу, обмотанного водорослями. А потом сосед бабы Ани на лодке перевернулся. И казалось ему, будто его к берегу кто-то подталкивал под водой. О чём он районному журналисту и рассказал, вспомнив легенду о призраке ханской дочери, которая превратилась в русалку. Вскоре эту русалку стали видеть местные жители почти каждую ночь. Резвилась она, купалась, иногда на мостки садилась спиной к берегу... Но заметит человека – сразу в воду: только круги по поверхности озера!

Потом ещё два парня утонули. Из города приехали дикарями отдыхать. На берегу палатку поставили. Днём обустроились, с местными познакомились, а утром дед Игнат деревню поднял: пропали городские! Их водолазы нашли запутанными в рыболовную сеть. После многие замечали: иной раз клином идёт волна – бывает, что волна так идёт, – а другая на неё накатывает будто. Ещё бывали такие воронки на одном месте – точно там вентилятор какой стоит. Рыбаки жаловались, что кто-то рвёт их сети. Часто у воды по ночам были слышны разные звуки. К озеру больше никто не подходил: купания и рыбалка прекратились. Деревенские стали бояться озера.

Следующим летом появились описания русалки: сначала у деревенских, потом – в районной газете. Высокая, молодая, волосы длинные. Красивая или нет – не видел никто её лица. Толпы любопытных превратили размеренную жизнь пешинцев в ад. Дома начали продавать, а то и просто бросать и уезжать в центр. Сейчас в деревеньке осталось пять семей. Жильё у желающих переехать скупил Терёхин, а землю под брошенными участками администрация в конкурс по благоустройству территории включила. Догадайся, с кем договор на благоустройство пляжа подписан?..

– Терёхин?!

– Ага! Приезжай скорее! Есть несколько вопросов, ответы на которые без тебя точно не получить!

* * *

К обеду у дома бабы Ани остановился полицейский автомобиль.

– Игорь Львович, – представился вышедшей на крыльцо девочке мужчина в форме. – Влада, я по просьбе твоего отца проверил местную русалку. Ты права. Сейчас документы по конкурсу в администрации мои коллеги изучают.

– А русалка-то настоящая? – ахнула баба Аня.

– Только первая, если можно так сказать... Та, которая каналы на колхозные поля засыпала. Известны такие случаи в медицине, когда младенец появляется с дефектом слияния нижних конечностей, – сиренолемия. Именно это местное предание и подсказало Терёхину, как можно людей напугать. Да плюс ещё найденный утопленник, да дед Игнат со своей историей спасения... Вот только водоёмы он перепутал, легенду журналисту рассказывая. Ханская дочь – это про город Курган, а не Пешино. Если найдём русалку, то, думаю, и про утопление двух мужчин узнаем.

Влада посмотрела на Игоря Львовича.

– Правда. Женщина с сиренолемией бабушкой нашего предпринимателя была. Семья её стеснялась, не показывала никому. Дом их на берегу озера стоял, и это её единственное общение с миром было. Девушка боялась, что озеро у неё отнимут. Когда там студенческие отряды появляться стали и каналы отводить. Местные про странную дочь у Терёхиных слышали, но не видели никогда. Молодым студентам про неё вообще неизвестно было – отсюда и слухи о русалке появились. А русалку нынешнюю нашли уже. Сам Терёхин и рассказал про нанятую им студентку спортивного колледжа. Девушка должна была плескаться в воде, но близко к себе никого не подпускать. Она же рассказала, что те двое попытались её поймать, но где-то на середине озера отстали. Что с ними – она не знала, так как очень испугалась: ведьплыли они за ней, растянув сеть. Смерть этих двоих тоже была случайной – сами же в сети запутались и до берега добраться не смогли. А деда Игната девчонка реально спасла. Увидела, что тонет, – ну и снизу подталкивала его к берегу. – Полицейский обернулся к Владе: – Как додумалась-то, расскажи?

– Интернет, – спокойно ответила Влада и улыбнулась.

– А пойдёте обедать, – баба Аня развернулась и направилась к дому. – Окрошка сегодня знатная получилась!..

Воробьёва Анна Олеговна (Альменевский МО)

«За гуманизм»

Ты будешь счастлив...

В погоне за яркими впечатлениями и удовольствиями Матвей даже не заметил, как с головой погряз в зависимостях. Он совершенно потерялся во времени: оно пролетало мимо него ярким калейдоскопом из множества незнакомых пьяных лиц с пустотой вместо глаз, огней многочисленных клубов, каждый из которых он знает, словно родной дом, и белый дым сигарет, пропитавший, казалось, всю его жизнь и осевший глубоко в лёгких.

Вся его жизнь была словно стеклянный замок, но стекло это принадлежало пустым бутылкам из-под горячительных напитков. Это мутное стекло искажало реальность и было настолько хрупким, что этот замок мог вмиг рухнуть от любого неудачного прикосновения судьбы.

В очередной такой безумный вечер толпа молодых людей, доведённая до состояния полной потери инстинкта самосохранения, веселилась. Вдруг от кого-то поступило предложение покинуть душное помещение и покататься. Оно было тут же поддержано шумными одобрительными возгласами. Вся компания вывалилась из квартиры, пропитанной дымом сигарет – и, чудом не поломав ноги на лестнице, оказалась во дворе.

Из присутствующих только двое приехали на своих машинах: Андрей – высокий светловолосый парень, истинное воплощение фразы «родился в рубашке» – и непосредственно сам Матвей. Люди поделились на две машины с решением ехать за город, чтобы искупаться в озере, находившемся недалеко от чьей-то дачи. Первым поехал Матвей, а Андрей, не знавший дороги, – следом. В машине веселье продолжилось. На задних сидениях периодически слышались взрывы хохота и стеклянный звон от столкновения бутылок. Матвей, вальяжно рассевшийся в водительском кресле, держал одной рукой руль, а другой сжимал ладонь еле знакомой девушки. Она без остановки что-то щебетала, хихикая над своими же шутками. Пьяная улыбка не сходила с ярко-розовых губ.

В голове парня, словно в быстром круговороте, проносилась одна мысль за другой, пока воспалённое сознание не споткнулось об одно слово. Четыре буквы. Четыре самые родные и любимые буквы. *Мама...* Он не чувствовал её объятий уже 5 лет. Перед глазами, словно он смотрел фильм, начали всплывать очертания изящной маленькой фигурки. Алкоголь делал своё дело – мысли всё больше затягивали его. Голубые глаза, в которых,

словно в ясном небе, зарождалась буря. Изначально смеющиеся, они смотрели с укором. Сердце сжалось. Пьяный мозг перестал различать реальность и игру воображения.

Рука, до сих пор зажатая в ладонях молодой особы, у которой он не знал даже имени, невольно потянулась к этому родному и любимому лицу с желанием разгладить сердитую морщинку меж тонких бровей. Только что веселившаяся девушка почувствовала, как Матвей собирается убрать свою руку, и жутко взбесилась. Отрешённое состояние его лица затуманенный мозг девушки воспринял как оскорбление по отношению к своей персоне. Одолевшая ярость заиграла в крови, смешанной с алкоголем, и, вложив всю свою силу, она со злостью дёрнула руку парня на себя.

Матвей (он до сих пор тонул в мыслях о глазах мамы со сквозившим в них разочарованием, и впервые задумался о том, что с его жизнью, возможно, что-то не так) не ожидал столь резкого рывка и, вскрикнув, полетел в сторону соседнего сидения. Руль, находившийся в другой руке, сильно провернулся вправо. Стукнувшись головой о панель управления, парень закричал. Боль и резкий прилив адреналина вмиг прояснили сознание. Ругаясь, он выдернул руку у девушки, выровнялся и попытался остановить машину. Но последним, что увидели широко раскрытые от ужаса глаза, был стремительно приближающийся ствол дерева. В ушах раздался громкий звон и... темнота.

Мысли... Они, словно волны в штиль, медленно сменяли одна другую. Какая-то сушая нелепица. Потом, столь же тягуче, всплыли воспоминания... Летнее утро... Бескрайнее зелёное полотно, усеянное яркими цветочными брызгами и слегка припудренное туманом... Солнце медленно выбиралось из-за горизонта... Вдох... Такой глубокий, словно грудная клетка сейчас разорвётся от такого большого количества настолько вкусного воздуха...

Внезапная мысль, словно удар, заставила его вздрогнуть и резко обернуться. *Она была там.* Она всегда была там, в его снах. Она стояла позади и ласково улыбалась. Глаза светили ярче, чем солнце, а их теплу могло позавидовать даже мягкое пуховое одеяло тёмным зимним утром, когда нужно рано вставать. Как же он её любит. Так сильно, что сердце готово само выпрыгнуть из груди и удобно расположиться в самом безопасном месте на земле – в её ладонях.

Он каждый раз, словно умалишённый, наслаждался теми секундами, когда искренне верил, что теперь она снова рядом с ним и никогда больше не уйдёт. А сознание каждый раз било в сердце и безжалостно проворачивало нож. И этот раз не стал исключением. Он снова почувствовал холодный пот по спине.

Наверное, утро... Он попытался открыть глаза. Но что ж такое? Почему не выходит?! В состоянии зарождающегося ужаса он очень медленно поднёс руки к лицу и прикоснулся к глазам. Повязки... От облегчения, что это всего лишь повязки, парень громко выдохнул. Тут же слух уловил тихое жужжание какого-то прибора где-то сбоку, и еле заметный запах медикаментов ударил в нос. Больничная палата. Что же случилось?.. Взволнованный крик сам вырвался из губ:

– Эй! Есть здесь кто-нибудь? Пожалуйста! Пожалуйста!!! Может кто-то мне помочь?!..

Он наконец услышал, как с еле слышным скрипом отворилась дверь, и лёгкие шаги быстро приблизились к его кровати.

– Здравствуйте! – услышал он тонкий женский голос. – Не волнуйтесь, пожалуйста, через пару минут к вам придёт доктор и....

– Что со мной случилось?! Пожалуйста, прошу вас, скажите, что со мной?! – взволнованно перебил Матвей.

– Я... Я... – как-то очень растерянно и даже напугано заговорила женщина.

И тут Матвей снова услышал шаги. Они были более тяжёлые и уверенные. Дверь ещё раз тихо скрипнула и звонко хлопнула, закрывшись.

– Здравствуйте, Матвей! Мы очень рады что вы наконец пришли в себя.

– Что со мной случилось? Пожалуйста, скажите как есть... – снова перебил страшно взволнованный парень, у которого из-за того, что он ничего не видел, только больше разрасталось чувство паники.

– Тише, успокойтесь. Матвей, Вы помните что-нибудь? – продолжил спокойно голос.

– Я... Я помню, как мы веселились с друзьями у кого-то на квартире и... – он максимально напрягся, пытаясь вспомнить, но голова тут же отозвалась болью. Он поморщился:

– ...Я не помню больше ничего.

– Да, частичной потери памяти следовало ожидать. Хорошо, послушайте, Матвей. Я сейчас вам всё расскажу, но очень вас прошу сохранять спокойствие.

Всё внутри парня похолодело и, приложив усилия, он кивнул.

– В тот вечер вы попали в аварию. К счастью, ваши пассажиры остались целы, но вы... Возможно, всё было бы не так страшно. Но именно в том месте – на стволе дерева, куда вы врезались – была ветка, которая

разбила стекло перед водительским сиденьем. Вылетевшие в тот момент осколки оставили множество порезов на вашем лице и... повредили глаза.

Матвей наконец начал понимать причину повязок на глазах, а тон доктора не говорил ни о чём хорошем. От ужасной догадки внутренности скрутило в узел.

– Я больше не смогу видеть, верно?..

– Я очень вам сочувствую.

Ужас, заполнивший собой всё, в одну секунду исчез. Не осталось ничего. Он больше не чувствовал никаких эмоций. Это просто будто бы происходило не с ним. Какая-то ошибка! Точно, абсолютно точно!

– Можно ли что-то сделать? – со страшным спокойствием спросил парень.

– К сожалению, нет. В данный момент медицина бессильна в вашем случае.

– Хорошо, спасибо, – сказал парень ровным безжизненным голосом.

– Послушайте, молодой человек. Я хочу вам сказать, что жизнь всё равно остаётся вашей самой большой ценностью. Не стоит думать, что с потерей зрения она оборвалась. Пока вы можете мыслить и чувствовать, пока у вас есть эмоции и ваши воспоминания, вы живы! Потерять зрение, конечно, очень страшно, но люди, несмотря на всё, продолжают жить и быть счастливыми. Задумайтесь! Сейчас вашей жизни ничего не угрожает.

– Да, спасибо вам. Могу ли я побыть один?

Доктор вздохнул. За свою многолетнюю практику он видел много реакций людей на самые разные диагнозы, и это резкое безразличие тоже случалось довольно часто. Мозг, защищая себя, в ответ на сильную травму просто блокировал эмоции на время. Этого молодого человека было очень жаль. Поступил он в достаточно серьёзном состоянии, но его удалось стабилизировать. Он не только потерял зрение, но и получил множество порезов на лице, которые останутся глубокими шрамами. Но парень их хотя бы не увидит – как бы ужасно это ни звучало.

Дни сменялись днями. Он плакал каждое утро после пробуждения. Повязки из-за этого приходилось менять ещё чаще.

Парню до сих пор снились яркие сны. Но он был уверен, что со временем и во сне наступит темнота. Каждый сон был очень реалистичным, будто последний подарок сознания пытающегося бороться с темнотой, но знающего, что всё равно проиграет эту битву. Почти всегда ему снилась мама. От мысли, что он больше никогда не увидит этих глаз даже на фотографиях, Матвей вечерами в приступе очередной истерики тихо выли в по-

душку, а потом незаметно для себя вновь впадал в спасительный сон. Психолог, что периодически приходил к нему, утешить парня не смог – несмотря на все попытки помочь.

Когда наконец слёзы в глазах будто бы закончились, медперсонал вздохнул спокойнее. Но вскоре все поняли, как сильно ошиблись: лучше бы парень выпускал свою боль. Матвей окончательно закрылся в себе. Он не вставал, совершенно не двигался, отказывался от еды. Утром, когда медсестра приходила проверить его, было непонятно, спит он или уже проснулся. Парень чах на глазах, и никто с этим сделать ничего не мог. Обычно в таких ситуациях очень помогали родственники и близкие люди, которые приходили поддержать пострадавшего, но за всё время, что Матвей был в больнице, к нему не пришёл ни один человек.

Слишком поздно понял Матвей, что люди, окружавшие его раньше, были лишь незнакомцами, и никому из них на самом деле он не был нужен. От одиночества ему делалось ещё хуже, но изменить что-то уже казалось невозможным.

Боль. От бесконечных слёз она не становилось меньше. Сердце рывало. Казалось, оно сломалось и никогда не будет функционировать, как раньше. Юноша больше не чувствовал, что жив. Он стал беспомощным, никому не нужным калекой. У него нет никого. Он один. А что будет после выписки из больницы? Он не представлял, как сможет существовать дальше. Мысли о смерти стали слишком частыми гостями в его вечно больной голове, заполненной крошечной темнотой. Он не хотел слушать, что говорили ему окружающие. В последнее время они стали слишком назойливы – медперсонал всё сильнее настаивал на прогулках по территории возле больницы. Парень не чувствовал злости на них – ему было всё равно, – а потому каждый вечер послушно выходил сидеть на скамейке во дворе медицинского центра.

Иногда с ним рядом находилась сиделка, которая всё время пыталась его как-то разговорить, отвлечь. Но чаще всего Матвей вежливо просил её уйти и весь отведённый на прогулку час сидел в одиночестве. Он слушал далёкое пение птичек, шаги, а порой и речь идущих мимо людей. Когда до него доносился чей-то смех, сердце снова немного сжималось: он один, таким и останется. Рядом с ним вряд ли когда-нибудь ещё будет радость и смех. Никому не нужна такая обуза, как он.

Так пролетели полторы недели. Не изменилось ничего – разве что навещавшие Матвея медсёстры и доктор с напускным воодушевлением подмечали, насколько лучше и здоровее тот стал выглядеть благодаря све-

жесту воздуха и этой небольшой активности. Матвей лишь кивал в ответ на сомнительные комплименты.

В одну из таких прогулок, сидя на привычном месте, он услышал приближающиеся шаги. Парень не обратил на них внимания: до того, как за ним придёт медсестра, оставалось ещё много времени, а другой человек просто пройдёт мимо. Но когда незнакомец подошёл совсем близко, шаги резко стихли.

Матвей замер от неожиданности. На секунду повисла тишина, которую вдруг нарушил красивый звонкий незнакомый голос девушки:

– Привет! Не пугайся, пожалуйста. Я просто хотела бы с тобой познакомиться. – В её словах слышалась немного смущённая улыбка.

– Я... – совсем растерялся парень. На него накатила ужасная паника. – Меня зовут Матвей.

– Ангелина. Приятно познакомиться! – более уверенно прозвучал голосок.

Матвей вздрогнул – девушка легонько коснулась его руки, и он тут же немного нервно вскинул её для рукопожатия. Маленькая мягкая ручка аккуратно сжала его сухую большую ладонь.

– Взаимно... Ты... что-то хотела?.. – максимально дружелюбно постарался сказать парень, несмотря на сдавливающую всё внутри панику.

– Да, подружиться, – Ангелина немного напряжённо хихикнула.

– Послушай, я должен тебя предупредить, что я слеп и навсегда таким останусь... – Голос Матвея предательски задрожал.

– Как будто это на что-то влияет, – как-то слишком беспечно прозвучало в ответ.

Парень замолчал. В смысле – «как будто на что-то влияет»?! Его накрыла волна непонятной злости. Хотелось накричать на эту девушку. Она что, совсем не понимает?! Он – калека, не лучший вариант для дружбы. Пока Матвей пытался подобрать слова, девушка вновь заговорила:

– Я тебя заметила ещё в первый день, когда ты только вышел на прогулку. Каждый день наблюдала за тобой. Почему ты всегда один?

– Думаешь, у меня был выбор?! – Грубо. Прозвучало слишком грубо. Чтобы исправить ситуацию, Матвей торопливо продолжил: – У меня нет никого, а знакомиться с людьми я не вижу смысла...

– Почему же?.. – искреннее недоумение.

– Сомневаюсь, что кто-то заинтересован в знакомстве с таким, как я, – боль, скрываемая изо всех сил, слишком очевидно прорезалась в голосе парня.

– Каким «таким»? – почти шёпотом спросила Ангелина.

– Я *слеп!* Зачем ты делаешь вид, что такая глупая? Кому нужен калека?!

Как же он сейчас хотел взглянуть в её глаза и узнать – серьёзно она сейчас говорит или это всё одна большая злая шутка. Но темнота, царившая отныне в его голове, лишь издевательски усмехнулась столь же тёмной усмешкой.

– Да какая разница! От того, что ты сейчас не видишь, разве что-то меняется? Ты перестал быть человеком? Перестал чувствовать? Перестал нуждаться в общении и поддержке? Если бы слепота дарила такие «супер-способности», сколько бы людей заглушили бы так свою боль! И вообще, скажи мне вот что: когда ты имел возможность видеть, ты так и относился к людям с какими-то особенностями? Как к чему-то, что недостойно существовать? – Голос зазвучал строже.

– Конечно, нет! – тут же попытался возразить оскорбившийся парень. – Я...

– И *чем* же ты отличаешься от них? – уверенно продолжила девушка.

– Я... – Матвей отчаянно искал, что сказать, но не мог. – Я не знаю...

– Вот именно! Столько людей с ограниченными возможностями, которые счастливы! А теперь вспомни: сколько историй про таких, кто смог сделать, казалось бы, невозможное – и своими великими достижениями не только стал известен на весь мир, но и внёс огромный вклад в жизни людей, которые имеют возможность жить полноценной здоровой жизнью, но не ценят этого и просто тратят её впустую, а иногда и во вред другим?!

Невесёлая усмешка проскользнула на губах парня.

– Что такое? Почему улыбаешься? – прозвучало недоумение в голосе новой знакомой.

– Ты сейчас будто меня пару месяцев назад описала... – тихо произнёс Матвей.

– Так ведь суть дела от этого не меняется!.. Прошлое осталось в прошлом. В данный момент мы – в настоящем, и должны ценить каждый миг и всё, что имеем. А ты имеешь *очень* много, поверь мне! – прозвучало почти отчаянно.

«Странная интонация», – пронеслась мысль в голове Матвея, но девушка перебила этот поток мыслей своим новым высказыванием:

– Почему ты проводишь столько времени на неудобной лавочке, когда есть более удобные места?.. – За этой фразой, словно за щитом, она спрятала еле заметную боль, которая проскользнула в её пламенной речи.

Матвей ничего про это не сказал, но запомнил.

– И что же ты предлагаешь взамен? – с нарочитым спокойствием и беспечностью спросил он в ответ.

– Сможешь мне довериться – я тебя проведу, – поддерживая эту игру в непринуждённый разговор, сказала Ангелина.

Сомнение на секунду кольнуло Матвея. Всё-таки перед ним совершенно незнакомый человек, который может воспользоваться его беспомощностью и сделать с ним всё, что угодно, но... Уже прижившаяся в его голове шальная мысль, что терять ему уже нечего, тут же заставила согласиться.

– Идём! – Парень решительно встал, повернувшись к месту, где должна была стоять девушка.

– Не волнуйся, можешь мне довериться, – прозвучал совсем рядом тихий голос. Затем его аккуратно взяли за рукав кофты и потянули в сторону.

Матвей и Ангелина шли очень медленно. Новая знакомая подробно и во всех красках рассказывала о том, что располагается вокруг. Благодаря её словам в голове Матвея наконец начала складываться картинка места, где он находился уже два месяца.

Твёрдая плитка под ногами кончилась, и ноги ступили на что-то мягкое. Через несколько шагов Ангелина остановилась и отпустила рукав.

– Садись, – шепнула она, опустив руки на плечи и спину Матвея, мягко надавливая и придерживая одновременно.

Через секунду парень оказался сидящим на мягкой густой траве. Руки его тут же сами невольно зарылись в прохладные листики. Он расправил плечи и глубоко вздохнул. Впервые с момента пробуждения в больнице он не чувствовал боли. На душе было непривычно легко. Рядом зашуршала трава, и он почувствовал, как Ангелина опустилась рядом.

– Как тебе? – с небольшим волнением спросила девушка.

– Чувствую себя... *Живым*, – еле слышно произнёс Матвей. Эта, казалось бы, короткая фраза была переполнена чувствами: горячей благодарностью, отголосками той жуткой боли и долгожданным облегчением.

Они сидели в тишине несколько минут.

Матвей просто слушал пение птичек – тут оно звучало гораздо ярче, – а ещё дыхание этого милого человечка рядом. Так спокойно ему не было очень и очень давно.

– О чём думаешь?.. – тихо, с любопытством в голосе, спросила Ангелина.

– Обо всём и ни о чём одновременно... А ты?..

– Думаю о том, какую прекрасную ты проживёшь жизнь, – явная улыбка в голосе.

Матвей усмехнулся:

– Почему ты считаешь, что она будет такой?..

– Просто знаю. Я редко ошибаюсь, поэтому можешь мне довериться.

Счастье. Спустя такое долгое время. Израненное и уже забытое чувство счастья робко зашевелилось где-то под рёбрами.

Диалог полился рекой. Они обсуждали музыку, мягкие игрушки, книги про Жюль Верна, любимые исторические эпохи и многое-многое другое. Через полтора часа, когда стало прохладнее, они решили возвращаться.

На обратном пути Ангелина опять хотела ухватиться за рукав парня, но Матвей на ощупь нашёл её руку и мягко взялся за неё.

Он улыбнулся в сторону, где предположительно стояла девушка, но через секунду услышал смешок откуда-то сбоку.

– Кого ты в той стороне пытаешься обворожить своей улыбкой?.. – с напускным удивлением воскликнула девушка, еле сдерживая смех.

Матвей и сам немного смущённо засмеялся.

Ангелина довела его до скамейки, на которой уже сидела и ждала медсестра.

Увидев Матвея, она была в глубочайшем изумлении: ведь впервые видела, что парень улыбался. Потом взгляд медсестры упал на идущую рядом девушку – и радостная улыбка исчезла с её лица. «Бедный мальчик», – пронеслось в голове.

Парень с девушкой разошлись, пообещав встретиться завтра пораньше.

Всю неделю оба провели вместе за разговорами обо всём на свете. Матвей и правда будто бы заново начал жить. Сны всё так же снились ему, но утром он просыпался, зная, что его ждёт очередной прекрасный день.

Они рассказывали друг другу яркие моменты жизни, делились самым сокровенным. Объятия стали привычным и любимым занятием. Матвею казалось, что он попал в сказку – и каждый вечер перед сном он думал об

их с Ангелиной будущим: представлял, как они вместе отправятся в далёкое путешествие, как пройдут, крепко взявшись за руки, все испытания. Теперь он точно был уверен, что жизнь продолжается! У него есть смысл бороться!

Через неделю, выходя из палаты, он стал свидетелем странного диалога:

– Матюша-то как ожил... Вот Ангелинка молодец!..

– Жестоко на самом деле это по отношению к нему.. Уверена, он пока и не подозревает ни о чём, – вот и радуется.

– Это да, но я думаю, что она оставит после себя большой вклад в его счастье в будущем.

– Но смотри... Ой, Матюша!.. – испуганно воскликнула одна из медсестёр.

– Что это всё значит?.. – немного дрожащим голосом спросил парень.

Ответом ему послужила растерянная тишина. А потом одна из женщин подошла и, положив руку на его плечо, прошептала:

– ...Это её жизнь. Пусть она тебе и расскажет, когда сочтёт нужным.

Руки Матвея ходили ходуном, сердце чуть ли не пробивало грудную клетку, воздуха критически не хватало, горло стало словно наждачная бумага. И что за страшную тайну могла скрывать от него Ангелина?.. Чего он только не успел себе представить за это время – но одно знал: всё примет, никуда её не отпустит, что бы ни случилось.

Он максимально быстро, насколько позволяли обстоятельства, добрался до улицы и по памяти пошёл на место, где недавно договорился встретиться со своей знакомой.

– Привет, золотце! – воскликнула Ангелина, заметив парня издалека.

Он не выдержал и побежал на голос.

Ангелина запаниковала – не споткнулся бы! – и, кинувшись навстречу ему, поймала в свои объятия. По сравнению с Матвеем она казалась крошечной и еле доставала ему до плеча.

– Что случилось?.. Ты весь трясёшься... – спрашивала она взволнованно, успокаивающе глядя его по спине и плечам.

– У тебя есть какой-то секрет от меня?.. – прямо, без всяких подводок, спросил Матвей.

Ангелина замерла. Повисло молчание.

– Откуда такая информация?..

(Слишком спокойный голос, чтобы поверить в искренность этих эмоций.)

– Неважно! Прошу тебя, скажи мне сразу... Я приму тебя любой, о чём бы в этой тайне ни говорилось.

– Хорошо. Ты всё равно должен был об этом узнать... Лучше раньше: может, полегче будет... Матвей, – как ни в чём не бывало произнесла Ангелина, – дело в том, что я скоро уйду.

– Куда же?.. – Напряжение в голосе парня стало настолько сильным, что, казалось, его даже можно потрогать.

– Туда, где буду наблюдать за тобой и оберегать от опасностей... – грустно усмехнулась девушка.

Матвея точно огромным обухом по голове ударили. В ушах у него отдавался только бешеный стук собственного сердца, что снова, будто пытаясь сбежать от дикой раздирающей боли, сейчас колотилось где-то в горле.

– Почему? Ты... – прохрипел Матвей.

– Солнце моё, я болею сильно, ничего уже не поделать... – Казалось, голос Ангелины вот-вот сорвётся на дрожь.

– Можно! Я уверен, что можно!!! – Горло перехватило от слёз боли, но парень продолжал говорить всё громче и громче. – Так не бывает! Нет!!! Так не должно быть!.. Мы справимся с этим!.. Мы справимся... Справимся... Пожалуйста... Я тебя умоляю... Не сдавайся... Это несправедливо... – словно в бреду, тихонько выл парень, согнувшись в три погибели и уткнувшись девушке в шею.

– Солнце моё... В этом году я, скорее всего, уже не смогу увидеть первый снег. Это больно. Но помнишь, *что* я говорила?.. Что бы ни случилось, жизнь продолжается. Ты проживёшь очень счастливую жизнь. Я это знаю. И ты это знаешь. Есть вещи, на которые в жизни повлиять мы не можем. Нам отведено разное время. Моё подходит к концу. Единственное, что я могу сделать – что Мы можем сделать, – это наслаждаться каждым мгновением. Я просто счастлива, что сейчас имею возможность тебя обнять. Ты тоже будь счастлив. Только когда времени остаётся нещадно мало, понимаешь – сколько его тратится впустую, сколько было моментов, которые мы не ценили. У нас есть ещё несколько месяцев. А потом ты будешь дальше строить свою счастливую жизнь. И проживёшь её всю – полностью, не потеряв ни секунды. А я буду внимательно следить за тем, что ты будешь делать только то, что приносит тебе радость. Ты мне обещаешь стать самым счастливым?..

Матвей, захлёбываясь в слезах, смог лишь кивнуть.

– Вот и хорошо. Я тоже тебе обещаю. Всё будет хорошо...

Снежинки... Они медленно кружатся, словно до последнего пытаются избежать губительного соприкосновения с землёй. В белых кружевных нарядах они исполняют свой изумительный прощальный танец. И люди после этого говорят, что чудес не бывает. Чепуха!

Снежинки... Они медленно опускаются на гранит надгробия и тут же тают. С чёрно-белой фотографии глядит красивая молодая женщина. Широкая улыбка и милейшие ямочки на щеках. Её глаза светятся ярче солнца и согревают теплее одеяла. Мама...

Матвей уже не увидит эту могилу – но помнит её так, будто фотография перед глазами. А если и забудет – его любимая девушка, его ангел жизни, как обычно, станет его глазами, и всё снова будет хорошо. Как она и обещала.

...Это их первый в этом сезоне снег... И маленькая ладошка Ангелины согревает его уже четвёртый год подряд....

Дядина Ольга Евгеньевна (Шумихинский МО)

*«За память о героическом
прошлом Отечества»*

Она

Мы живём в удивительном мире. Какие красоты нашей необъятной родины нас окружают! Ведь многие не замечают этого за бесконечной суетой жизни...

Я хотела бы познакомить вас с одной из красот нашей планеты. Только вы должны догадаться, о чём я говорю. А если быстро поймёте, о чём, – приберегите интригу для другого читателя. Тс-с...

Её существование на Земле невозможно переоценить. Она настолько долго существует, что могла бы похвастаться огромным жизненным опытом. Каждый из нас знаком с ней с самого рождения. Она занимает огромное пространство: куда ни глянь, она – повсюду. Без неё жизнь была бы просто невыносимой, а каждый из нас любит её необъяснимой любовью, просто никто об этом не говорит. Ни одно живое существо не сможет прожить без неё. Её характер дико непредсказуем: она может создавать и разрушать. Каждый понимает её ценность в своей жизни, но всё равно может сделать ей плохо. Она дарит красоту и молодость. Вспомните: она играет интересную роль во многих сказках, она может исцелять людей (нет-нет,

она – не колдунья). Без неё совершенно невозможно представить нашу жизнь. Она всегда рядом, она настолько близко, что мы иногда об этом не задумываемся, она – в каждом из нас. Без неё никто не смог бы познать этот мир и увидеть его таким, какой он есть. Скажу честно: от неё зависит не только наша жизнь, но существование всего человечества.

Когда-то давно Антуан де Сент-Экзюпери сказал: «У тебя нет ни цвета, ни вкуса, ни запаха, тебя невозможно описать, тобой наслаждаются, не ведая, что ты такое. Нельзя сказать, что ты необходима для жизни: ты – сама жизнь. Ты наполняешь нас радостью, которую не объяснишь нашими чувствами. С тобой возвращаются к нам силы, с которыми мы уже простились. По твоей милости в нас вновь начинают бурлить высохшие родники нашего сердца...».

Она – жизнь для каждого.

Она – вода.

Память

Эх, дороги...

Пыль да туман,

Холода, тревоги

Да степной бурьян.

Снег ли, ветер

Вспомним, друзья...

...Нам дороги эти

Позабыть нельзя.

– Оля! – кричит из кухни мама. – Иди разбирай вещи в серванте!

Я нехотя плетусь в назначенное место, чтобы помочь маме с бабушкой по дому. Здесь старые, давно забытые вещи; с каждой связаны какие-то таинственные истории, которые я узнаю на этапах своего взросления. Может быть, что-то новое подвернётся и сегодня. На днях мне стукнуло 13 лет. Скажете, совсем ребёнок? Может быть... Однако многое уже понимаю, размышляю и анализирую.

Открыв комод, замечаю знакомые из детства вещички: бабушкин старый самовар, сверкающий, будто на солнышке. Раньше мы всей семьёй частенько устраивали чаепития: чай оттуда был самым вкусным, а старый механизм самовара – интересным и необычным для меня.

А вот и моя первая кукла – уже совсем потрёпанная, но такая родная мне. Моя первая подруга, можно сказать...

Потихоньку разбирая оставшиеся вещи, я наткнулась на таинственный треугольник. Повертев его в руках, я поняла, что это письмо. Но непонятно было, почему оно лежало здесь, со всеми вещами, которые так дороги моей семье?.. Я устремилась к маме с бабушкой и спросила, кому было написано это письмо. Они изменились в лице и сказали: «А это тебе».

Я удивилась: ведь таинственный, с желтизной, конвертик выглядел потрёпанным и даже с виду было понятно, что отправили его очень давно – меня тогда ещё не было. Мама с бабушкой объяснили, что это письмо моего прадеда, который участвовал в войне. На фронт он ушёл совсем молодым и, понимая, что может не вернуться домой, написал это письмо – письмо своей внучке, мне.

«Здравствуй, внучка!

Я твой дед. Не знаю, как повернётся судьба: может, и не свидимся. Я всегда мечтал о внучке, поэтому и решил черкануть тебе весточку. Думаю, что ты растёшь умницей и красавицей.

Знаешь, моя хорошая, война – это страшная невыносимая рутина. Здесь не боится только дурак. Но я держусь стойко!

Месяц назад к нам в часть перевели новенького лейтенанта. Он – настоящий боец и верный товарищ. Подружились мы с ним, внучка. Зовут его Дима. Но война не щадит никого, милая.

На днях пошли мы с ним проверять оборону, вышли из леса. Раздался выстрел. Товарищ мой говорит: «Я, кажется, это... ранен...» – и повалился на бок. Я смог перевязать ему грудь и потащил до лазарета. Когда его клали на повозку, он ещё был живой и просил, «если вдруг что», чтобы я сообщил домой. Это «вдруг что» и случилось...

Не выжил мой друг: пуля задела сердце, не прошла мимо, шальная. Вот так не стало моего товарища, лейтенанта Димы Белоусова. Погиб он за родину, за родных 12 января 1943 года.

Я впервые в жизни видел, как плачут мужчины, сильные, бойкие. В глазах сослуживцев виден и страх, и боль за семью, за товарищей, за родину, но трусов здесь нет, внучка.

Немец меткий пошёл, уверенный, бьёт точно, не прогадает. Но наша армия не отстает: даём бой паршивцам.

Вот так вот и служу, милая, главные бои ещё впереди.

Надеюсь, что весточка моя дойдёт до тебя через столько лет.

Расти, внучка, умницей-красавицей.

Твой дед, Панафидин Павел Спиридонович.»

В тот момент я была в забытьи: пыталась собраться с мыслями, а солёные слёзы без остановки катились по щекам. Деда я видела только на фотографии, с которой хожу каждый год в Бессмертном Полку. Рядом – тоже с мокрыми глазами – стояли мама с бабушкой. Я даже ничего не могла сказать: ком подкатил к горлу и не отпускал.

Дедушки не стало 21 марта 1943 года. А иногда так хочется прижаться к нему своей ещё детской щекой и сказать: «Спасибо за память, за победу,

за жизнь!». Его письмо так долго хранилось в семейном хранилище – и всё-таки дошло до адресата.

Про войну мне часто рассказывает папа: он вспоминает, как в то время его бабушка строила танки в Челябинске, а сейчас её имя высечено в музее военной техники в Челябинске; как вернулись с войны два его деда – заметно постаревшие, с медалями за отвагу. Один всю войну прошёл водителем, другой служил в пехоте. Папа рассказывал, как перед 40-летием Победы на «Волге» из Челябинска приезжала целая делегация, чтобы наградить бабушку юбилейной медалью за Победу.

Этим летом я с семьёй была в Санкт-Петербурге. Мы каждый день осматривали достопримечательности, которые попадают на глаза всем туристам. Но больше всего мне запомнились не реки Питера и не его безумной красоты храмы... Мне запомнилось другое. Там было совсем немногочленно – хотя, как мне кажется, такие места надо посещать в первую очередь. Это как будто большой заповедник – заповедник памяти – Пискаревское кладбище. Здесь в братских могилах хоронили погибших солдат и офицеров.

Про войну я слышала много, но здесь поражаало другое – масштаб. Когда ты видишь количество погибших людей на войне – это, конечно, страшно, но здесь даже не хотелось представлять, сколько людей было захоронено. Сейчас это не совсем кладбище – скорее как будто парк: люди приходят сюда с детьми, рассказывают им о том страшном времени и о гордости за своих предков. Здесь же можно посетить что-то вроде музея: небольшая комнатка, где собраны вещи тех времён. Например, старые листки из дневника Тани Савичевой, вехи истории из обороны Ленинграда, военные фотографии. Становится страшно от одной мысли о том, что это было взаправду. Как бы ни хотелось не думать о потерях и ужасе того времени, слёзы начинают катиться сами собой.

Каждый год мы всей семьёй ходим в Бессмертном Полку с портретами дедов и бабушек – и каждый раз накатывает огромная гордость за них, за их подвиг, за Победу. И каждый раз – всё тот же ком в горле, те же слёзы на глазах...

Не в деньгах счастье...

Каждый из нас – независимо от того, кто он: школьник или самодостаточный человек – всегда стремится к стабильности, просто это выражается для каждого в разных проявлениях. Человек строит свой жизненный путь так, чтобы постоянно приходиться к чему-то лучшему, ищет своё «место под солнцем» – и каждый раз, когда кажется, что он его нашёл и пришёл

к тому, к чему стремился всю жизнь, происходит нечто особенное. И всё начинается заново.

Жизнь – это постоянный поиск: в детстве – закатившейся под стол игрушки, в школьные годы – будущей профессии, после – работы, второй половинки... да и смысла жизни, в конце концов. Одни всю жизнь работают на «чужого дядю»; другие каждый год меняют место работы и думают, что так карьеру построить будет проще; третьи – продвигают своё дело. И каждый из нас прав в своём выборе, как ни крути. Но, как говорится, доход не живёт без хлопот.

В современном обществе, чтобы прожить, человеку нужны деньги. Чтобы их заработать, человек должен сделать что-то на благо общества. Деньги – это степень свободы человека: ведь на эти средства он может себя прокормить, одеть, обуть, выучить, а в итоге – обустроить свою жизнь для лучшего существования.

Говорят, не в деньгах счастье. Если честно – заявление очень двойственное. Зачем тогда люди стремятся к лучшей жизни, экономят, а когда получают зарплату или выигрывают в лотерею – так радуются? Это же и есть счастье, просто сиюминутное: в эту минуту человек действительно рад тому, что может сейчас пойти купить своему ребёнку игрушку, порадовать цветочком жену и помочь родителям, живущим на маленькую пенсию. По сути деньги – бумажки, но они делают людей счастливыми: ведь каждый человек зарабатывает их своим трудом, кто-то – физическим, а кто-то – умственным. Сами купюры, естественно, не могут стоять на первом месте в списке жизненных ценностей, но с помощью этих «бумажек» любой человек может решить свои проблемы и сделать приятное близким.

А как жили люди в военное время, когда все сбережения и заработанные ими деньги шли на благо страны и приближение Победы? Лозунг «Всё для фронта! Всё для Победы!» стал для каждого человека идейным, а на войне нужны были не только солдаты и офицеры для борьбы с врагом, но и деньги. Одним из проявлений народного патриотизма в то время стало создание Фонда обороны страны, куда люди добровольно передавали все свои средства в фонд Красной армии. Тогда каждая копеечка могла помочь в борьбе с фашистским захватчиком. На эти деньги строились танковые колонны, авиаэскадрильи и другая боевая техника.

Обычные люди из колхоза оказали огромное влияние на ход Великой Отечественной войны. Пчеловод из Саратовской области Ферапонт Головатый проводил на войну всех мужчин своей семьи – сыновей и зятьёв; на его попечении осталось девять внуков. Все заработанные на пасеке

деньги он отдал на строительство самолётов, с помощью которых позже было уничтожено 14 вражеских машин.

Ещё одна история, которая трогает каждую клеточку и заставляет восхищаться не только взрослыми людьми, но и детьми, – история про девочку Лену из Москвы. Первоклашка копила деньги на новогоднюю ёлку, но отдала все свои сбережения на постройку самолёта. Она написала письмо И. В. Сталину:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Мой папа Азаренков Анатолий Васильевич, командир эскадрильи штурмовой авиации, погиб на фронте, защищая нашу Родину, которую я очень люблю. Моя мама погибла в Киеве, я живу с бабушкой. Она пенсионерка, инвалид 2-й группы. При получении пенсии она даёт мне на игрушки. Я копила деньги на ёлку и накопила 110 рублей, которые прошу Вас принять для построения штурмового самолёта и передать его в полк 237, в котором служил мой папа, чтобы товарищи моего папы отомстили гадким немцам за его смерть, за бабушку – она так много плачет, – и за меня».

Так появился боевой «Ил–2», на котором виднелась надпись: «От Лены за папу!». На счету самолёта – три уничтоженных немецких бомбардировщика, семь зенитных орудий, три танка, два склада боеприпасов и другие немецкие постройки, которые также были разрушены полком 237. Девочка Лена стала настоящим примером для других советских детей, которые стали передавать свои деньги, оставленные на конфеты, в помощь советской армии.

Василий Викторович Конев, пчеловод из Бударинского района, отдал свои сбережения в Фонд в 1943 году. На эти деньги был построен самолёт, который назвали в честь племянника Василия Викторовича, который погиб 30 декабря 1942 года – лётчика, Героя Советского Союза, гвардии подполковника Георгия Николаевича Конева. На построенном самолёте «Ла–5ФН» в 1944 году сражались асы авиации Иван Кожедуб, мой земляк Кирилл Евстигнеев и Павел Брызгалов. На борту самолёта с правой стороны была надпись: «От колхозника Конева Василия Викторовича», а на левом борту – «Имени Героя Советского Союза подполковника Конева». Кожедубу, как первому испытателю «Ла–5ФН», отдали письмо пчеловода Конева, в котором тот просил мстить фашистам и бить врага до окончательной Победы.

За годы войны жители собрали более 16 миллиардов рублей деньгами, не считая килограммов драгоценностей. На эти жертвования построили 2,5 тысячи боевых самолётов, несколько тысяч танков и 24 лодки. Фонд обороны страны пополняли в том числе А.Твардовский, А. Толстой,

С. Рахманинов, М. Шолохов, В. Лебедев-Кумач, С. Маршак, С. Михалков, художники Кукрыниксы и многие другие. Люди отдавали несколько рублей, другие – тысячи, но всех объединяла одинаковая сила и готовность помочь тем, кто лицом к лицу встретился с врагом, и отдать последнее ради спасения страны и Великой Победы.

В наше время тоже есть люди, которые думают не о своём благе, а стараются помочь другим, нуждающимся в денежной помощи: отправляют деньги в фонды помощи, ездят в приюты для животных, помогают погорельцам, оставшимся без крыши над головой.

Польский писатель Стефан Киселевский сказал: «Деньги не дают счастья, но каждый хочет убедиться в этом сам». А вы согласны с ним?

**Лушникова Татьяна Владиславовна
(Кетовский МО)**

*«За проникновенный рассказ о героизме
старшего поколения»*

Я стану настоящим защитником Родины

Семья, в которой рос Колька, свято хранила память о родственниках, которые в годы Великой Отечественной войны жили в блокадном Ленинграде. Бабушка решила про себя: расскажет внуку о своём отце, когда увидит, что Колька готов пережить всё, что пришлось пережить в годы войны его прадедушке.

Колька был единственным в семье ребёнком. Ему покупали всё, что он захочет. Родители считали, что сын должен развиваться, а потому и не заметили, как Колька «заболел» компьютерными играми.

Шли годы. Бабушка смотрела на Кольку и говорила:

– Хороший парень растёт. И телом и умом пошёл в прадеда, но испортили его компьютерные игры...

Когда Колька пошёл в школу, бабушка переехала к внуку. С собой она привезла чёрный ящик, поставила его в шифоньер. Колька много раз спрашивал у бабушки, что в нём лежит. Но она говорила: вот придёт время – сама всё ему расскажет.

И вот уже Колька учится в шестом классе, но его внутренний мир богат не добротой и милосердием. Где бы он ни был – думал только о том, как придёт домой и продолжит игру. Уже в шестой раз 9 Мая он собирается в школу, чтобы всем классом отправиться на митинг к Обелиску. Это святое

место для всех жителей села. Школьники следят за чистотой в парке Победы: летом – подметают, зимой – чистят от снега дорожки. А 9 Мая школьники и жители села собираются у Обелиска, чтобы почтить память и сказать слова благодарности всем участникам Великой Отечественной войны и труженикам тыла за мирное небо над головой.

– Ребята, – сказала учительница истории, – сегодня мы пройдем с Бессмертным Полком по улицам села. Помните, что вы держите не просто плакат. На нём – фотография воина, который сражался с фашистской Германией за то, чтобы вы никогда не видели войны. Штендер нужно держать высоко, нести с гордостью. Воины, которые ковали победу, должны идти победным строем в любые времена. Мы должны сохранить память о той кровавой войне, которая началась 22 июня 1941 года и закончилась 9 мая 1945 года.

Бессмертный Полк пошёл по улицам села. Очень скоро терпение Кольки закончилось. Он опустил штендер: повернул так, что воин оказался вниз головой. Одноклассник Вова взял у него портрет и сказал:

– Ты не достоин идти в Бессмертном Полку! У тебя нет сердца. Ты – немец, тебя расстрелять нужно!

Вовкины слова тронули Кольку. Придя домой с митинга, он не стал играть в компьютерную игру, а сел учить уроки.

Бабушка пекла пирог, изредка поглядывая на внука. Колька сидел за столом. Поза его показывала, что он думает, поэтому бабушка была спокойна.

Время шло, а Колька всё сидел как вкопанный.

– Что с тобой случилось? – спросила бабушка.

Колька поднял глаза. В них были видны слёзы. Бабушка ни разу не видела внука таким.

– А почему ты плачешь? – спросила она.

– Вовка меня сегодня назвал немцем и сказал, что меня расстрелять надо, потому что я плакат неправильно нёс. А тут ещё про ветерана сообщение надо сделать... Не сделаю – родители не дадут в игру поиграть, – сквозь слёзы сказал Колька.

Бабушка потеряла дар речи. Она смотрела на внука и не знала, что сказать ему. Придя в себя, она поняла: вот и созрел Колька для того, чтобы рассказать ему о прадедушке. Она надеялась, что рассказ о трудном военном детстве её отца, тронет холодное сердце внука и поможет ему понять, что он – будущий защитник Родины.

Бабушка пошла за альбомом, в котором «жили» фотографии, напоминающие ей о родителях, об отце, который в годы войны жил в блокадном Ленинграде. О блокаде Ленинграда и о событиях Великой Отечественной войны Колька знал, но к мероприятиям относился равнодушно. Он жил в виртуальном мире, потому что компьютерные игры отделили его от мира реального.

Бабушка села на диван, позвала к себе внука, открыла альбом и начала рассказывать:

– Ты же знаешь, что мой отец – а твой прадедущка – Ливанов Анатолий Васильевич родился в Ленинграде. Когда началась война, ему ещё не было восьми лет. Ты же можешь о нём сделать сообщение, потому что он был эвакуирован во время блокады Ленинграда. Детских фотографий у него нет, потому что он рос в детском доме. Но об этом потом. 8 сентября 1941 года немецкие, финские и испанские войска окружили город. Единственным путём сообщения оставался маршрут через Ладожское озеро. Мать и старшая сестра моего отца пошли работать на завод, а он оставался один дома. Сначала ему было страшно, потому что город на дню не по одну разу обстреливали. 17 сентября 1941 года город подвергся самому длительному артобстрелу, длившемуся 18 часов 33 минуты. По Ленинграду был произведён 331 выстрел. Приходилось бежать в бомбоубежище.

– А что такое бомбоубежище? – прервав рассказ бабушки, спросил Колька.

– Это, Коленька, специальное укрытие в домах, в земле, которое защищало от поражения авиабомбами. А ведь ты сам можешь найти информацию о них, вместо того, чтобы сидеть за компьютерными играми, – посоветовала бабушка.

–Я обязательно прочитаю и про бомбоубежище, и про блокаду Ленинграда, – сказал Колька.

Бабушка начала замечать изменения во внуке. Она решила, что Колька созрел для того, чтобы ему рассказать о хлебе и о том, как умерли родители отца. И она продолжила рассказ:

– К началу блокады в городе было недостаточно для длительной осады продуктов питания и топлива. Потребности города в продуктах питания и топливе были высокими, поэтому доставить их через Ладожское озеро в достаточном количестве было трудно. Да и зима 1942 года была суровая. И люди стали умирать от голода и холода. Поэтому на сирены уже не реагировали, да и сил бежать куда-либо не было. В период блокады хлеб выдавался по карточкам. Максимальная норма для рабочих составляла 200 граммов и 125 граммов для всех остальных.

– Бабушка, а у нас в прошлом году в школе проходила акция «Блокадный хлеб». Нам раздали карточки, по которым хлеб выдавали. А потом каждому дали сам хлеб. Но кусочек был очень маленьким, – сказал Колька.

– И сам блокадный хлеб был не таким, – добавила бабушка. – В его состав входила целлюлоза, жмых, обойная пыль, выбойки из мешков, хвоя, коревая мука. А больше всего в нём было ржаной обойной муки. Но хлебом он только назывался: на самом деле это было что-то похожее на густой клей, перемешанный с чем-то.

Но бывали дни, когда нечего было есть. Особенно трудно было, когда у семьи твоего прадедушки украли карточки на хлеб. В это время с голоду на глазах отца умерла сестра. А во время артобстрела снаряд попал в угол дома, вылетели стёкла. Он спрятался в одеяло. Погибла мать, он чудом остался в живых. Представляешь, что ему пришлось пережить?.. Он своими глазами видел мёртвых, которых складывали в сарай, а потом везли на кладбище и хоронили в братской могиле. Когда твой прадедушка рассказывал об умерших, которых везли на саночках, дрожь пробегала у меня по всему телу, и выступали слёзы.

Колька замер. Он не мог представить покойников, которых везли на санках. Он на кладбище-то боится, а тут по городу покойники всюду лежат.

– Была семья у твоего прадедушки, – продолжила бабушка, – а война её разрушила. Все умерли, кроме моего отца. Твой прадедушка готов был бежать на фронт, защищать Родину, но лет ему было мало. После смерти родителей, родственники отдали его в детский дом. Из блокадного Ленинграда по Ладожскому озеру его эвакуировали в Кемеровскую область. В то время это была «Дорога жизни», соединявшая блокадный Ленинград с большой землёй.

Жизнь в детском доме в годы войны – это история не менее страшная. Он не любил об этом рассказывать, но говорил, что никому не пожелал бы оказаться в детском доме. Но тяжёлое время не ожесточило его. Он сумел остаться добрым, жизнерадостным человеком. А ты живёшь в мирное время. Почему ты жестокий? Виноваты компьютерные игры, – сказала бабушка и стала переворачивать листы альбома. Нашла фотографию, на которой отец стоит с аккордеоном, и продолжила:

– На этой фотографии ему двадцать лет. Твой прадедушка любил природу, рыбалку, но больше всего – любил играть на аккордеоне. Ты у меня спрашивал про ящик, с которым я переехала к вам... Пойдём, покажу.

И бабушка направилась в комнату. Она достала из шифоньера чёрный ящик, взяла ключ и открыла. Колька не поверил своим глазам: перед ним стоял аккордеон, старенький.

– Этому аккордеону много лет. Когда мои родители поженились, этот музыкальный инструмент помог им преодолевать трудности. А когда родились мы с братом, отец прививал нам любовь к музыке. Теперь я свято храню память о твоём прадедушке, – сказала бабушка и взяла в руки аккордеон. – Я не умею играть. Но ты можешь научиться. На, поддержи его в руках и вспомни всё, о чём я тебе рассказывала.

Колька взял аккордеон, погладил его и сказал:

– Бабушка, я обязательно научусь играть на аккордеоне... Я прочитаю всё о блокаде Ленинграда, о Великой Отечественной войне. Я больше не буду играть в компьютерные игры, потому что хочу стать таким, каким был мой прадедушка. Я стану настоящим защитником Родины и не дам её в обиду никому.

Бабушка посмотрела на внука и была на седьмом небе от счастья, потому что смогла победить Кольку.

На следующий день Колька на уроке истории с гордостью рассказывал о прадедушке. Одноклассники не могли узнать переродившегося Кольку.

Ревакина Диана Александровна
(Кетовский МО)

«За патриотичность произведения»

Путь памяти

*Они все живы, живы в наших душах,
Их голоса, их лица, их слова.
Кого-то мы ещё смогли послушать,
Кого-то – не услышим никогда.
Они за нас отдали свои жизни,
А мы должны всего лишь сохранить
Свою и их любовь к своей отчизне,
Да за победу их благодарить.*

– Диана, расскажи нам ещё про семью нашей прабабушки? – попросила Ксюша и подала альбом с фотографиями.

– Хорошо. Садитесь на диван, слушайте внимательно и всё запомните.

Я открыла альбом и начала свой рассказ:

– Мария Григорьевна – мама нашей бабушки Нади – с родителями, сестрой Аграфеной и четырьмя братьями жила до 1925 года в Липецке. 1922 год был трудным, голодным для всей страны. В это время старшему

брату Якову шёл восемнадцатый год, поэтому все трудности легли на его плечи. Он ходил по городу в поисках пищи. Это продолжалось до тех пор, пока знакомый не рассказал ему про город Курган. Поверив, что в Кургане можно спастись от голода, Яков решил сначала проверить.

Спустя несколько дней Яша отправился на вокзал. У него не было ни денег, ни еды с собой: он был уверен в том, что Курган находится близко. Бесплатно сесть в вагон ему не удалось, и он решил ехать в вагоне грузового поезда. Будучи смелым и молодым, Яша незаметно запрыгнул в один из дальних вагонов уже тронувшегося с места поезда и спрятался, чтобы его не обнаружили. Счастливый, он ехал и представлял новый город, в котором не царствует голод. Но доехать до Кургана ему не удалось: во время разгрузки поезда его обнаружили.

Высадив его возле деревни Зырянка Катайского района, машинист поезда дал ему совет: «Иди, парень, к людям и проси у них помощи. Добрые люди всегда найдутся».

И они нашлись. Яшу приютила бабушка. Она взяла его в качестве пастуха. Он не мог себе представить, как будет «управлять» коровами. Но постоянные думы о семье, которая сейчас в Липецке голодает, а он каждый день сытый, помогли ему быстро войти в роль пастуха. Через полгода он написал письмо семье, попросил приехать к нему. Так семья Кулаковых в 1924 году переехала жить в деревню Зырянка...

Я прервала рассказ, посмотрела на своих сестёр и спросила:

– А кто из вас сегодня прадедушке Якову унёс мою гитару?

– Я, – ответила четырёхлетняя Маняша. – Он на ней будет играть коровам, они будут слушать его. Тогда ему не придётся за ними бегать.

– Какая ты догадливая, Маняша, – сказала я. – Только прадедушка Яков не умел играть на гитаре, но очень хорошо пел. Итак, слушайте дальше...

...Шли годы. Яков, Василий и Аграфена обзавелись семьёй. А Иван, Пётр и Маруся жили счастливо с родителями, мечтая о будущем. Но их мечты разрушило известие о том, что началась война. Война разбросала детей из семьи Кулаковых по всей стране.

Когда началась война, Яков Григорьевич был уже не тем восемнадцатилетним Яшкой, готовым прыгнуть в вагон поезда на ходу. Ему уже было тридцать четыре года. Его направили в Ленинград. С собой он взял жену и младшего брата Петра, которому исполнилось шестнадцать лет. Петя с детства мечтал стать лётчиком, поэтому Яков Григорьевич определил его в лётную школу. Трудно пришлось прадедушке в годы войны. Он одерживал тяжёлую и голодную блокаду Ленинграда, чтобы город не взяли немецкие войска. Он имел много наград, среди которых есть Орден Красной Звезды. После войны и до конца жизни он жил в Ростове-на-Дону.

– Диана, а нам Валентина Александровна рассказывала о блокаде Ленинграда, – сказала Ксюша.– Люди умирали с голоду, замерзали. Хлеб выдавали по карточкам. Над городом летали самолёты и сбрасывали бомбы.

– Ксюша, а мы на Новый год тоже бомбочки взрывали? – спросила Маняша.

– Нет, Маняша, это был фейерверк. Их запускали в день Победы. А это бомбы. От них прятались в бомбоубежище,– пояснила Ксюша.

Я смотрела на своих сестёр и понимала, что и они уже что-то знают о войне.

– Молодцы, мои дорогие сестрички! – сказала я им, обняла обеих и поцеловала. – Наши прабабушки и прадедушки, смотрите, улыбаются. Они счастливы, что вы уже многое знаете о войне. А теперь слушайте дальше...

Тридцатилетний Василий Григорьевич пошёл защищать Родину, как только объявили мобилизацию. Он поступил в железнодорожные войска. Прошёл всю войну, был награждён орденами и медалями. Василий Григорьевич дошёл до Берлина. После войны какое-то время жил в Берлине, а потом с семьёй переехал в город-герой Волгоград. Он часто приезжал к сестре Марусе и её детям, среди которых была и наша бабушка.

В 1970 году, когда моя бабушка училась в Шмаковской средней школе, Якову Григорьевичу и Василию Григорьевичу предложили выступить перед учащимися школы. Оба охотно согласились. Бабушка помнит каждое сказанное ими слово. Фотография и напутственное слово хранятся в школьном Музее боевой славы: «Дорогие ребята! В ваших руках – будущее нашей страны. Закаляйте свой характер, укрепляйте силу духа. Цените мир, который мы завоевали ценой невероятных усилий. Пусть над вашими головами всегда будет мирное небо. Растите настоящими защитниками Родины».

– Диана, а я видела эту фотографию в школьном музее. Я сказала одноклассникам, что это мои прадедушки, – сказала Ксюша.

– А мы в детском садике самолётики делали. Я прадедушке-лётчику его подарила, – сказала счастливая Маняша.

– Диана, а расскажи про лётчика, которому ты написала стихотворение, – попросила Ксюша. – Ты ведь получила диплом второй степени!

– Судьба брата прабабушки очень тронула меня. Когда началась война, ему было столько же лет, сколько и мне, – продолжила я. – Петя всю жизнь мечтал о самолёте. Он бредил мечтами о небе и с гордостью говорил маме, что сбросит мешок сахара над родимым домом.

И он сел в самолёт. Война помогла исполнить его мечту. Шестнадцатилетний мальчик Петя поступил в лётное училище благодаря старшему брату Якову.

Но он не вернулся с войны. Он погиб в возрасте восемнадцати лет над Латвией и похоронен в братской могиле. А ведь до Победы оставалось всего несколько месяцев. Яков Григорьевич и Василий Григорьевич часто вспоминали младшего брата. Все в семье души в нём не чаяли. О юном мальчике Пете мы слышали только от бабушки.

– Диана, а стихотворение? – спросила Ксюша.

Я подошла к фотографии Петра Григорьевича и начала рассказывать:

– Мальчишку с детства так манило небо,
Он всё мечтал, что в небо полетит.
Ложился спать. Но где-то до рассвета
Не мог уснуть – ведь так хотел парить.
Однажды к матери рванул мальчишка,
Сказав о том, что в будущем сынок,
Как сядет за штурвал, так над домишком
Он скинет матери заветный сахара мешок.
Года идут. Он бредит о полётах –
Зима за осенью, а лето за весной...
Но вот беда: добавилась к невгодам
Война с одною западной страной.
Мальчишка стал взрослее и смелее.
Мальчишка рвался, рвался на войну!
И в восемнадцать наконец-то полетел он,
Чтоб защитить родную сторонú.
Он битву не одну преодолет,
Не раз на самолёте в небо полетит, –
Но лишь один раз этот парень не сумеет
Свою же гибель враз предотвратить.
Всего за год до той счастливой даты
15 августа над Латвией в бою
Погиб солдат отважный,
Так и не узнав, что защитил страну свою.
Он тоже победил – пусть и посмертно, –
И знала мать – там был её сынок.
И лишь воспоминанием бессмертным
Остался в памяти тот сахара мешок...

Рассказав стихотворение, я повернулась лицом к героям нашего семейного полка и сказала:

– Спасибо вам за то, что помогаете мне зарождалась в маленьких сердцах любовь к Родине. – А затем повернулась к сёстрам: – А вы, мои сестрички, пожелайте спокойной ночи нашему полку и идите спать. А завтра я прочитаю вам рассказ о прабабушке Марии.

Ксюша и Марьяша взяли в руки шесть плакатов, пожелали поочередно каждому воину спокойной ночи и пошли готовиться ко сну.

Как всегда, в выходной день Марьяша встала раньше всех. Первым делом она побежала в коридор, чтобы сказать «доброе утро» героям полка. Потом она взяла альбом, пошла в комнату к маме и попросила её:

– Мама, покажи мне бабу Машу?

– Марьяша, портрет прабабушки Маши висит у бабушки Нади в комнате. А зачем тебе? – спросила мама.

– Хочу ей подарок подарить, а она только на большом плакате, – сказала Маняша.

– Сходи к бабушке, подари ей. Она ведь её дочь.

– Хорошо, мамочка!

Мамин совет помог Маняше решить её маленькую утреннюю проблему.

После обеда три сестры сидели на диване, и я снова начала свой рассказ:

– До войны муж Аграфены перевёз жену с тремя детьми в Ставрополь. С собой они взяли и младшую сестру Марию, которой ещё не исполнилось восемнадцати лет. Муж Аграфены устроил её работать в воинскую часть кухаркой. 1 августа 1942 года немцы с самолёта сбросили листовки, в которых просили сдать город без боя. Но советские войска отказались. И 3 августа 1942 года гитлеровцы начали бомбить город. Они обещали, что будут бомбить только военные объекты, но изрядно досталось и мирным жителям.

Удержать фашистов не удалось. Вражеские войска вошли в город, и 170 дней жители Ставрополя находились под властью гитлеровцев. Только 23 января 1943 года Ставрополь был освобождён. Аграфена с мужем и детьми осталась жить в Ставрополе до конца своей жизни. В Ставрополе сейчас живёт её дочь. Она говорит о том, что жители Ставрополя помнят вечно о людях, благодаря которым был освобождён город. Две улицы в Ставрополе носят имена освободителей: улица Булкина и улица Короткова.

– А что было с бабой Машей? – спросила Марьяша.

– О прабабушке Марии Григорьевне я написала рассказ. Вот что она о себе рассказывала своим детям:

«...Мне было девятнадцать лет, и я работала поваром в военной части. Тогда был солнечный день – ни облачка в небе. Добежав до столовой, я сразу же взялась за работу. Всё было хорошо, пока мы не увидели самолёты. Я слышала взрывы. Все их слышали. Все толпами бежали в бомбоубежище. Я сама не заметила, как оказалась в толкучке внутри бомбоубежища. Там было тесно и душно. Это была далеко не первая наша бомбёжка, мы знали, что должны делать в этой ситуации и как вести себя. Меня в это мгновение волновала не только моя жизнь, но и жизнь моей старшей сестры. Но Грани в бомбоубежище не было. Позже только оказалось, что они с мужем и детьми приезжали за мной, но времени на мои поиски у них не было, ведь рисковать жизнями трёх детей ради меня не было смысла.

Со мной была подруга – Эмма. У неё была семимесячная дочка Танечка. Обе они были еврейками. Мы вдвоём хотели сбежать. Было страшно выходить из убежища, но мы решились. Спустя несколько часов мы уже были в саду. Бежали недолго: нас остановил гул немецких мотоциклов. Бежать дальше было бессмысленно, рискованно и безумно. Наутро мы вернулись в Ставрополь, где вовсю командовали немцы. Мосты из Ставрополя были разрушены. Их подрывали наши уходящие войска. Немцы командовали нами, заставляли выйти из нашего укрытия, работать там же, где мы работали до этого. Немцы ввели комендантский час с семи утра до девяти вечера. Зачем-то распределили нас на евреев и русских. Евреи вернулись позже на то же место, мы пошли по домам. Мой дом был пуст. В нём не было ни души. Тогда я поняла, что Граня смогла уехать. Дом Эммы обратился в развалины, поэтому я позвала её с дочерью к себе. Я просила Эмму оставить мне Таню. Моя подруга была уверена в том, что всё будет хорошо. И я дала ей уйти, хотя, клянусь, видела, что во время того, как она закрывала дверь, в её глазах ясно читалась просьба о помощи. После ни Эмму, ни Танечку я не видела. Но все знали, что стало со ставропольскими евреями.

Работали по-прежнему, только готовили немцы себе сами, потому что боялись быть отравленными. Нас не обижали, иногда даже подкармливали хлебом. Это говорило о том, что они – всё ещё люди, пусть и военные.

Время тянулось долго и казалось вечностью: секунды казались минутами, минуты – часами. Ночами я плакала, по утрам – выходила на работу. Счастье, которое я испытала, когда нас забирали домой наши русские военные, было неопишимо. Я сразу же написала семье письмо и сообщила о том, что я жива. Оказалось, Яша искал меня. Вскоре я вернулась домой, в деревню Зырянка.

Эхо войны преследовало меня всю оставшуюся жизнь. Это невозможно забыть. И лишь люди, прошедшие войну, понимают, что слова “мирное небо” – не просто слова. Это то, чего мы с замиранием сердца ждали

на протяжении долгой и мучительной войны. Мирное небо – это наследие, которое мы оставили вам».

Об Иване Григорьевиче Ксюша и Маняша знают хорошо. Но всё равно спрашивают о нём у мамы.

– Когда началась война, ему было двадцать четыре года, – охотно отвечает мама. – Он служил в танковых войсках и погиб на Курской Дуге. Где именно захоронили его – неизвестно. Яков Григорьевич после войны занимался поиском погибших младших братьев. Пётр был найден Яковым ещё в 70-х годах, а вот Иван до сих пор считается без вести пропавшим. К сожалению, Яков Григорьевич найти его не успел.

Сейчас его поиском занимается мы с Дианой. Ищем в книгах библиотек, вдоль и поперёк исписанных именами солдат, которые призывались на войну из Курганской области, на поисковых сайтах в интернете. Мы пытаемся связаться с семьями Якова, Василия, Аграфены. Бывает – безуспешно, а бывает – натываемся на настоящий клад в виде каких-то отдельных, но невероятно уникальных фактов. И мы будем искать до тех пор, пока не отыщем последнего брата, потому что каждая секунда из жизни шестерых детей семьи Кулаковых является нашей историей – историей войны, которую ни за что нельзя забывать.

– Мама, а я завтра на празднике буду рассказывать стихотворение, которое сочинила мне Диана, – сказала Ксюша.

Мама посмотрела на своих дочерей, и слеза радости выступила из её глаз. Как важно показать маленькому человечку путь, по которому ему нужно идти: путь памяти.

Ни за что не забывайте их.
Запомните их лица и рассказы,
Запомните их – вечно молодых,
Запомните их колющие фразы,
Запомните победное «Ура!»,
На диктофон на память запишите,
И эти старенькие свитера,
Пожалуйста, на полку положите.
Когда-то к этим старым свитерам,
К району сердца, прижимали письма,
А после – отсылали по фронтам,
Смотря в большую плачущую высь.
Когда-то ввысь пускали самолёт,
Что из бумаги складывал мальчишка...
Спустя года – он сам такой ведёт
И слёзы льёт на мамино письмишко.

Долганов Сергей Денисович (г. Курган)

«За проникновенность произведения»

Да ладно, всё нормально

*Когда летишь с моста – понимаешь,
что все твои проблемы решаемы.
Кроме одной: ты **уже** летишь с моста.*

Цитата выжившего самоубийцы

И снова эта резкая мелодия будильника, означавшая начало нового дня. И снова мне нужно вставать. Завтракать. И идти в дурацкую школу. Где надо мной снова будут подшучивать одноклассники.

А потом я иду домой, затем – делаю уроки, если повезёт – трачу время на улице, возвращаюсь домой и ложусь спать. И так из раза в раз. Изо дня в день. Неделя за неделей... О, нет: сейчас же лето. Значит, это всё-таки был сон. Хоть с этим повезло.

Я встаю с кровати. Она мне уже впритык, но денег покупать новую нет. Я и не рассчитываю, что будут... Отключать будильник не пришлось: он отключился самостоятельно. Должно быть, я слишком долго собирался с силами. Смотрю время – хоть и знаю уже, что заводил будильник на шесть утра. 6:01.

Заправить кровать особого труда не составило, пускай она собиралась и раскладывалась весьма необычным способом. Я уже привык к этому, и теперь собрать или разложить своё место для сна не составляет труда. Поначалу мне было тяжело запомнить алгоритм, но я справился благодаря... не хочу вспоминать.

Теперь мне нужно включить компьютер. Вот только рабочий стол практически полностью завален тетрадями, учебниками и какими-то бумагами. Надо было хотя бы стопкой их сложить... И всё-таки вместо того, чтобы разложить эту кучу вещей по местам, я просто сваливаю её на диван. Не думаю, что разберу позже.

...ага, всё: загрузилось. Проверим школьный чат. Никаких новостей. Неудивительно. Просто полистаю ленту. Какие-то однотипные мемы, новости... а это что? Фотки с того дня рождения, что был четыре месяца назад...

Как бы я ни пытался не думать о произошедшем – буквально весь мир мне об этом напоминает. Потому что у меня много что связано с этим. Это «что-то» – моя мама. Человек, которого я, по сути, знаю с самого рождения. Она высокая (но в тринадцать я её всё-таки перерос), стройная; у неё длинные светлые волнистые волосы. Самым прекрасным в моей матери было её лицо – тонкие чёрные брови, изумрудные глаза, по которым всё можно

было понять, а вишенка на этом торте природной красоты – её чудесная улыбка, такая искренняя, и такая... незабываемая. Воспоминания такие чёткие, словно я видел её вчера. Но это было четыре месяца назад. А началось всё на её дне рождения.

Была это середина апреля, суббота. Мы с мамой, отцом, мамиными родителями и её близкими друзьями пошли в боулинг. Мама очень его любила. Конечно, боулинг был не сам по себе. Он находился в торговом центре, который, хоть я уже привык к нему и знал как свои пять пальцев (а потому всегда выигрывал, когда мы с друзьями играли здесь в прятки), я мог назвать огромным и великолепным. Целых четыре просторных этажа, на которых вполне можно потеряться!.. Если начну рассказывать про каждый этаж – потеряю много времени и не успею рассказать о самом главном. Могу сказать одно: на первых трёх этажах была куча магазинов различной тематики, а половину четвёртого занимал просторный фудкорт. В нём были чуть ли не все кухни мира – я до сих пор всего не попробовал! Правда, не то, чтоб я так уж к этому стремился...

Боулинг находился на западе третьего этажа. Туда и отправилась наша компания. Мы не бронировали дорожку заранее (хотя стоило, если учесть, что это был выходной). Как бы то ни было – нам крайне повезло, что осталась как раз одна свободная дорожка в дальнем конце зала. Нас это вполне устраивало. Арендовав дорожку на два часа, мы заняли место. Через какое-то время мы заказали две пиццы и лимонад. Ничто не предвещало беды.

Примерно через двадцать минут я заметил за стеклянной стеной боулинга что-то странное. Какой-то непонятный дым исходил далеко из магазина на втором этаже, однако я не стал говорить кому-либо. Мало ли, вдруг просто проверка противопожарного оборудования... И тут дым резко перерос в огонь, вылетел (как мне показалось) из магазина и начал быстро расползаться по всему помещению. Через несколько секунд сработал сигнал тревоги. Началась эвакуация. Так как у нас была последняя дорожка, мы были в самом конце безумной толпы, так отчаянно борющейся за жизнь, что будь мы *внутри* – нас бы, вероятно, просто-напросто затоптали.

Запасной выход находился напротив того ряда магазинов, в одном из которых начался пожар. Это была гонка с огнём: нужно было добраться быстрее, чем огонь перекроет путь. Единственное, что нам мешало, – мамина болезнь, из-за которой она не могла бегать. Бросать маму было нельзя – мы шли пешком, пока все остальные бежали сломя голову.

Оставалось около пары минут. Потом что-то делать было бы бесполезно: примерно за то же время огонь перекрыл бы путь к спасению. Вся наша компания, кроме отца и меня, уже покинула здание...

Но тут маме внезапно стало очень плохо. Она упала бы на пол и больно бы ударилась, если бы мы с папой не держали её под руки. Мне было и без того страшно, но это напугало меня ещё сильнее.

– Мам?! Всё хорошо?! Что с тобой?.. – в панике спросил я.

– Да... Всё... всё будет хорошо, – как-то устало сказала она.

Страх нахлынул с новой силой.

– Мам, вставай!. Мы уже почти выбрались!.. – чуть ли не кричал я.

– Я... я не могу... – с грустью в голосе проговорила мама. – Тебе нужно идти без меня...

– Нет... Я не смогу... Ну же, пожалуйста!..

– Сынок... Извини, это выше моих сил... Просто... Просто проживи эту жизнь счастливо, ладно?.. – Мама из последних сил улыбнулась и потеряла сознание.

Я оцепенел.

– Спокойно. С ней такое уже было, – спустя несколько секунд быстро и чётко сказал папа, после чего взял маму под одну руку. – Бери её под другую руку и пошли. Времени мало.

Я сделал, как он сказал. Хотя мама почти всем весом опиралась на отца, донести её быстро было довольно трудно. Как бы то ни было, мы смогли сбежать оттуда все вместе, и «скорая» увезла маму в больницу. И вроде как всё должно быть хорошо... Но не тут-то было.

На следующий день нам сообщили печальные новости. Оказывается, мама умерла из-за отравления угарным газом. Потом были похороны. На них меня не было: мне тогда было и без того плохо. А через несколько дней у папы случился сердечный приступ. И теперь я живу у бабушки.

Прошло четыре месяца. Сейчас я почти полностью справился с этим. Конечно, мне по-прежнему тяжело, но хотя бы уже не так больно, как было четыре месяца назад. Признаюсь, если бы я сказал, что справлялся один, – я бы очень нагло соврал. Мне в этом помогал один человек. Особенный. И очень много значивший для меня.

Ой-ой, уже совсем скоро начинается школа. Хотя стоп, сейчас же лето... Всё отвыкнуть не могу. Ну что ж, так даже лучше. Можно будет провести больше времени на улице. И с Элис. Где там моя футболка?..

Одевшись поскорее, я вышел из дома. Крикнул бабушке на прощание: «Пока, бабуль!». Не думаю, что она это слышала...

На улице обстановка весьма обнадеживала: повсюду был зелёный цвет, яркое солнце согревало и освещало всё вокруг, птицы радовались

тёплому лету, распевая песни, восхвалявшие единственную в нашей планетной системе звезду. Или червяков?.. У меня стали появляться столь простые мысли, и это здорово: они показывали, что я постепенно возвращаюсь к состоянию до потери матери.

Я шёл умеренным темпом. Пускай торопиться было некуда, особо медлить тоже не хотелось. Поскольку Элис, скорее всего, ещё спала, я решил направиться в сторону моста, что пересекал железнодорожные пути.

А, верно: я ж ещё не рассказал, кто такая Элис! Ну что ж, у меня есть время, пока я иду до моста. Элис – моя лучшая подруга, с которой мы дружим с самого детства. Именно Элис помогала мне пережить потерю матери и поддерживала в различных проблемах поменьше. И я её поддерживал, когда это было необходимо.

Элис была по большей части оптимистом, а вот шумным человеком – никогда. Очень редко, да и то это больше походило на шалость, нежели беспредел.

Многого стоят одни лишь её объятия. Когда Элис меня обнимает – не хочется ни о чём думать. Ни думать о произошедшем. Ни волноваться о проблемах настоящего. Ни беспокоиться о грядущем. Я просто хочу быть здесь и сейчас – и как можно лучше запомнить этот момент. И вжаться в неё покрепче...

К тому времени, когда я закончил вспоминать свою лучшую подругу, я уже пришёл к мосту над железнодорожными путями. Что ж, вот и утренняя разминка ног. Хотя, по сути, она уже была: нужно же ещё дойти до моста, а тут ходу – десять минут быстрым темпом.

Только я закончил рассуждать – и взошёл на сам мост. Этот вид... Стоп. Перед тем, как я начал в голове расписывать этот живописный вид, я решил достать наушники и включить соответствующую музыку, дабы дополнить созданную пейзажем моста атмосферу. Где они там... Нет, не то... О, а этого бегемотика я месяца два назад потерял! Но он мне сейчас не нужен, так что пока пусть постоит тут. А, вот они – наушники! Теперь надо распутать... Как этот узел завязался вообще?!.. Надо вот тут потянуть... Нет, стало хуже. Может, нужно вставить конец вот в эту петлю и... Вот, начало развязываться!..

Потратив какое-то время, я всё-таки смог развязать наушники. Маленькая, а всё же победа. Подключаю наушники к телефону, надеваю их и включаю Uglyburger0 – Severe Acrophobia. Чудесное дополнение к окружению.

После этих махинаций я решаю описать у себя в голове вид с моста. Сам по себе мост не был произведением искусства – типичный серый,

с перилами такого же цвета. Я всегда стою у дальнего угла – в конце мост заворачивает направо, за счёт чего образуется угол. Отсюда открывалась очень завораживающая картина: возле моста были домики – небольшие, словно в какой-то деревушке. Я не знал наверняка, кто в них живёт. Чуть дальше была небольшая роща из деревьев всех пород. Вдалеке виднелся современный город, наполненный высокими зданиями. У них были очень большие окна. Было ощущение, что все стены и есть одни большие окна. Некоторые дома отсвечивали солнцем, будто побрякушки блестят.

А ещё отсюда можно было увидеть восьмиполосную автомагистраль. По ней бегали машинки (так казалось из-за расстояния, даже если машины были большие). Их было довольно много – что логично: ведь все спешили на работу, поскольку всем нужны были бумажки под названием «деньги». Как же они ценны в нашем мире...

Начать размышления о роли денег мне не позволил внезапный телефонный звонок. Кто бы это мог быть? Достая телефон из кармана – и вижу входящий звонок от Элис. Неожиданно: обычно она в это время спит. Я беру трубку.

– Доброе утро-о-о-о... – слышится нежный и родной голос по ту сторону телефона.

Я невольно улыбаюсь. От её голоса – или когда я просто провожу с ней время – настроение всегда поднимается. Даже если выше уже некуда.

– Доброе, – негромко ответил я. – Как отдохнула?

– Отлично! Мне приснился такой чудный сон... Правда, я не помню, что в нём было... Просто помню, что сон был хорошим.

– Ты как всегда.

Элис аккуратно смеётся. Затем (как мне показалось) она перешла к причине, по которой (как мне показалось) мне и звонила:

– Слушай, у тебя же нет никаких планов на сегодня?

– До начала школы я совершенно свободен.

– Здорово! Можешь тогда подойти к моему дому через двадцать минут?

– Да, думаю, вполне.

– Чудно! В таком случае, до встречи!

– До встречи!

Конец разговора. Что ж – и ежу понятно, куда я теперь направляюсь, не так ли? Дом Элис. Я иду туда. Бросив последний взгляд на линию горизонта, я включаю музыку и начинаю свой маршрут.

Проходит ровно столько времени, сколько Элис мне дала на дорогу. Я уже на месте. Но её всё нет. «Наверное, что-то ищет или что-то произошло,» – подумал я, хоть во второе и верилось с трудом. Я прекрасно понимал, что моя подруга детства – очень пунктуальный человек, но тем не менее верил в первое. А вдруг с ней и вправду что-то произошло? Но *что*? Ведь вчера мы гуляли, и всё было хорошо, – а я знаю, что моя лучшая подруга не станет мне врать в таких вещах.

Элис вышла гораздо раньше, чем я успел прийти к какому-либо выводу. Её глубинно-карие глаза смотрели на меня с добротой, длинные каштановые волосы подхватил ветер, словно ждавший момента, когда она выйдет, а скромная, спокойная, но от того великолепная улыбка убирала все мысли о том, что что-то произошло.

Сегодня на ней была светлого оттенка зелёного (салатового, если я не ошибаюсь) футболка с незамысловатым дизайном: посередине – солнце в тёмных очках, сверху краснела надпись «don't worry», а снизу – радужная «be happy». Кроме того, Элис надела сегодня простые чёрные шорты и красно-белые кроссовки.

Когда Элис увидела меня, то тут же воскликнула с широкой улыбкой:

– При-ве-е-е-ет!.. – И раскинула руки для объятий.

Разумеется, я пошёл ей навстречу. И вот мы стоим и обнимаемся. Со стороны – точь-в-точь влюблённая парочка. Хотя фактически это не так. Я наверняка не знаю, *что* лучшая подруга ко мне испытывает, но у меня к ней были очень тёплые чувства. Уже как год, кажется.

Я решил не мучить себя подобными вопросами, а просто насладиться моментом. Объятия Элис были приятны. Я чувствовал тепло её тела. Слышал её тихое дыхание, отчего самому становилось легко и спокойно. Наши головы лежали на плечах друг у друга.

Я не думал вообще ни о чём. Меня не волновало, чем мы будем заниматься сегодня, или произошедшие события. Было безразлично, смотрит ли на нас кто-то. Я просто был рад, что у меня есть Элис. А у неё есть я. Можно сказать, это моё маленькое счастье, благодаря которому я радуюсь жизни.

Проходит какое-то время – минута, а может, и две. А может, вообще двадцать секунд. В итоге мы всё же отпускаем друг друга.

– Как твои дела? – первой спросила моя подруга детства.

– Всё хорошо, – улыбнулся я в ответ. – У тебя как?

– Волшебно. Итак... у нас есть какой-то план?..

– Как насчёт сходить к тем холмам за мостом?

– Да, пойдём! Чудесная идея!..

Дорога к холмам – как мы их называли – была довольно длинной, так что могла сойти за миниатюрное приключение. Когда по ощущениям прошло около часа, мы наконец-то пришли к этому месту. И оно действительно того стоило.

Пейзаж напоминал известную заставку Windows XP «Безмятежность». Единственным отличием были цветы, росшие у подножья некоторых холмов.

– Вот мы и на месте, – объявил я, довольный пройденным маршрутом. – Красота!..

– Точнее и не скажешь! – В голосе Элис чувствовалась та же радость. – Как спустимся? Камней тут нигде нет, мы обо все уже споткнулись, так что... Можем либо скатиться, либо аккуратно сойти. Что предпочитаешь?..

Шутка про камни была довольно правдивой – когда мы впервые нашли это место, иногда в траве мог лежать камень, из-за чего скатываться было неприятно. Мы понимали, что убирать их оттуда никто не будет, поэтому решили убирать все камни, какие находим. Таким образом, камней – по крайней мере, мешавших нашим планам – тут не осталось.

– Мы скатывались уже много раз, так что почему бы и не ещё один? – задал я риторический вопрос. Кажется, Элис поняла это.

Мы отошли на пару шагов назад и легли перпендикулярно направлению, в котором собирались катиться.

– Готова? – спросил я: мало ли, может, нужно морально настроиться. Но мой напарник по сомнительным спускам в этом не нуждался.

– Я-то готова, главное, чтобы ты был готов, – с уверенностью ответила она.

Мы аккуратно, очень медленно покатались вперёд. А потом начался спуск.

Ощущения во время подобного спуска, стоит отметить, весьма необычные. Весь мир крутится вокруг тебя – то свет, то тьма, – а трава щекочет твоё тело.

Самое главное во время подобного спуска – контролировать свою скорость. Если она будет слишком большой, есть риск получить травму или не самый приятный опыт. Сразу овладеть искусством контроля редко у кого получается, это приходит со временем. Нужно лишь потренироваться – кому-то больше, кому-то меньше. Есть редкие исключения – люди, кому это не дано. Отчаиваться не стоит – есть множество более адекватных занятий.

Когда мы почти скатились, мне пришла в голову весьма странная затея. Когда скорость вновь начала увеличиваться, я решил не уменьшить её,

а ускориться ещё сильнее. В момент, когда я уже был у подножья, я разгруппировался, в результате чего в момент остановки лежал на спине с раскинутыми руками и ногами.

– Ой-ёй... – умирающим голосом протянул я. – Что-то происходит...

Элис, уже закончившая спуск, подошла ко мне и сделала максимально удивлённое и напуганное лицо, пытаюсь при этом скрыть улыбку.

– Что с тобой?.. – Похоже, поняв замысел, она решила мне подыграть.

– Мне плохо, – уже начал немного улыбаться я. – Не знаю, что со мной происходит!..

Моя лучшая подруга начала улыбаться. Всё-таки сдерживать улыбку в такой ситуации было не так просто.

– Нет, пожалуйста!.. – притворно испугалась Элис. – Я не хочу тебя терять!..

И тут с ней произошло что-то странное. Она внезапно помрачнела, стала серьёзной. Улыбка исчезла с её лица, а в глазах виднелась некая... печаль? Страх? Разочарование? Я не мог понять наверняка, что это, ведь раньше не видел в её глазах ничего подобного.

Однако это произошло всего лишь на секунду – её выражение лица вернулось к тому, каким оно было. За исключением улыбки – она уже была не такая широкая. В любом случае, шоу должно продолжаться.

– Элис... – «из последних сил» просипел я. – Пообещай, что будешь помнить меня...

– Обещаю, – произносит моя напарница по «театру». После чего я драматично закатываю глаза и понарошку издаю мультяшный предсмертный хрип. Потом Элис ложится рядом со мной, и мы просто смотрим на небо.

Остальную часть прогулки мы ничем особенным не занимались. Сначала смотрели на небо и пытались найти в облаках знакомые формы или очертания. Я, к слову, смог найти Смерть с кошкой, а Элис – лягушку-Наполеона на мопеде. Потом мы бегали по холмам туда-сюда – сначала я за ней, потом – она за мной. Затем – просто сидели и смотрели на ветряные электростанции вдалеке.

Неизвестно, чем бы мы занялись ещё, если бы мне не позвонила бабушка. Я и не заметил, как наступило четыре часа вечера. Бабушка собиралась в магазин и ей нужна была помощь, чтобы донести сумки с едой. Мы договорились, что в пять я буду уже около супермаркета. Затем я и Элис направились к её дому, и уже оттуда я пошёл к магазину.

Всю дорогу, вечер и время перед сном мне не давали покоя странности в поведении Элис. «Что же случилось? Почему она стала вести себя так? Что может произойти, из-за чего она так изменилась? А может быть, уже произошло?» – примерно с такими мыслями я заснул.

Прошло несколько дней. С каждым днём позитив моей лучшей подруги стремительно исчезал, а улыбка – появлялась всё реже. И в один день, когда наша с Элис прогулка подходила к концу, я всё-таки решил поговорить с ней на эту тему.

– Слушай, – осторожно начал я. – Хотел поговорить с тобой по поводу твоего поведения... Ты стала какой-то мрачной, реже улыбаешься, а если улыбаешься, то улыбка выглядит неискренне... Что с тобой? Что случилось?..

Элис отвернулась и молчала какое-то время. А когда она повернулась, её глаза были наполнены слезами. И тут она неожиданно обняла меня, крепко-крепко, и начала плакать. Моя лучшая подруга начала говорить, а я обнял её в ответ и принялся гладить по голове, чтобы ей стало легче.

– У... у папы... повышение на работе, – сквозь слёзы говорила мне Элис. – Мне... нам... нужно переехать в другой город, а может, и... и... не помню – может, даже в другую страну... Я...

Элис прервалась и какое-то время просто плакала. А чуть погодя с трудом продолжила:

– П-прости... М... мне, наверное, стоило рассказать сразу, и... я...

– Да ладно, всё нормально, – тихо произнёс я. – Это не твоя вина. Тебе не за что извиняться. И я... буду в порядке. Честно... Мы же сможем хоть как-то поддерживать общение?..

– Да, но... Я не знаю, сколько... сколько времени понадобится. Может, три дня, а мо... может, и неделя. Я не знаю...

– В любом случае, тебе не за что себя винить. Просто знай, что всё будет хорошо...

– Да... Да, я тебе верю... Спасибо, – Элис начала успокаиваться.

– Не за что. Ты всегда поддерживала меня, когда мне было нужно...

– И ты меня...

Мы так и стояли, ничего не говоря, пока Элис постепенно не пришла в себя и окончательно не успокоилась.

– Ладно, – прервал я наше молчание. – Получается, по домам?..

– Да, уже довольно поздно. Пока!.. И, надеюсь, до встречи!.. – улыбнулась мне подруга моего детства. А после этого ушла домой.

Улыбка в тот же миг сползла с моего лица, и я медленно побрёл домой. Да и настроения быстро идти не было.

Я вернулся домой и тут же лёг спать: есть не хотелось, а заниматься чем-то другим не было никаких сил. Не успел я полностью оправиться от одной трагедии, как произошла другая. Разве я заслужил это?..

Спал я в ту ночь очень плохо. Даже если я засыпал на какое-то время, то вскоре всё равно просыпался из-за мыслей об Элис. Мы с ней дружили с самого детства, мы столько всего с ней прошли вместе. А что в итоге? Все те года дружбы... ушли коту под хвост? Я никак не мог смириться с этим. И не было никого, кто мог бы утешить меня, подбодрить, сказать, что он рядом и что всё будет хорошо.

Когда наступило утро, я был абсолютно невыспавшимся. Есть мне всё ещё не хотелось, а бабушка ещё спала. Поэтому я решил пойти к мосту.

Всё те же красоты открывались мне: тот же город, автомагистраль, домики... Почему же меня это не радует? Наверное, дело в том, что мы часто приходили сюда с Элис. Так много воспоминаний о ней. От осознания, что уже ничего из тех дней, скорее всего, никогда не вернётся, по моим щекам потекли слёзы. Я не представлял, как буду жить без неё. Она была для меня... всем.

Отчаянная мысль внезапно залезла в мою голову. «Может быть, такая жизнь не стоит того?..» – неожиданно для самого себя подумал я.

Внезапно всё вокруг потемнело.

– Добро пожаловать в реальность, – сказал незнакомый мужской голос.

...С меня снимают шлем виртуальной реальности. Кто бы мог подумать, что целая история, целая жизнь может быть записана на жёстком диске?!

– Итак... Уже решил для себя, какой будет финал?

I место (старшая группа)

Коротовских Алиса Маратовна (г. Курган)

Взгляд

Пожар заката багряно пылал над городом, когда Маслов вышел из дома и ступил на полотно спешащих тротуаров. В воздухе кружился пепел ушедших дней, словно кто-то невидимый и хмурый разворошил неостывший костёр. «Осень всегда ощущается так, – вспомнились чьи-то ускользающие слова, – как будто возвращаешься из чужой жизни в свою, успев всё позабыть».

Он не знал, когда в последний раз был на улице, – дни сливались в единую вязкую массу, – но теперь с первым шагом город обрушился на него беспорядочным нагромождением окон, ног и лиц. Шум и гомон жизни с непривычки оглушали, заставляя прятаться за поднятым воротником пальто, но уже через пару кварталов Маслов заметил, как легко тонут звуки в бездонных потоках угасающего света. Он снова научился плыть в толпе, ловко лавируя меж жёстких плеч и рук-плавников, не глядя в равнодушные рыбы глаза прохожих. Маслов давно перестал «собирать» лица, рассовывая мятые зарисовки по альбомам и закоулкам памяти. Течение просто несло его мимо, мимо, мимо – вдоль вывесок и стеклянных дверей, от края поребрика к изогнутому хребту моста, вслед за солнцем и прочь от него.

Он ловил затухающий огонь заката кончиками пальцев, движениями полуопущенных ресниц. Казалось, если подставить лицо лучам и закрыть глаза, слепящее зарево отпечатается под кожей век – на всю долгую сырую зиму, почти навсегда. Чтобы простуженными вечерами, крепко зажмурившись, можно было снова почувствовать обжигающее огненно-красное тление заката – и вспомнить. Но вспомнить не этот сентябрьский день, а нечто другое – тихое, ясное, как блики солнца на воде, и болезненно-щемящее, как звон разбитого стекла... Но что? Что ему так смутно и безнадежно хотелось вспомнить?..

Маслов распахнул глаза – и площадь опрокинулась перед ним, смешав акварель неба с густым акрилом брусчатки. Среди длинных шатких теней чужих фигур мелькнул обрывком пепельного вихря знакомый плащ.

Как во сне, как в бреду, Маслов шагнул следом, ощущая, что мостовая под ногами становится зыбкой, точно озёрная гладь. Светло-серый с голубым отливом рукав то скрывался среди исчерченных резкими тенями спин и голов, то вновь возникал в волнах солнечного света, – и он бросался за ним, как безумный, в то же время боясь спугнуть дыханием.

«Она? Не она? Мираж, видение...»

Трясина тротуаров затягивала вглубь, в затхлый мрак. Шаг, вдох – отрывисто, болезненно. Только бы увидеть её – хоть на миг!

Серый плащ мелькнул на повороте и потерялся за углом. Задохнувшись страхом, Маслов рванулся вперёд...

Взгляду открылся широкий перекрёсток, тонущий в закатном мареве, очерченный воздушными линиями словно летящих над горизонтом домов. Девушка стояла в нескольких шагах от него – стройный, лёгкий силуэт в золотистом ореоле сияющих на солнце волос.

«Она? Не она?»

Маслов не видел лица, не видел глаз – задумчивых ли, смеющихся ли, бесстрастных ли. Но сейчас, как оказалось, это не имело никакого значения.

Загорелся свет. Она пошла вперёд – и он двинулся за ней, ни на миг не отнимая взгляда от фигуры, скользящей сквозь низкие лучи остывающего пламени, от играющих с ветром льняных локонов, от вьющейся ленты полосатого шарфа.

«Мираж. Видение...»

Проспекты заворачивались дугой и убегали из-под ног, переулки сливались в калейдоскоп смутной светотени. Спотыкаясь о чёрные силуэты фонарных столбов и чужих фигур, он шёл за ней. Как будто и не было этих лет. Как будто никто никуда и не уходил.

Теперь он всё вспомнил.

* * *

«Разве можно скучать по тому, чего у тебя никогда не было?..»

Был такой же вечер, такой же закат – алый, пьянящий, опаляющий языками костра чёрные контуры далёких зданий. Последние дни августа стояли над крышами душным маревом, но ветер уже нёс по улицам дыхание осенней прохлады.

В воображении вставали давяще гулкие, взбугрённые лепниной потолки Академии художеств, под которые Маслов должен был вернуться уже через пару недель, – и он бежал от воспоминаний о предстоящем. В доме, насквозь пропахшем тошнотворной обыденностью чужих жизней, за дверью его комнаты стояла неоконченная картина – и художник бежал от неё. Идея, отнявшая несколько дней хаотической работы и ещё вчера зацветавшая нежными бутонами гениальности, сегодня иссохла и опротивела. Студент хотел было вышвырнуть холст в распахнутое окно, чтобы город залил его мутными дождями и растоптал ногами прохожих, но лишь

завесил покрывалом. Его окна выходили во двор – что подумали бы соседи, увидев, как беззастенчиво выбрасывают оттуда вещи?

После нескольких дней добровольного меланхолического заточения коридоры квартиры в глазах Маслова начали закручиваться в спираль – и он сбежал, оставив картину ждать его на мольберте, укоризненно глядя из складок ткани. Он шёл по улицам, неожиданно просторным, не ограниченным безопасной привычностью четырёх стен, а в голове приятно бродил августовский ветер. Маслов ловил в толпе лица для своей коллекции: улыбчивые, обеспокоенные или печальные, испещрённые морщинами или веснушками, выразительные или блёклые, как гладкая галька. Не заботясь о деталях, он запоминал только смутное впечатление, чтобы потом передать его бумаге в отрывочных минутных набросках. Чужое чувство, схваченное на миг. Чужая жизнь, промчавшаяся мимо.

«Разве можно вспоминать о неслучившемся?»

Он едва ли заметил, когда на пути выросли двери антикварного магазина, затерявшегося в узких переулках. Когда-то Маслов пытался здесь работать – сбежал через пару месяцев. Проклятая доброжелательная улыбка никак не хотела приклеиваться к губам, а от бесконечного круговорота лиц, голосов и устремлённых на него взглядов к концу дня становилось так тошно, что в горле застывал невыплеснутый крик. Всё в магазине осталось прежним, знакомым: мутное стекло витрин, хрустальный звон колокольчика над дверью, старик-продавец с профилем античного философа и тем же безучастным взглядом, что и у слепого, истёртого временем гипсового бюста... Облитое закатом, это место не казалось постылым и враждебным. Дорожки расплавленного янтаря тянулись вдоль запылённых стеллажей, обволакивая каждый выступ интерьера. Даже в тених, пропитавшихся запахом ушедших лет, невозможно было спрятаться от света.

Маслов шагнул, не боясь, что его могут узнать, навстречу потрёпанным книгам и надтреснутым сервизам, картинам в облезлых рамах и остановившимся часам – навстречу всем вещам, на которые не обращают внимания до тех пор, пока они не станут историей. Здесь, вдалеке от спешащей людской массы, в уютном мире анахронизмов, он чувствовал себя почти так же спокойно и уютно, как перед мольбертом. Художника тотчас окутал ни с чем не сравнимый аромат старины – прожитых жизней, оборванных разговоров, полуистлевших воспоминаний... и солнца. В эту минуту он был уверен, что солнечный свет, который так трудно изобразить на полотне, гораздо проще уловить обонянием. Чтобы не потерять это ощущение, он медленно двинулся мимо книжных полок вслед за уходящим закатом, скользя пальцами по корешкам, впитавшим тепло...

– Это особенный запах.

Маслов замер. Только теперь он заметил другого посетителя магазина: в паре шагов от него, в луче угасающего света, листала пожелтевшие страницы девушка в пепельно-сером плаще. Он не видел её лица – только непокорные вьющиеся локоны цвета золотых пылинок, кружившихся в ровном сиянии вечерней зари. Тонкий полупризрачный силуэт, словно написанный маслом на стекле. Склонившись над раскрытой книгой, она вдохнула аромат старой хрустящей бумаги и повторила:

– Это особенный запах. От него хочется скучать по тому, чего у тебя никогда не было. Вспоминать о неслучившемся, – движение губ и ресниц за завесой пушистых прядей, скрывающих лицо; она улыбалась, – разве такое бывает?..

Маслов не успел ни ответить, ни подумать, ни осознать, – а в следующее мгновение прежний мир рухнул навеки.

Девушка обернулась. И взглянула на него.

Художнику показалось, что он, опрокинувшись, падает бесконечно и неостановимо, и над ним раскрывается светлое, светлое, пронзительно-голубое небо. Во всём бушующем мире вдруг не осталось ничего, кроме его глубокой и нежной тишины. Маслов был уверен: никто и никогда не видел такого неба – бескрайнего, высокого и чистого, застывшего вне времени. И сам он, глядя на него, оказался безмерно далёк от всего, что окружало его прежде, что было памятью, страхами, переживаниями и чувствами, его жизнью и жизнями неисчислимого множества других людей, рождавшихся и умиравших на земле от самого начала времён. В голове стих гул тысяч беспокойных мыслей. Исчезла комната с нагромождениями бесполезных вещей – остался только свет, золотящий ресницы. Он не был жив, не был мёртв – теперь он стал выше всего этого, растворившись без остатка в чём-то безграничном, неосязаемом и совершенном.

Небо. Это небо было водой, замершей гладью озера в летний день, и он, затаив дыхание, смотрел на неё с тихого песчаного дна, следя за игрой солнечных бликов на поверхности. Это небо глядело на него так, словно видело его всего, полностью, с его мыслями, прошлыми поступками и совершёнными ошибками, словно на свете не было ничего, что оно бы не знало, словно ему открылась тайна, к которой люди веками пытались найти ключ на великих полотнах и страницах книг. Это небо теплилось безбрежным сиянием, в котором соединились все чувства, на какие только способен человек, и при этом не было заметно ни одно из них. Это небо было всем и ничем, мгновением и вечностью – абсолютной, всепоглощающей красотой. И оно светило в глазах девушки, что стояла напротив.

Тысячи лет длились не дольше мгновения. А затем она самым обыкновенным жестом легко дёрнула плечом и отвела взгляд – и Маслов рухнул вниз с головокружительной высоты.

Оглушённый падением, задохнувшийся, ослеплённый сотнями видений, промелькнувших мимо секундой ранее, он отшатнулся назад.

Зачем он здесь? Зачем – всё вокруг?

Пыль. Умирающее солнце.

Падение. Полёт. Небо. Взгляд...

Он очнулся, ощутив виском прохладную твёрдость стены. Алое вечернее зарево скрылось, робкие сумерки заползли за отклеившиеся уголки обоев. Мышцы болезненно гудели от напряжения. Он снова был в своей комнате.

Сбежал?..

Пепел сгоревшего заката оседал на крышах домов и оконных стёклах, заволакивая мысли пеленой блёклой тоски. Маслов привычно опустил на стул у мольберта. Перед глазами стелилась пустота.

Что это было? Что он видел?

Сейчас, вновь оказавшись в спасительной зацикленной тесноте дома, он понял, что почти не успел разглядеть незнакомку из антикварного. В памяти всплывали лишь разрозненные детали: волны локонов на плечах, тонкие белые пальцы и – глаза... Да, глаза, глаза – светлые, искрящиеся чистой небесной голубизной, неизмеримо глубокие, словно озёрная вода, таящие в себе весь огромный мир до последнего его уголка и всю вечность до самого кратчайшего мгновения! До этого часа истинная красота представлялась Маслову в каком-то призрачном, неопределённом виде: её легчайшие оттенки он изредка замечал вокруг себя, на холстах и в природе, в изящных линиях и мягких пастельных тонах. Но сегодня непостижимое совершенство промелькнуло перед ним живое, близкое и осязаемое – во взгляде незнакомки...

Сбежал... Сбежал?

Идиот!

Он вскочил и лихорадочно заметался по комнате в поисках клочка бумаги и карандаша, боясь упустить затуманившийся образ. Лёгкие, летящие штрихи – линии волос, скул, полуопущенных век...

Рука дрогнула. Он замер, не дыша.

Это лицо значило слишком много, чтобы стать очередной зарисовкой из «коллекции» – небрежной, непроработанной, достоверно передавшей лишь пару запомнившихся особенностей модели. И оно ей не стало.

Ни высоты лба, ни формы носа, ни контуров губ – ничего этого не отпечталось в памяти. С листа на художника глядели одни только слепые, пустые, равнодушные очертания глаз, словно сотканые мрачной фантазией символиста. Взгляд, полный невыразимой, всеобъемлющей красоты, растаял на кончике грифеля. Он больше не мог его вспомнить.

Совершенство, идеал, шедевр. К этому он так давно и отчаянно тянулся сквозь зыбкий флёр иллюзий и сумрак разочарований – к умению увидеть невероятное в обыденном и изобразить это со всей достоверностью чувства. К способности передать бесстрастному холсту всё то, что плескалось в его душе, что цвело и погибало в бескрайнем туманном мире, и не исказить реальность абстрактной выразительностью искусства. К возможности с одним простым и безупречным движением кисти ощутить себя истинным художником, творцом, гением...

Сидя на кровати среди смятых листов бумаги и невымытых кистей, Маслов тонул в зыбкой горечи отчаяния. Образ девушки с неповторимо глубоким взглядом, мелькнувший на границе сна и яви мимолётным ясным видением, был потерян навсегда.

* * *

«Вы меня помните?» – выплывало прошлое из сумрачного марева.

За ночь прохладный западный ветер освободил город от душных объятий пепла. Комната стояла чистая, светлая, полная неподвижного хрустального воздуха; казалось, стоит вздохнуть, шевельнуться – и прозрачное пространство ответит чуть слышным нежным звоном. Этот звон, с рассвета бродивший в голове смутными отголосками, в полдень вдруг прозвучал резко и ясно. Он стал тонкой трелью дверного звонка.

– Здравствуйте! Вы меня помните?

Маслов застыл у порога. Весь этот день был похож на мимолётный, тихий сон – и она тоже. Ускользящий облик прекрасного, который безрезультатно пытался уловить художник, теперь появился перед ним в самом простом и непревзойдённом воплощении – так близко, как это только возможно. Разве может быть такое наяву? Разве может быть такое, что глаза, о которых он грезил едва ли не полжизни, вновь смотрят на него?

Девушка из антикварного стояла среди ажурных переплетений лестничной клетки. Бледный солнечный луч очерчивал сзади сияющие контуры кудрей.

– Вы меня помните? Я видела вас вчера. И вы меня видели.

Маслов кивнул и неловко отступил назад, пропуская её внутрь. Она прошла по комнате, спрятав руки за спиной, с непринуждённым любо-

пытством разглядывая холсты и россыпи зарисовок, и тишина зазвенела под её шагами.

– Значит, это правда, что вы художник, – говорила она, касаясь взглядом разбросанных кистей и разводов краски на столе. – Мне это сказал тот старенький продавец со строгим лицом, а я сначала не поверила. Каждый второй называет себя художником. Но вы на них не похожи.

Он не слушал. Только сейчас он смог действительно разглядеть её – и с замиранием сердца удостовериться, что образ, мелькнувший перед ним вчера среди нагромождений старых книг, не был плодом затуманенного бессонницей воображения. Белокурая девушка, рассматривавшая один из его ужаснейших натюрмортов, была совершенно материальна, но казалась Маслову живым воплощением фантазий тающих предрассветных сумерек. Одета в белое, лёгкое, летящее, она говорила и улыбалась, и само её присутствие будто бы озаряло комнату тем светом, что тепло и ласково пробуждает по утрам...

А глаза? Под пологом густых светлых ресниц сияла та же, что и вчера, удивительная голубизна. Маслову казалось, что он смог бы узнать этот взгляд среди спешащей людской толпы даже через много лет, когда воспоминания поблекнут в тумане времени. Он был точно таким же, как и тогда, в антикварном магазине, – пронзительным, словно бы таящим в себе разгадку всех тайн мира, но наполненным внутренним свечением первозданной чистоты. В нём блистало во всей своей природной простоте подлинное совершенство.

– Почему вы так смотрите?..

Её голос разорвал тонкое кружево его запутанных, разрозненных мыслей. Маслов вздрогнул.

– А вы?.. – он кивнул в сторону своих работ, что она разглядывала.

Девушка чуть заметно улыбнулась – словно сверкнул солнечный блик на тихой озёрной глади:

– У вас очень красивые картины.

Тяжёлые, неповоротливые вопросы застревают в горле обрывками невысказанного. «Как? Откуда? Почему? Зачем?»

– Вы нашли меня... – медленно проговорил он.

– Потому что вы вчера убежали.

– Убежал? – слово резануло неожиданно больно, заставляя захлебнуться новой волной стыда.

– Да, посмотрели так необычно – да, вот как сейчас! – и убежали. Я сначала удивилась, а потом мне стало жутко интересно. А тот продавец

рассмеялся... хрипло так и страшно, – так только вороны смеются, точно говорю! Но оказался добрый. Перерыл кучу бумаг – нашёл этот адрес. Сказал, знает вас. И что вы – художник, поэтому – такой...

Она отмеряла фразы лёгкими шагами вдоль увешанной этюдами стены, но на последних словах замерла, столкнувшись взглядом с оконным стеклом. Комната кончилась.

– Такой... странный? – закончил Маслов.

– Это не я сказала.

Она в задумчивости сплела тонкие пальцы – и в этом жесте ему почудилось нечто неосвязаемо и бесконечно милое. Девушка обернулась:

– Вы рисуете портреты? Акварелью, например?

– Акварелью не рисуют, а пишут, – машинально поправил он.

– Значит, вы *пи-ше-те* портреты?

Каждый отчеканенный слог – звон первых дождевых капель после душного дня. Маслов замер, задохнувшись на миг от неожиданного предвкушения...

– Меня, кстати, Надя зовут. Сможете меня написать?

Шаг навстречу.

Всё вновь: падение, полёт, небо, взгляд...

Написать её портрет – разве не это желание всякого, кто хоть на мгновение встретил эти глаза, даже если никогда в жизни не держал в руках кисти?

Девушка сидела на стуле напротив его мольберта, а в голове художника восторженно и ясно стучала тёплая капель. В эту минуту он понял, как глупы и бездарны были все предыдущие идеи, увлекавшие за собой к холсту и палитре, и как наивен был он сам, находя гениальность в плодах своего воображения. Разве могла одна лишь фантазия сотворить шедевр, способный превзойти нечто, созданное самой жизнью?

«Надя»... Как странно было осознавать, что у мечты, недостижимого идеала может быть простое человеческое имя!

Дрожащими от волнения штрихами он намечал контуры будущего портрета, веря и не веря своему счастью. Молчание, прежде привычное и безмятежное, теперь смущало. Перед ним был не чистый лист и равнодушный университетский натурщик – а она, она...

– Вам сказали неправду, – произнёс Маслов, дробя тишину трещинами. – Я не художник. Пока ещё – нет.

– Вы только студент? Я знаю.

– Дело не в этом. Нельзя научиться быть художником. Точнее... этому не учат в Академиях или на курсах.

– Как же быть?

Карандаш остановился в его руках. С профессиональным вниманием наблюдая за движением её губ, за изменчивостью выражений лица, Маслов с удивлением отмечал те черты и крошечные изъяны, которые прежде оставлял без внимания, поражённый глубиной необыкновенных глаз.

Нос с горбинкой. Неровности кожи. Ямочка на подбородке. Трещинки на неярких губах. Белое пятнышко шрама над тонкой светлой бровью...

Перед глазами промчалась вереница холодно-идеальных искусственных лиц, что столько раз даже против воли выходили из-под его и чужой кисти, подчиняясь вызубренной науке стандартов и пропорций. Все представления о совершенной красоте вдребезги разбились от столкновения с реальностью.

«Как же быть?»

Разочарование коснулось его ледяным дыханием лишь на миг. Маслов с новым энтузиазмом прильнул к бумаге, запрещая непослушной руке вычерчивать привычные, стандартные контуры. Удалось не сразу, но он не оставил упорной борьбы с самим собой. Как он мог раньше даже думать о том, чтобы изобразить её идеальной, но пустой, бездушной, точно гипсовый слепок?..

– Да, нельзя научиться быть художником, – вновь заговорил он, с трепетом обозначая на бесцветном рисунке контуры глаз. – То есть, конечно, можно узнать, как правильно писать маслом и строить многофигурную композицию, но настоящий художник... Его гениальность – в умении увидеть будущий шедевр в самом простом и непримечательном, в способности найти красоту даже там, где для других её нет. Он может одним штрихом передать любые оттенки чувств, ошеломить, заставить задуматься над всеми существующими в мире вопросами, даже если зритель увидит картину через сотни лет после его смерти. Художник – это творец, это вечность, это мечта...

Тысячеголосые мысли лились в сознании звонкими, спешащими весенними дождями. Маслов не слышал, что говорил он сам и что отвечала Надя, – работа поглотила его без остатка, не позволяя ни на минуту отстраниться от листа. Мягкие акварельные заливки, летящие линии теней, шёлковые переливы локонов и прозрачность кожи... Он помедлил лишь раз, когда, завершив весь остальной образ, приступил к последней и самой значимой детали, которую прежде боялся тронуть кистью, – к глазам. Ему отчаянно хотелось достичь той пронзительной чистоты цвета и завоора-

живающей глубины, что он видел во взгляде натурщицы, когда отрывался от портрета. Словно капля прозрачно-голубой озёрной воды упала бы со звоном на бумагу и осталась там, в непознанной душе картины, – в его душе...

Тысячи полутонов синевы. Плавное движение кисти.

Полёт...

Падение.

Тени укрывались за книжными полками, чтобы с приходом сумерек выбраться на волю, бродить по стенам и полу, ломаясь на сгибах и навевая молчаливую тоску. Маслов сидел перед мольбертом, не шелохнувшись, не вслушиваясь в давящую холодную тишину.

Портрет был окончен.

Художник едва ли заметил, как Надя поднялась и остановилась за его плечом. Тихий звук её голоса заставил вздрогнуть:

– Это...

– Это не вы.

С портрета на них глядела совершенно незнакомая девушка. У неё были те же, что и у Нади, тонкие черты лица, плечи, губы, брови... но глаза, глаза! Пустые, равнодушные, они не блестели красочными переливами жизни, не сияли яркими полуночными звёздами совершенства, которое так жаждал увидеть в них художник.

– Мне нравится, – донеслись приглушённые слова Нади. – Честное слово.

– Но ведь она непохожа, – Маслов опустил глаза в попытке спрятаться от слепого, бессмысленного взгляда портрета. – А я был так уверен, что...

Отчаяние нахлынуло тяжёлой удушающей волной, затягивая навстречу ледяному дну. Издалека, словно сквозь толщу воды, долетели осторожные шаги – девушка сняла картину с мольберта и отошла с ней к окну, разглядывая сырую акварель.

– А мне кажется, вы правда будете художником, – наконец произнесла она. – Таким, как сказали. Настоящим. А то, что непохожа, ещё ничего и не значит.

Маслов сидел будто в ожидании чего-то ещё – помощи, спасения, последней искры надежды – и не произносил ни слова. Страшные чёрные воды смыкались над его головой. Он боялся обернуться к Наде и встретить в её глазах какое-нибудь горькое, отзывающееся болью выражение: сожаление, презрение, равнодушие, жалость...

Но он увидел свет. Тонкий прозрачный лучик рассёк водянистое пространство комнаты, полившись звенящими словами:

– А хотите, я ещё приду? Вы бы опять портрет нарисовали. Мне нравится, как вы рисуете, очень. И ещё – как говорите про это всё: про картины, про художника, про красоту... Ну, хотите?

Он словно вынырнул на поверхность, впервые жадно вдохнул чистый воздух. В тяжёлой затуманенной голове отчаянно билась только одна мысль: «Нельзя, нельзя, нельзя вот так, после первого же поражения, навсегда потерять эти глаза!»

И Маслов кивнул.

Ещё долго он вслушивался в затихающие шаги на лестнице, сминая в пальцах неудавшийся портрет. Скорые, летящие, они звучали удивительно редко, будто Надя парила над ступеньками, лишь изредка касаясь их, как во сне. «До завтра! До завтра!» – чудился в этом звуке отголосок последних мимолётных слов.

Так началась другая, невыносимая и потрясающая жизнь.

* * *

Дни того августа слились в воспоминаниях в одну бесконечную разноцветную карусель чувств и безотчётных впечатлений – сверкание тысячи тёплых огней, пронёсшееся мимо. Казалось, раньше мир ограничивался листом бумаги, на котором с лёгкостью можно было изобразить сотни светлых, ярких, непохожих друг на друга жизней, оставляя за его пределами свою собственную. Но теперь Маслов впервые за долгое время ощутил себя по-настоящему живым.

Он писал портреты. Почти каждый день в его квартире распахивалась входная дверь, звучали шаги и шорох плаща – и плыли по коридорам звонкие переливы голоса Нади. Вновь и вновь рука повторяла её образ на бумаге и холсте, акварелью и маслом, карандашом и сангиной, в профиль и анфас...

С каждым вдохновенным движением кисти душа взмывала вверх – в бескрайние голубые выси.

С каждой неудачей Маслов падал вниз – в ледяную синюю бездну.

С картин смотрели на него чужие глаза. То в бесстрастных, то в насмешливых, то в печальных взглядах внезапно оживали выражения литературных героев или персонажей музейных полотен, выхваченные из толпы незнакомцы или лица из запылившегося прошлого. Но ни разу, ни разу, ни разу не смог он уловить и передать эту мягкое свечение Надиных глаз.

– Это всё глупости, бред! – в попытке скрыть разочарование говорил он после очередного провала, с горечью срывая лист с мольберта. – Выбросить в окно – и с концами...

– Конечно, это всё глупости, бред! – повторяла девушка и забирала из его рук портрет. – А завтра обязательно получится похоже...

Дверь закрывалась за ней – и тесная комната застывала, пустая и сумрачная, за пределами беспрерывного хода жизни, и только движущиеся по стенам тени указывали на течение минут и часов. Отступали и досада, и отчаяние, и надежда, затихало эхо прежней упоённо-восторженной работы. В такие минуты Маслов задумывался, что болен – томительным, тягостным ожиданием.

Рядом недоставало чего-то невероятно важного. Эта смутная мысль нависала над головой, но стоило лишь на мгновение прислушаться к ней, как понимание ускользало прочь синей дымкой тумана.

– Здравствуй! – прозвучало в прозрачном затихшем воздухе.

И Маслов, будто очнувшись от гнетущего сна, понял: не хватало лишь этого краткого, тёплого слова.

Над городом стоял белый, белый день. Необычайно тихие, побледневшие улицы казались незнакомыми видениями из чужих полузабытых воспоминаний и рассказов. Вереницы окон и крыш утопали в прохладном молочном свете, словно снятые на старую нечёткую плёнку. Тусклая белизна солнца уже не опаляла кожи – лишь касалась робкой остывающей улыбкой. Август медленно уплывал сквозь пальцы.

Они шли рядом вдоль белой, белой набережной, и по воде бежала безмятежная рябь – неслышное дыхание грядущей осени. Надя говорила и говорила: о пыльных вихрях сентябрьских вечеров, о библиотечных книгах, о чьей-то неслучившейся и оттого печальной истории, что она перечитывала много раз, но так и не смогла понять до конца... Маслов не мог и не пытался поймать нить рассуждений. Он лишь слушал сам её голос – тихий, ясный, необъяснимо близкий, будто звучащий в его голове ещё давно, в чистых детских снах...

Да, всё в тот день было светлым, расплывчатым сном. И ему мучительно не хотелось пробуждаться.

Надя легко взлетела на широкий, истресканный временем парапет. Взмахнув руками, как хрупкими серебристыми крыльями, она пошла, покачиваясь, над низкой кромкой воды. Маслов хотел было протянуть к ней руку, но не решился: мягкое пространство воздуха между их фигурами гасило движения, заглушало несказанное...

– Скоро осень, – донеслись сквозь молочную пелену её слова, – а я уезжаю.

Он вздрогнул. Девушка пошатнулась в полёте шагов – и коснулась тонкими, тонкими белыми пальцами опоры его плеча.

– Ты чего?

А мир перед ним перевернулся.

Он не мог ни пошевелиться, ни вдохнуть, ни произнести слова – всё было бы чуждым, слишком ничтожным для того непостижимого и всеобъемлющего, что охватило его теперь.

Это чувство было тёплой предрассветной дрёмой.

Дыханием утреннего ветра, ласкающим занавески распахнутого окна.

Шёпотом юной весенней листвы.

Розовым майским солнцем.

Это чувство было прикосновением мягкой и нежной ладони к его руке.

Ему казалось, что он лежит на дне глубокого спокойного озера и затуманенным взором глядит вверх. Там, в этой недостижимой прозрачной вышине мелькали и гасли призрачные видения, и в их беззвучном движении будто бы слышалась старая позабытая песня – о бесконечной надежде, о счастье тихом и вечном, вечном...

И яснее всего сквозь круговорот смутных теней он видел замершие, невысказанные совершенные глаза, сияющие крохотными голубыми звёздами из-под полуопущенных ресниц, – глаза Нади. В её лице ему в один миг грезились тающие облики всех мадонн, написанных художниками от начала веков, и все, все чудесные женские образы, когда-либо выхваченные творцами из хаоса жизни или рождённые их воображением. Но она, не тронутая в своём истинном виде ничьей кистью, незапечатлённая, живая, была прекраснее их всех, если только в безумном мятущемся мире было место красоте.

Тихие воды. Полёт...

Растворённая настезь высота разливалась над их головами расплескавшейся голубой акварелью – как в тот едва ли не пригрезившийся весенний вечер, когда он пятнадцатилетним мальчиком бежал куда-то с неистово и восторженно бьющимся сердцем. Бесконечно, бесконечно вверх...

– Я уезжаю. Слышишь?

Падение.

Наставала осень – тонким усталым силуэтом она ступала в комнату в лиловых сумерках, садилась на стул в углу и долго вздыхала о чём-то призрачном и ушедшем. Комната, искажённая тенями, то неожиданно вытягивалась, то летела в бесконечность, то падала и раскалывалась на части. Маслов бродил по ней с пульсирующей от задыхающихся чувств головой, и силуэты недодуманных, смятых мыслей ходили за ним следом, и плыло над ним, как божество в струящихся одеждах, одно непостижимое чувство, которому он никак не мог подобрать имени.

Сотню раз он опускался перед мольбертом в попытке выплеснуть его на бумагу через художественный образ. Конечно, должна была получиться абстракция: чёткие формы, плавные прерывистые линии, тысячегранные оттенки всех существующих цветов... Но, как ни старался, он не мог подобрать нужных красок.

Что за цвет был у этого неповторимого, замирающего, каждый миг гибнущего и воскресающего чувства?

Цвет юного смеха. Цвет тёплых улыбок. Цвет шума осыпающихся лепестков сирени. Цвет разговоров полушёпотом. Цвет истлевших закатов. Цвет отчаянных слёз расставаний и обид.

Это чувство было цвета всей его жизни, всего необъятного мира, всего непередаваемо прекрасного и разрушающего, что было и будет в судьбах людей от начала времён и до дня гибели солнца.

Рука замирала над работой. Страшные сомнения ударяли в голове оглушительным тревожным звоном: что, если ни картина, ни слово, ни звучание музыки не могли выразить то, что горело в его душе?

В памяти вставали тысячи известных, глубоких, истёртых восхищёнными взглядами полотен – и он видел в них лишь слабый отголосок собственных эмоций. Он листал мысленно пожелтевшие страницы книг – и не находил искренности в витиеватых фразах.

Искусство – великое, вечное, заменявшее прежде весь реальный мир, – теперь вдруг оказалось несовершенным, смертным...

Где была правда? Каким кратким, звенящим словом называлось это чувство? Почему теперь весь безграничный мир мчался вместе с ним вперёд и ввысь в едином задыхающемся порыве?

Маслов не знал ответов. Отбросив эскизы, он кружил между четырёх стен и вновь и вновь возвращался взглядом к одной фразе будто из начала длинного романа, неизвестно зачем оставленной в углу листа: «Это было так, как никогда раньше не было».

Ночь лилась меж створками окна. Веки смыкала тихая полудрёма – и виделись странные, нездешние сны. Как будто приоткрывалась беззвучно дверь, летящей поступью входила тонкая фигура в чём-то сияюще-белом и воздушном и зачарованно разглядывала этюды на стенах. Она шептала до дрожи знакомым голосом, но художник не слышал затухающих фраз – лишь глядел, отчаянно пытаюсь уловить в её лице желанные черты...

– Это ты? – повторял он, боясь шевельнуться или вдохнуть. – Это – ты?

Она скользнула по полу неслышными шагами и опустилась рядом, отчего он ощутил кожей прохладное дыхание последней, отцветающей летней ночи. И впервые увидел её лицо.

Чуть дрогнувшие в улыбке губы.

Распахнутые навстречу лунному свету ресницы.

И – ясные, не гаснущие во мраке, сияющие – глаза, глаза, глаза...

В следующий миг он проснулся в пустой комнате, налитой до потолка сверкающей звёздной темнотой, лишь с одной простой, как жизнь и как сон, мыслью: «Я люблю её».

Так звалось это чувство. Так звучал этот цвет.

Маслов зажёл дрожащий свет лампы, взял чистую бумагу и карандаш. Только этим искажённым способом он умел искренней всего чувствовать, думать и жить.

И до самого рассвета он рисовал, испещряя тонкими штрихами один лист за другим, великое и бессмертное чувство любви – в извечном портрете Нади.

* * *

Она уехала. Маслов понял это запоздало – лишь через несколько дней непривычно саднящего одиночества осознание опрокинуло его с ног. Ещё позже он вспомнил, что даже не подумал спросить, куда она едет и когда вернётся.

Он вновь потерял её – как тогда, сбжав из антикварного. Надя осталась где-то в августе, в последних днях угасающего солнца, из которых она пришла, а он по нелепой случайности отправился дальше вместе с неостановимым течением времени.

Сентябрь обнял город дождями. Невольно поддаваясь непрерывному пульсу жизни, Маслов двигался вперёд со всеми и всем: снова ходил под свинцовым пасмурным небом, снова слушал монотонно гулкие голоса на лекциях, снова писал акварелью в тесных мастерских. Но теперь нечто в нём переменялось. Он больше не плыл в медленной мутной воде однообразных дней – мимо блёклых и величественных стен, мимо гомона сту-

денческой толпы, мимо натурщиков с лицами, исписанными историями их жизнью. Он научился оживать.

Это случалось в те минуты, которые он выхватывал у безжалостного времени по несколько раз на дню: в перерыве между занятиями, на облитых мёртвым светом сидениях метро. Безоглядно уносясь от сегодняшнего дня в другой мир, протянувшийся узкой отмелью между воспоминанием и фантазией, между дремой и бессонной явью, он вновь и вновь набрасывал по памяти зарисовки Надиного лица. Маслов уже не пытался передать глубину невыразимого взгляда, всё чаще изображая контуры ресниц полуопущенными, роняющими голубую тень на её мягкие, летящие, как белый летний день, черты. В суете и спешке он не заканчивал портреты, прятал их от чужих глаз в карманах и папках, и вечером они рассыпались по комнате белыми снегами грядущих холодов. Художник не гнался за простым и ясным идеалом, что мерещился ему в августе, а думал лишь об одном: только бы не забыть её, только бы не забыть!..

Маслов мучился, метался и – горячо, с упоением – страдал. Безмолвными вечерами десятки девичьих лиц глядели на него с зарисовок из каждого угла комнаты, со страниц альбомов и неисписанных краешков конспектов. К этим портретам, к закупоренным памятью мгновениям, он вновь и вновь, беря чистый лист, убежал от смутной и гнетущей тревоги.

Беспорядочно мельтешащие мысли бились изнутри о стенки черепа – словно колотились в стекло мохнатые ночные мотыльки, летящие на далёкий полупризрачный свет. Его терзали вопросы.

Почему не проваливается он, как раньше, в занятия?

Почему утратили яркость и объём академические постановки, вскользь услышанные разговоры и окружающие лица?

Почему теперь в каждом оброненном слове, в каждом движении чьих-то рук, в каждом разливе чужого смеха, в каждой улыбке, отражении, аромате, шорохе, молчании – она, бесконечно и бессмысленно она, она, она?..

Маслов не знал, у кого спрашивать. И никто не отвечал.

Конечно, он мог бы с лёгкостью вырваться из вязкого водоворота переживаний: просто набрать телефонный номер, просто позвонить, просто услышать её голос. Он невзначай наизусть выучил цифры, которые Надя продиктовала тем августом, заново прожитым уже тысячи раз. Номер легко и незаметно сплёлся с невыцветшими воспоминаниями, окрасившими каждую цифру, и художник всюду мысленно носил его с собой – светлый и укориженно-нетерпеливый.

Да, да, да, он уже сотню раз мог позвонить ей, – она наверняка давно вернулась! – но от одной мысли горло сжимал цепкий удушливый страх.

Вдруг он не узнает её голоса?

Вдруг забудет, о чём говорить?

Вдруг она ответит не теми фразами, что он представил заранее?

Вдруг окажется не той девушкой из августа, чей образ он дописывал в воображении по эскизам всего нескольких встреч?

Не отдавая себе в том отчёта, он наслаждался этой тягостной, сладко-болезненной неопределённостью. Это – словно медленно и глубоко задержать дыхание перед головокружительным прыжком.

Вдох...

Он скучал по Наде. Отчаянно, безнадёжно, болезненно, всем своим существом ощущая разделяющее расстояние.

Маслов осознал это внезапно, резким острым толчком. Он давно отвык привязываться и тосковать о ком-то – или гасил эти чувства внутри, стыдясь эмоций, скрывая их от мира, где, был уверен, никто никому не нужен. Но сейчас, невзирая на все принципы и предрассудки, на призрачные идеалы, которые он так старательно строил и которым никогда не следовал...

Сейчас он по ней скучал.

День, дышавший сырой свежестью, раскинул тонкие руки-улицы и будто рвался взмыть навстречу чуть просветлевшему небу, точно ему было тесно здесь, в мимолётном «сегодня». Маслов сорвался с места, протиснулся сквозь душную толпу в университетских дверях и помчался, судорожно вдыхая холодеющий воздух так, как если бы эта минута была последней перед падением в бесконечно глубокую пропасть.

Теперь, когда он словно взлетал с каждым шагом всё выше, ему казалось, что главное – не обернуться, не замедлить бег, не успеть опомниться, испугаться, передумать. От этого часа веяло чем-то из детства: наверное, тем летним днём, когда он бежал по усыпанному бликами спуску к озеру, куда не решался нырять с обрыва вслед за другими детьми. Всё было так же: оглушительные удары сердца, бешено проносящийся мимо пейзаж, обрывающийся вдох и – леденящий страхом и восторгом прыжок в пронзительно-синие, горячие солнцем воды. Чтобы теперь, когда никто не смотрит, не смеётся и не называет с жестокой беспечностью трусом, доказать не всем им, забывшим о нём уже через минуту, а самому себе, на что он способен и каким может быть на самом деле.

Квартира стояла тихая, полная воздуха, будто вокруг раскинулся чистый, свободный простор нового холста. Маслов остановился у моль-

берта. Порывистое биение сердца выстукивало ритм цифрами телефонного номера, набираемого по памяти дрожащими пальцами. Всё оказалось просто и предельно ясно: без неё, без этих бездонно-прозрачных, словно озеро из детства, глаз больше нельзя.

Вдох. Прыжок. Полёт. Падение.

А затем – медленное, ласковое, как объятия тонких рук, бесконечное погружение в мягкие сумрачные глубины, где нет места сегодняшним разочарованиям и страхам, печалям и сомнениям...

Надя ответила – и он не слышал и не помнил, узнала ли она его в первую же секунду, о чём спрашивала и что он сам говорил. В один миг он безвозвратно растворился в её голосе, полном, как и в последний день их встреч, светлой и ясной улыбки.

* * *

Следующий день – сырой, овеванный зыбким дыханием близящихся холодов, – весь, до окон последних этажей и заржавленных крыш, тонул в густом тумане. Бледно-белая дымка окутывала фигуры редких прохожих, глушила, обволакивая, звуки и мысли. Привычно поднимая повыше воротник пальто, Маслов думал о том, насколько чужие все друг для друга в разноликом, вечно спешащем, а теперь вдруг затихшем городе. Ему нравилось идти так, легко и спокойно, скрываясь от чужих взглядов за пеленой тумана, словно его и вовсе здесь не было. Всегда растворяясь незаметным силуэтом среди шумных людских потоков и непрерывного хода жизни, теперь он растворялся среди мягкой белой пустоты.

Вчера всё случилось слишком просто, будто невзначай:

– Так, значит, завтра? – кажется, спросил он, затаив дыхание.

– Завтра, – должно быть, ответила Надя.

Маслов было ускорил сбивающийся шаг – и замер, тревожно вглядываясь в полустёртую линию улицы. Забывшись, он давно прошёл мимо того приметного, изъеденного ветрами здания, возле которого они договорились встретиться. Но Нади он там не увидел.

Художник вцепился в ворот пальто. Сомнения заскреблись в душе острыми кривыми когтями.

Может быть, он перепутал день и время?

Может быть, они разминулись?

Может быть, стоит вернуться?

Может быть, она стоит там и ждёт его со скучающим терпением или идёт навстречу, теряясь в тумане?

«Может быть...» – от ледяного дыхания этой мысли что-то внутри рвалось и падало вниз.

Может быть, она не пришла?..

Торопливые, срывающиеся шаги гулом долетели сквозь белую мглу – и далёкий прерывистый звук показался трепетно знакомым. Но звенело в нём нечто настолько беспокойно-спешащее, почти отчаянное, что Маслова охватил неясный душащий страх. Он не мог понять, откуда доносятся шаги, не мог издать ни единого сдавленного звука – лишь слепо протянул вперёд руки, тающие в мутном пространстве...

Полёт. Падение...

Птица.

Фигура, вынырнувшая из плотной пелены, с разбега рухнула в его распахнутые объятия. В этом стремительном мгновении ему почудился взмах испуганно раскинутых крыльев.

Чайка. Упавшая чайка.

Надя замерла, уткнувшись носом в его плечо. Дыхание остановилось. Он не шевелился, неловко, с замершим сердцем обнимая большую мягкую куртку, чувствуя щекой колючесть вязаного полосатого шарфа, вдыхая запах волос – запах сырого молочного тумана...

Белая дымка клубилась вокруг и текла мимо. Города за ней не было. Прохожих не было. Времени не было. Ничего вокруг больше не было.

– Напугалась немножко, – с доверительной улыбкой шепнула девушка, легко и плавно отстраняясь, – заблудилась. Плутала по этим улицам не пойми сколько – в тумане всё одинаковое. Сначала, как только выйдешь, – страшно, потом интересно и красиво, потом – снова страшно...

Они шли и шли по накрытым белым ватным одеялом тротуарам, а стены, фонари, люди тихо исчезали впереди и позади. Теперь Маслов блуждал не один: это крошечное пространство видимости, ясной и дышащей реальности среди смутной мглы сна он разделял с Надей. Кирпичные кладки и оконные рамы, растрескавшаяся брусчатка и кованые ограды, встававшие из тумана, – всё на обозримом взглядом клочке земли было для них общим. От этого чувства у Маслова тревожно и сладко теплело на сердце.

Надя непрерывным увлечённым щебетом рассказывала ему что-то о своей поездке (куда? зачем? с кем? Он не запомнил). Говорила о местах, где бывала, о людях, которых повстречала впервые или вновь, о событиях, что успела ухватить и что упустила, – но он не слушал. Художник только смотрел на её живое, подвижное, изменчивое лицо, не застывшее гипсовой маской, как на его зарисовках. Лицо, которое он видел в каждом отра-

жении, в каждой отстранённой мысли и в каждой мимолётной дрёме. Лицо, по которому он отважился скучать.

Руки всё ещё помнили случайные робкие объятия, касания пушистых кудрей – и он грел их в протёртых карманах, пытаясь дольше сохранить это ощущение, дрожавшее на кончиках пальцев. Шёл. Молчал. Глядел, глядел, глядел...

– Посмотри!

Маслов вскинул голову к блёклому, устремлённому ввысь небу. Стайка птиц трепещущими росчерками неслышно взвилась с карниза и полетела – ни взмаха, ни шороха. Звуки поглотил туман. Серые контуры крыльев таяли в молочной мгле – медленно, медленно, тихо, навечно...

Отчего-то на миг захватило дыхание. Силуэты затерялись вдалеке, и никто не заметил. Словно не было их никогда.

– Что это значит – птицы в тумане? – голос девушки соткался из морозного вздоха осени.

Он подумал – это будущее, чей неясный образ растворяется впереди над головой. Подумал – это прошлое, безвозвратно канувшее в пепельной дымке времени.

Подумал – и не ответил.

– Мне кажется, это упущенные возможности, – сказала Надя. – Улетают, и их никогда не догнать.

Много позже этот разговор вновь и вновь вставал перед ним в смутных снах, преследовал отголосками обронённых и непрозвучавших слов. Маслов понимал: нечто утекло тогда сквозь пальцы, нечто не уловил он среди обрывающихся слов – нечто простое, звенящее, важное...

Но наступало утро, кралась в комнату заря, сны рассеивались на ресницах. И всё забывалось.

* * *

Дни той осени тонули в тумане забытья неясными отзвуками былых чувств. Маслов помнил: опустошало и одновременно наполняло до краёв чем-то сладковато-горьким полузабытое ощущение действительности не сквозь призму красочных художественных образов своих и чужих творений, а через самого себя – живого и настоящего.

Ему было странно осознавать, что именно с ним, а не с неким лирическим героем случилась та встреча в антикварном.

Что обрывки Надиных фраз и минуты, когда она сидела рядом с ним у мольберта, не кажутся кадрами из фильмов с незапоминающимися названиями.

Что теперь в языке почему-то стало необъяснимо мало слов, какими можно было бы описать его дни и мысли в неизданном романе.

И что именно он и никто иной тонет теперь в бездонном синем озере собственных задыхающихся чувств, куда бросился, как в детстве, с упоением и отчаянным страхом.

За годы погружения в сотни выдуманных реальностей он незаметно для себя почти забыл, каково это – думать и существовать словно бы от первого лица. Не примерять маски вымышленных персонажей, не видеть интерьерную зарисовку в каждом углу комнаты и портрет маслом – в каждой проносимой мимо фигуре, раз за разом подменяя действительность прекрасным и болезненно-фальшивым вымыслом. Наедине с человеком с автопортрета Маслов просто отвык быть самим собой, а не безликим источником идей, заменившим звучание своего голоса линией и цветом.

Теперь он, казалось, впервые ясно узнавал в отражениях тёмных окон себя, а не расколотый собирательный образ давно исчезнувших и никогда не существовавших людей. Теперь он впервые был по-настоящему жив.

Портреты не удавались. Надя снова приходила, принося на шерстяных кисточках шарфа уже не знойную августовскую пыль, а сырое дыхание осени, – но приходила редко, мучительно редко, с трудом выкраивая свободные часы в расписаниях своих и его занятий. Она снова позировала – то спокойно и терпеливо, то небрежно, разбавляя сосредоточенное напряжение работы переливчатым звучанием рассказов обо всём и ни о чём. Он снова писал акварелью и маслом, карандашом и тушью, сангиной и углём её глаза – упорно, самозабвенно, отчаянно. И снова, снова, снова после завершающего штриха художника болезненно и рвано насквозь пронзал взгляд портрета. Чужой, незнакомый, *не её* взгляд.

Но приходил крадучись день новой встречи. Маслов забывал о вчерашних ранах очередной, десятой, стотысячной неудачи, теперь рождавшей лишь горькую полуравнодушную усмешку, и снова тонул – в безмолвном и необъятном чувстве любви.

Новое ощущение, теперь всюду следующее за ним, впитавшееся в оболочку глаза, раскрашивая всё вокруг яркой цветной линзой, – это ощущение ошеломляло до головокружения, как бывает, если запрокинуть лицо навстречу небу. Он глядел на Надю, как на музейный экспонат под стеклом – на нечто тонкое, драгоценное, таящее в загадочных отблесках живую и захватывающую историю, но бесконечно далёкое, почти недосягаемое за прозрачной преградой. Он писал её глаза так, словно высекал из слоновой кости холодную хрупкую статую – осторожно, бережно, всякий

раз боясь спугнуть черты сходства, брезжившие на границе сознания и кончике кисти, случайной мыслью или шёпотом дыхания. А потому едва ли вслушивался в её слова, в бесконечные увлечённо-смеющиеся рассказы, и лишь изредка заговаривал сам.

– Расскажи про себя! – говорила она. – А то всё обо мне да обо мне – скучно...

Маслов вздрагивал – в углу листа оставалось пятно краски. В памяти вставали образы блёклого провинциального города и расплывчатые людские фигуры: серые рассветы из окон выстывших классов; неровный свет фонаря над входом старенькой художественной школы; скользнувший в дверной щели силуэт отца, снова вернувшегося домой за полночь; усталая мать, надтреснутым голосом в сотый раз просящая убрать разбросанные кисти; звенящие осколками битого фарфора отзвуки ссор... И редкие яркие пятна – первые удачные работы и первые достижения, – гаснущие среди унылой бесцветности будней.

Неужели больше ничего? Неужели весь он – лишь в паре сухих фраз?..

Маслов пытался облекать воспоминания в слова, но они почему-то выходили скомканные, дрожащие, жалкие... Надя слушала внимательно, сочувственно, но от этого внутри как будто разливался противный липкий холодок. И глаза на портрете тогда появлялись знакомые. Глаза отца. Глаза матери. Его собственные глаза.

Он мог бы пересказать ей сотню сюжетов фильмов и романов, если бы она попросила. Но о себе самом он ничего не знал.

Он не любил этих разговоров и, неловко пряча взгляд за мольбертом, бежал от них – как бежал из родительской квартиры на уроки живописи, как бежал от скучного бесцеремонно-весёлого гомона школьных классов к книжным сюжетам, как бежал из однотонной реальности, где жил, в тысячецветные миры фантазий, где его не было. И теперь, одну за другой теряя в беге крошечные частицы действительности, он снова бежал – в портреты Нади. В свою любовь.

Эта любовь была подобна песчаному дну озера, где в переливчатой ряби солнечных бликов трепетала, дышала и пела неслышная сверху жизнь. Маслов ощущал, как с каждым днём, с каждым взглядом, с каждым неудавшимся портретом медленно, тихо опускается всё глубже на это дно. Он никогда не говорил о своих чувствах Наде – нет, такая мысль казалась едва ли не кощунственной. Словно то, что он испытывал, было выше любых слов. Словно, искажённое обыденным звучанием речи и его собственным голосом, чувство бы выцвело, как истресканное полотно, обмелело, как сонные воды из полупризрачных воспоминаний. Словно развеялась бы

пелена зыбких, но манящих образов: тихих голубых озёр, уютных молочных туманов, мягких взмахов птичьих крыльев – и остались бы только два человека, сидящие друг напротив друга в тесной комнате. Точно такие же, как миллионы других людей в миллионах других комнат.

Его чувство, глухо пульсирующее в висках, выливалось на бумагу, звучало в каждом вдохновенно-отчаянном движении кисти, в каждом оттенке небесной синевы. Но Маслов молчал.

* * *

– Ну, странный ты! Не сразу же в Эрмитаже выставляться, правда?

Он встrepенулcя, вскинул голову, поймал её искрящийся улыбкой взгляд – и внутри отчего-то похолодело.

День стоял хмуро-серый, но прозрачный, звенящий, как натянутая струна. Всё казалось неимоверно хрупким: и застывший морозный воздух, и ломаные линии людских фигур, проносящихся мимо, и тонкие силуэты парковых деревьев, будто вышитые стеклянными бусинами. Неловкое движение, шаг, выдох, взгляд – и действительность разобьётся на крошащиеся осколки, словно написанная по стеклу.

Маслов чувствовал себя чужим и несуразным в размеренном море людской толпы, точно заброшенный сюда случайным течением. Это Надя, упрямо отмахиваясь от всех возражений, заставила его прийти на эту выставшую, облетевшую парковую аллею: из-за неё теперь висели на шатком стенде его работы, из-за неё сидел он рядом, держа планшет с неначатым этюдом, из-за неё скользили взглядами по его лицу местные художники – летние мастера несуразных шаржей, продавцы плоских одноликих портретов и непризнанные гении с устало-стеклянными глазами в окружении своих грязных, печальных и жутких картин. «Не выставляться же сразу в Эрмитаже! Надо с чего-то начинать», – сказала она. И потому Маслов оказался здесь.

Но там, где другие штамповали десятки вариаций удачного пейзажа, уверенно называли расценки и с равнодушным терпением наблюдали за прохожими, опытным глазом примечая потенциального покупателя, ни себе, ни своим полотнам он никак не мог найти места. «Другие художники» – теперь они оказались не шумными студентами, не хмурыми преподавателями, не полумифическими мастерами прошлого, не героями выставок и журнальных статей. Одной из граней этого понятия стали люди, что воскресным днём у ограды парка недорого продавали свой взгляд на зыбкую красоту жизни. И Маслов был одним из них.

«Странный ты,» – слова Нади прозвучали звоном тонкой корочки льда, ломающейся в пальцах. Она стояла рядом, зябко переступая с ноги на ногу, и с интересом рассматривала натюрморты на соседском стенде: неживые, излишне яркие, но неизменно притягивающие праздное внимание. Маслов заглянул в её глаза, лучащиеся теплом на морозе, и новая мысль, взметнувшаяся вместе с колючим холодным вдохом, опалила ледяным пламенем головокружения.

Что видели эти глаза? Каким они видели его?

Впервые он понял, что ни разу не пытался взглянуть в неё не профессиональным глазом художника, а простым человеческим взглядом – таким, которым люди встречают друг друга при знакомстве в безотчётном желании узнать, что скрывается за бумажными масками лиц. Совсем обыденным, но глубоким, искренним, так много значащим взглядом.

Так Надя глядела на него в тот день, когда впервые вошла в его комнату, всколыхнув звоном шагов застоявшуюся тишину. Но сам он, к той минуте уже соткав мысленно её образ по ускользающему впечатлению встречи в антикварном и по тысяче обрывочных черт других женских лиц, никогда так на неё не глядел.

Что он знал о ней?

Что он хотел о ней знать?

Она была фигурой из призрачного сна. Её улыбка была улыбкой книжной героини, её жест – застывшим жестом статуи из слоновой кости. Она была полотном – пронзительный взгляд неизвестной модели, чьё имя кануло в веках.

И она оказалась девочкой, что мёрзла рядом с ним в дремлющем парке обычным октябрьским днём.

Это осознание опрокинуло его, выбивая воздух из лёгких, и потянуло – медленно, вязко, неумолимо – в какую-то бездонную чёрную пропасть. Маслов сжал коченеющими пальцами истрёпанный воротник пальто; сегодня и всегда руки сами раз за разом беспокойно возвращались к жёсткой шерстяной ткани, словно ища ответы: куда глядеть, о чём думать, что чувствовать. Он будто бы впервые обрёл слух, и все слова, сказанные Надей за дни их встреч, запоздало обрушились на него гремящей волной: мимолётные слова, незатихающие слова, пустые, глупые, раздражающие, бессмысленные слова.

– ...А я ей говорю: «Извини, конечно, но тут ты тоже неправ». Нет, ну это нормально, ты как считаешь? Я добиралась часа два, я сейчас не преувеличиваю, через весь город. Там ещё такая ситуация произошла в метро: смешно, конечно, но, если вдуматься, – просто кошмар! Короче говоря...

Только теперь он вслушался в её непринуждённую речь, что прежде только вскользь касалась его сознания, точно бегущий мимо ручей. Но это оказались вовсе не реплики со страниц романа, не звенящие острые монологи в тишине театрального зала. Теперь, слушая, как простыми, сбивчивыми, самыми обыкновенными словами она вновь рассказывает ему обо всём и ни о чём, Маслов глядел на неё и видел, как в хрупком морозном воздухе расползается трещинами и надламывается с хрустом ореолом очерченный образ. Глядел – и боялся пошевелиться, чтобы не всколыхнуть ещё больше всё это тревожное, шаткое, неотвратимое, как смятённая рябь на озёрной воде.

А она говорила и говорила: о каких-то своих знакомых, о людях, об именах, о днях и числах, о событиях, о встречах, о чьих-то поступках и брошенных фразах – обо всём том мире, что всегда глядел на художника через преграду квартирных окон с пристальным равнодушием. Никуда нельзя было сбежать от этого взгляда, нельзя было спрятаться от него в душном размеренном постоянстве стен за хрупким стеклом. И сама она, Надя, лицо с его портрета, надышавшаяся, насквозь пропитавшаяся этим городом, тоже принадлежала к другому, чужому, внешнему миру: ему принадлежали её кудри, её глупый полосатый шарф, глаза... и глаза?

«Странный»... Значит, таким эти глаза видели его, Маслова, – странным, нелепым, смешным?

И из-за неё, по её детской прихоти он сидел сейчас здесь, среди чужих спин, перед вереницей чужих ног, под промозглым, давящим присутствием чужих взглядов и слов, под слепыми бесстрастными лицами с чужих картин?..

А она всё говорила, говорила, говорила...

Не слыша ничего за бешеным гулом пульса и не желая слушать, Маслов отчаянно, рвано метнулся назад, обернулся туда, где висел на стенде её портрет – последний, неудавшийся, лучший. Попытался ухватить, как выскальзывающий из пальцев воротник, смутный, тающий на полуопущенных ресницах образ, который он так долго и тщетно старался запереть в картине...

Белые кудри, мягкие контуры – юность, мечта, идеал. Отсвет улыбки в самых краешках губ – текучий блик заката на полу в антикварном.

Август. Пьянящее головокружение. Эти глаза – бездонное озеро из детства, тихое и светлое. Глаза – манящий омут, что тянет нырнуть в свои синие воды. Глаза – самое прекрасное, что было на свете и умирало под кистью от начала и, кажется, до конца времён. От начала и, кажется, до конца одной его жизни.

Падение. Полёт. Небо.

Её взгляд...

– Непохожа.

Голос – сухой треск льда под ногами. Маслов оглянулся: перед ним стоял, отделившись от потоков толпы, прохожий – тошнотворно обычный человек, одно из тысяч незапомнившихся лиц. Но именно он зачем-то ворвался в его мир своим грубым ленивым шагом, изорвав в клочья всё то зыбкое и горящее, что переворачивалось сейчас в душе художника. Он смотрел на его картины, он поджимал губы, он качал головой.

«Непохожа»?

Он смотрел на портрет Нади.

Сегодня первые заморозки коснулись лиц и глаз, и потому взгляд у прохожего был бесстрастный, отстранённый, подёрнутый инеем. Он глядел то на портрет, то на девушку, что стояла возле Маслова. На девушку, чей образ он никогда, никогда, никогда не мог передать холсту.

– Непохожа, – повторил человек.

И Надя вдруг улыбнулась ему – кротко и как-то жалко. Будто извиняясь.

А Маслов почувствовал, как внутри у него всё обрывается и летит вниз.

Теперь он понял.

Это был всего лишь очередной литературный сюжет, зарисовка, кадр из фильма, минутная фантазия: там, в антикварном, в августе. Это всё была неправда. Это было из каких-то книжек. Это было то, чего в жизни не бывает.

Не чарующее, дыхание захватившее наваждение в золотых лучах заката. Не совершенство, не мираж, не видение. Только лишь неудавшийся портрет.

«Кто тогда она? И кто – я?» – гулко ударились в голове единственная мысль.

И тогда Маслов встал и на непослушных ногах бросился прочь, ощущая, что с каждым шагом спотыкается и падает, как с обрыва, всё глубже и глубже в немые тёмные воды, и последние отсветы неба гаснут над головой.

* * *

Он сидел в комнате, в центре хоровода четырёх шатающихся стен, и пытался собрать всё то раскалывающееся на черепки, рассыпающееся и убегающее, что было у него внутри. Мысли ускользали, утекая сквозь

пальцы. Чувства распались на увядающие лепестки и крошились в пыль. Сквозь закрытые веки, сквозь невыговоренные слова Маслов видел, что коснулся дна – того тихого-тихого песчаного дна, что так манило сверху в мерцающих солнечных бликах, что так нежно тянуло к себе, в глубины озёрных вод.

Но здесь, на дне, оказалось темно и глухо. Не было слышно шёпота ветра, не было видно игры света на волнах.

Здесь, на дне, некуда было бежать, лететь и падать. Только воздух мучительно больно обжигал и распирал лёгкие изнутри сдавленным, задушенным криком.

Здесь, на дне, не было никого, кроме него. И впервые от этого стало жутко.

Тишину разрезал острой кривой трещиной дребезг дверного звонка. Маслов вскочил, почти не теряясь в плывущей и кружащейся комнате, почти не боясь опрокинуться навстречу стенам и мебели, и метнулся к выходу. Он не знал, чего ждал, чего хотел, о чём думал. Просто нашёл рукой устойчивую, жёсткую, не загибающуюся вниз опору косяка и просто открыл дверь.

Надя стояла на пороге. Полосы на шарфе, обнимавшем её шею,плыли рябью в глазах. Она протянула стопку тронутых холодом листов – его снятые со стенда работы – молча, беззвучно, без упрёка. От этого простого движения всё внутри будто покрылось изморозью, и одновременно стало тошно до крика. Художник взял их так же тихо, предательски дрогнувшей рукою...

И вдруг заговорил.

Заговорил, должно быть, впервые. В расплату, в отместку за всё долгое молчание, за всё невыплеснутое, что тяжело и горько ворочалось в горле. Он говорил, и слова падали звоном, и эхом, и хрипом на лестничную клетку, катились по ступеням, вниз и вниз, бились о расколотые плитки и кривые перила крошечными скользкими телами выброшенных на берег рыб.

Он говорил о портретах – об эйфории ощущения летящей над бумагой кисти и о чёрной тоске разочарования. О её глазах – глубоких, таинственных, небесных, но глядящих на него с холстов чужими взглядами и оттого опротивевших. О себе – о светлой, распирающей сердце мечте и о давящих, неумолимых, выжигающих это сердце неудачах.

Говорил о постылом городе, о чужих людях, о разбитых надеждах, о жгучей злобе, о смертельном отвращении к собственным словам, мыслям, чувствам, рукам, картинам. О страхе, о мраке, о пустоте.

Говорил о ней. О её неправильном «рисовать» вместо «писать», о её неправильных рассказах, неправильном смехе, неправильных кудрях, неправильном шарфе, неправильной душе, неправильных глазах.

Говорил о своей тихой, трепетной, зыбкой, восторженной, робкой, пылающей, необъятной, головокружительной, чарующей и страшной любви.

Говорил о своей ненависти.

Он говорил, отчаянно цепляясь за косяк, за дверь, за мигающий свет с лестницы и ощущая, как невыносимо не хватает воздуха на дне этого озера.

Он говорил, а она молчала. Так было впервые.

И так было в последний раз.

Последнее слово, последний вырвавшийся изо рта пузырёк воздуха – всё отзвучало, всё кануло в чёрных водах, улетело вверх и разбилось внизу.

Это слово было: «Никогда».

«Никогда в жизни не видеть больше эти глаза».

Маслов не помнил, что было дальше. Не помнил, что она отвечала – и отвечала ли что-то. Не помнил её лица в тот миг, её голоса, её взгляда. Он помнил только, как всколыхнулись непослушные локоны, когда она повернулась и пошла прочь, вниз. Как рассыпались они по плечам, вздрагивая с каждой ступенькой, ловя угасающий свет.

Воздух кончился.

Он долго, долго слушал, как стихали внизу гулкие отрывистые шаги, и смотрел на лампочку на лестничной клетке. Она мигала дрожащим, умирающим светом, и перила то выступали из темноты жёсткими линиями, то таяли в ней.

Внизу застонала и хлопнула дверь.

Привычный звук. Так бывает каждый день.

Бумажные листы вгрызались в стиснутые пальцы, резали ладони. Маслов неверным шатким шагом вернулся в квартиру и сгрёб со столов, вытряхнул из папок, сорвал со стен, выдрал из блокнотов всё так долго, цепко и трепетно вставшее в его кожу – все её портреты. Он сделал то, о чём думал не раз втайне, в густом меланхолическом бреде, но на что никогда не решался: рванулся с растрёпанной, ускользящей из рук белой кипой к подоконнику, распахнул створку...

И остановился.

Его окна выходили во двор. Туда, навстречу чужим стенам, чужим жизням, чужим отстранённым взглядам полетели бы холсты и бумага, живопись и графика, осколки недосыгаемой грёзы и обрывки его души.

Что сказали бы соседи?..

Он опустился на пол среди рассыпавшихся картин. Он представил, как мимо окон, мимо удивлённых лиц, проводов и птичьих крыльев летит, падает вниз и взмывает с пыльным ветром вверх всё это бумажное, хрупкое, светлое, отчаянное, неслучившееся. Смело и горько. Сумасбродно и честно. Так, как он никогда бы не отважился поступить.

Что сказал бы человек с автопортрета? Он молчал.

Маслов долго глядел на лестничную площадку за раскрытой дверью. И лампочка погасла.

* * *

Закат догорал, выстилая пеплом длинные низкие тени. Улицы петляли, плыли в солнечном мареве, скользили под ногами водяной рябью. Тонули в прозрачной остывающей дымке фасады, окна, блики света, голоса и шорохи – и только полосы вязаного шарфа танцевали перед глазами, свиваясь спиралью, утягивая за собой. Маслов шёл, не оборачиваясь, прикованный взглядом к стройному женскому силуэту, с каждым шагом, казалось ему, взлетающим над своей ломающейся тенью – а сам он с каждым шагом, казалось, падал только дальше вниз.

Он шёл через проспекты, бульвары, переулки, дворы и скверы. Шёл безотчётно, не останавливаясь и не думая, но так же естественно и просто, как дышал. Шёл за непослушными струящимися кудрями, за полинялым плащом, за ненавистным и любимым шарфом. Шёл за фигурой, что не раз грезилась ему в смутных, прекрасных, жестоких и мучительно недосыгаемых снах, что глядела слепыми незнакомыми глазами со смятых листов, что вставала порою в памяти то касанием ветра, то холодом мрамора.

Он шёл за Надей.

Теперь он всё вспомнил – и воспоминания пошли за ним, то мрачные, вцепляясь в горло, тяжело наваливаясь на плечи, то слепяще-ясные, подгоняя сбившийся шаг. События минувших лет – двух? трёх? сотни? – мелькали перед ним, оживая в отблесках заката, обретая утраченные краски и забытое звучание. Но за годы эти образы были настолько сглажены и обесцвечены повторениями, бесконечным возвращением к ним, что он уже не знал, действительно ли это – его, действительно ли это правда, действительно ли это было когда-то с ним.

И теперь силуэт Нади, скользящий сквозь затухающий свет, казался художнику зыбким, призрачным, как воспоминание, как полуденная дрема, как...

«Дрема». «Шедевр». «Мираж». «Видение». Это всё были старые, какие-то «книжные» слова, почти архаизмы – будто из чужих, далёких и давно ушедших жизней, будто с истрёпанных страниц романа. А что было сегодняшним, настоящим, здешним?

Маслов не успел ни ответить, ни подумать, ни осознать, – а в следующее мгновение улица опрокинулась перед ним.

Девушка обернулась. И взглянула на него.

Художник снова ощутил, что, как тогда, в антикварном, в августе, падает бесконечно и неостановимо, и над ним раскрывается небо. Но теперь это было просто небо – без волшебства, без тайн, без метафор, без дрожи ресниц и рук. Прозрачное осеннее небо, объятое пламенем гаснущего солнца. Сегодняшнее, настоящее, здешнее.

Надя обернулась, взглянула на него – и Маслов понял: она давно знала, что он идёт за ней и что идёт именно он. Она приостановилась на миг, – отзвуки шагов утонули в застывающей солнечной патоке. Улыбнулась кратко, летяще, бесконечно мягко. И так же мягко, едва заметно покачала головой.

Падение. Полёт. Небо. Взгляд...

Маслов замер, запрокинул голову к небу и закрыл глаза, словно хотел запечатать за опущенными веками этот миг, этот жест, эти глаза. И впервые почувствовал, как ослабевает давление непроницаемой толщи чёрной воды, прижимающей его ко дну, увидел, как брезжит в вышине едва различимый свет. Медленно, непривычно он поднял вязнущие в песке руки, оттолкнулся от дна, рванулся вперёд, пытаясь выплыть...

Когда он распахнул глаза, Нади уже не было. Только далёкие шаги растворились и гасли в тишине.

* * *

Солнце исчезло за крышами, подбирая с пола рассыпанные блики света. Его последний алый проблеск скользнул по листу на мольберте – и канул в сумерках, в переплетениях сна и яви, прошлого и настоящего, действительности и мечты. Маслов сидел перед оконченным портретом.

Последним, единственным, совершенным портретом.

«Это было так, как никогда не было», – написал он когда-то на уголке эскиза летящей рукой.

«Это было так, как было всегда», – отвечали теперь смотрящие на него глаза.

Вдохновенно-стремительные штрихи, скользящие переливы акварели, лёгкие полутона. Мгновение. Мягкая синева. Свет. Рывок, последнее движение кисти – и он вынырнул из холодной воды, из страха, из пустоты, из отчаяния, из удушливой отстранённости.

С портрета на него глядела Надя.

В её пронзительно-голубых глазах не плескались ни бескрайнее всезнающее небо, ни синее хрустальное озеро, ни неразгаданные тайны бытия. В них не сияла неземным непостижимым светом истинная, невозможная, всепоглощающая красота, не таяла в их глубине бесконечная череда пригрезившихся миров и вся необъятная вечность, не отражалась вся его минувшая и будущая жизнь, но...

Но это были её глаза.

Это была не муза, не идеал, не мечта, не птица-чайка, не наваждение из сна. Это была она – простая, живая, настоящая. Такая, какой он увидел её сегодня. Такая, какой она была всегда.

Это была лишь девушка, которую он любил, и всё несовершенное в ней под его взглядом становилось совершенством.

Сотни неудавшихся портретов, что художник так и не решился бросить навстречу чужому реальному миру, незряче следили за ним со стен. Маслов тихо снял картину с мольберта и подошёл с ней к окну. Впервые он поднялся со дна, впервые дышал судорожно и жадно, и с каждым вдохом текли сквозь пальцы тысячецветные звенящие чувства.

Чувство опустошённого и переполненного. Чувство найденного и неосуществлённого. Чувство забытого и вспомненного. Чувство разрушенного и выстроенного заново. Чувство боли. Чувство решимости. Чувство надежды. Чувство цвета. Чувство света.

И неосязаемое ощущение чего-то потерянного.

Он распахнул окно, впуская в душную комнату ветер.

Май 2022

Имя

Степь никогда не молчала.

Айдар знал это лучше старейших чабанов, пасших свои отары ещё в те времена, когда громовержец Кудай¹ состязался в божественной силе с лукавым Эрликом². Сколько раз убегал Айдар в степь, когда бранил его суровый отец или мальчишки-сверстники не брали с собою играть в асык³? Сколько раз поверял он земле и травам свои тоску, злобу, отчаяние и жгуче кипящую обиду?

Степь слушала и отвечала. Она шептала на многозвучном наречии вольного ветра, вздыхала нежным шорохом серебристого ковыля, смеялась перестуком дождевых капель, плакала выжженными слезами июльской засухи. И Айдар вплетал свой голос в непонятную, но щемяще близкую речь степи, как девушки вплетали в смоляные косы звончатое золото монет.

Но сегодня степь впервые заговорила с ним на человеческом языке.

Небо над головою стояло чёрное, как дно опрокинутого казана, на атлам⁴ вокруг нельзя было разглядеть ни травинки. Свет – лишь сонно брезжащие в вышине звёзды да огни аула, дрожащие, робкие, глядящие издалече крохотными искрами костра. Они гасли один за другим – дома ложились спать.

Айдар сжал губы в упрямую линию, сызнова проверил, сподручно ли прилажен к поясу длинный, любовно отточенный отцовский кылыч⁵. Сегодня сомкнуть глаз ему было не суждено – таков обычай. Ясноликое солнце, что он провожал за горизонт мальчиком, на рассвете встретит его уже мужчиной.

Аксакалы⁶ были мудры. Пусть они не ведали, подобно шаманам, воли предков, но долгая жизнь под всевидящим небом научила их заглядывать в глубину человеческой души. Потому их словом решалось, где проведёт отрок ночь, чтобы проявить мужество, достойное прародителя-волка. Многих юношей отправляли искать подвигов в лес, иных – в горы. С восходом они вновь ступали в родной аул с невиданной прежде уверенной осанкой, за бессонную ночь будто бы окрепнув в плечах и высоко держа

¹ Кудай (Худай) – верховный бог в тюркской мифологии.

² Эрлик – владыка подземного мира в тюркской мифологии.

³ Асык – национальная игра народов Средней Азии. Для неё используется таранная кость овцы, также называемая «асык».

⁴ Атлам – мера длины, равная одному шагу.

⁵ Кылыч – длинноклинковое оружие, сабля.

⁶ Аксакал – глава рода, старейшина у тюркских народов.

усталую голову. Вчерашние дети несли домой трофеи: шкуры горных коз и клыки свирепых вепрей, головы медведей и легколапых ирбисов, – и получали от старцев долгожданное имя. Новое, гордое, взрослое имя.

В степь уходили редко. Ещё реже – возвращались. Оттуда не принесли ничего – лишь отпечаток глубокой, тихой думы на лицах. Из таких детей выходили воины: угрюмые, молчаливые, но не рубящие бездумно головы в упоённой горячке кровавой битвы, а ведающие жалость.

Лучшие воины. И жуткие, одинокие, будто внутри переломленные люди.

Но Айдар никогда не боялся степи.

Последним посылали в степь его старшего брата: ловкого, смешливого зеленоглазого Дамира. Он ладил со скакунами лучше бывалых еров⁷ и забавлял мальчишек, божась, что понимает птичий язык.

Но Дамир не пришёл домой ни с рассветом, ни со следующим.

Отец с благословения старейшин собирал кунаков⁸, седлал лихих коней, отправлялся на поиски. Воротился лишь на третьи сутки, измождённый, с первой проклюнувшейся на висках сединой, и молча протянул матери обрывок пояса от Дамирова дэгэла⁹, расшитого её рукою. Больше они ничего не нашли.

Это было прошлым летом. Зацветала белым пухом отцовских седин тонконогая таволга. Матери запретили плакать о Дамире – он не достоин, он не справился...

Нет, Айдар никогда не боялся степи.

– Я тебя чувствую.

Айдар вскочил, хватаясь за кылыч. Он не успел понять, смыкала ли ему веки полупрозрачная топкая дрёма, но одно отчего-то знал точно: голос, что скользнул по краю слуха, взрезав неподвижную тишь, не был сном.

Никогда прежде не слышал Айдар подобных голосов. Он не звучал ни резвым звенящим ключом, как голос сестрицы Айгуль, ни громовым перекатом сходящих с горы камней, как голос отца.

⁷ Ер (эр) – муж-воин, статус в древнетюркском обществе.

⁸ Кунаки («кунак» – тюрк. «гость») – мужчины, принадлежащие к разным родам, племенам или народностям, но связанные обязательством взаимной дружбы, помощи и гостеприимства.

⁹ Дэгэл (дэли) – длинный халат или кафтан, традиционная одежда многих монгольских и тюркских народов.

Он звучал свистом ледяного ветра и пущенной, гибель несущей стрелы. Шелестом, шуршанием и шипением притаившейся опасности.

Он был рядом. Он был везде. Он крался, Он следил, Он ждал, Он испытывал.

Он звучал угрозой и колко стынувшим страхом.

– Куда ты идёшь-шь, маленький странник?..

Мальчик озирался вокруг, но не мог разглядеть Его. Непроглядная темень прочно залепила глаза, будто душный войлок, что обтягивал юрту.

– Кто ты? – силясь вычеканить из собственного голоса решительный металл, бросил Айдар в темноту. – Как твоё имя?

– Что значит «имя»?..

Он растерялся – не запутать ли хочет его невидимый? – но осторожно ответил:

– Именем тебя кличут.

– Зачем меня кликать?..

– Чтобы с тобой говорить.

– Зачем со мной говорить?..

– Затем, что ты кому-то нужен.

– Я никому не нужен. У меня нет имени...

Некто скользнул сквозь стебли ковыля, взметнув шуршание. Айдар не видел, но слышал: огромный, извитый и сильный, Он полз в нескольких шагах, не то присматриваясь, к незваному гостю, не то дразня его. Сам Он, хладный, не ведал трепета, и травы послушно стелились под Ним, признавая в Нём хозяина непокорной степи.

С Айдаром говорил Змей. Его подвиг.

– А ты?.. – шепнул Он. – У тебя есть имя?..

Мальчик, точно замороженный, ответил прежде, чем успел на это решиться:

– Завтра у меня будет новое имя. А нынче я – Айдар.

– Айда-ар... Значит, ты нужен?..

Голос неторопливо, будто смеясь над ним, плыл вокруг: слова с тихим шелестом падали в траву то у ног Айдара, то сбоку, то за спиной. Мальчик понял: Змей, обвиваясь гибким и смертоносным телом, незаметно заключал его в кольцо.

– Посмотри на себя. Кто вечно один, говорит лишь с безмолвной степью? Ты, Айдар!

Юноша вздрогнул, тяжело сглотнул сухой ком воздуха и устойчивей переступил с ноги на ногу, крепко держа перед собою изготовленный к защите кылыч. Чутко следя, стал поворачиваться вслед за Змеем.

– Кто ни ладно сложен, ни силён, ни ловок, ни весел и ни речист? Ты, Айдар!

Дышать было нечем. Кровь гулко стучала в ушах. Айдар старался не слушать вкрадчивой змеиной речи, но голос ползуче проникал в голову, в думы, в сердце, бередил незаживающие, едко кровоточащие раны.

– Кто слаб, труслив, угрюм, обозлён и завистлив? Ты, Айдар!

Мальчик стиснул зубы почти до боли, чтобы не закричать.

Это ли увидел мудрый белобородый Баят, когда заглянул в его глаза – робость, страх, бездарность? Это ли пророчило ему немилосердное Небо, верно, не наделившее его при рождении благодатным кутом¹⁰?

Этого ли хотели старейшины, отправляя его сюда, – отправляя его умирать?

– Кто не искусен ни в беге, ни в обращении со стрелой и луком, ни в сече, ни в пляске? Ты, Айдар!..

Айдар пытался душить в себе клокочущую злобу, душить в себе голос Змея, звучавший уже будто не снаружи, а – глухим и тревожным эхом шаманского бубна – внутри, глубоко, в голове. Но злоба, но голос яростно рвались на волю, как рвалась из рук грива коня на скаку, как рвался в бой кылыч с дрожащей и леденеющей в пальцах рукоятью...

– Кто средний сын, ни обласканное материнской рукою чадо, как младший, ни наследник, гордость и надежда отца, как старший? Ты, Айдар!

Мальчик ступал на подгибающихся ногах бесшумно, подобно изготовившемуся к броске ирбису, – так учил отец. Следил за шуршанием травы напряжённо, трепетно, подобно берегущей птенцов орлице, – так наблюдала мать. И надеялся, до отчаяния надеялся быть в этот миг храбрым и стойким, как истинный воин, – так не думал о нём никто.

– На кого не взглянет юная Гузель, самая нежная из красавиц аула и всего поднебесного мира? На тебя, Айдар!..

Зыбкая водянистая муть заволокла глаза. Айдар с ожесточением смахнул её рукавом, задыхаясь отчаянной, сердце пронзающей болью.

А шипящий, жестокий, ненавистный, правдивый голос ронял слово за словом, точно капли змеиного яда:

¹⁰ Кут – душа-«двойник» человека; сгусток энергии; некое семя жизни; счастье, благодать, харизма.

– Посмотри, посмотри, посмотри на себя. Разве ты достоин имени?!..

Айдар медленно, неслышно поворачивался вслед за шелестом ковыля. Раскалённое сердце неистово билось о рёбра, готовясь к битве. Готовясь к мести.

А Он промолвил почти с сочувствием:

– Тебя все бросили, маленький странник. Ты, как и я, никуда не идёшь.

Мальчик что есть сил вглядывался в чёрное пульсирующее полотно ночной мглы, по едва слышному трепету травы и земли жаждал различить в темноте движение врага.

Он справится. Он убьёт. Он заслужит. Он будет достоин.

– Не туда смотришь. В себя смотри.

Шорох скользнул за спиной...

Айдар рывком развернулся. Из тьмы на него летела змеиная пасть – распахнутая, безобразно искривлённая не то безумной улыбкой, не то беззвучным криком, – и горящие зелёные глаза.

Мальчик замахнулся. Тяжёлый кылыч своим весом больно рванул запястье. Закалённая боем сталь рубанула гибкое чешуйчатое тело с хрустом, с визгом, с всхлипом...

Стало тихо.

Ночной воздух удушливым комом встал в горле, не позволив вздохнуть с облегчением. Брызги чужой горячей крови стекли на губу. Мальчик хотел было вытереться рукавом, но отчего-то передумал – слизнул раздвоившимся кончиком языка.

Звёзды давно погасли, утонули в черноте невидимого неба, но рассвет не приходил.

Степь молчала.

Октябрь 2022

Озеро

Она была озером, а озеро было ею. Даже имя своё – Муравка – она взяла у тонкосочной прибрежной травы, что колыхалась в воде, точно распущенные русалочьи волосы.

В озере было покойно. Летом – весело, пуще всего на Русальной неделе, когда сестрицы выходили из воды и ночи напролёт с хохотом, песнями и плясками резвились по лесам да ржаным полям. Муравка любила, украсив голову пышным венком, водить с подругами хороводы вокруг берёз – уже к заре травы на месте русалочьих следов колосились буйные, душистые, свежее прежних, вытоптаных. Зимой становилось скучно, сон-

но: озёрная гладь затягивалась коркой льда, рыбы уходили вглубь, и русалки тоже опускались на дно, кутаясь в пуховое одеяло ила и песка. Впору было бы коротать дни, рассказывая друг другу сказки да былички, но ни Муравка, ни другие водяные девицы давно уж не помнили никаких историй. И голос со временем перестал быть им послушен: вместо слов и песен всплескивался над озером один и тот же, на разные лады звучащий переливчатый возглас: «Рели-рели!».

На дальнем, высоком берегу стояла деревня. Туда, за тесовые крыши, опускалось солнце, по кайме зажигая чёрные силуэты изб мерно горящими огненными отсветами. С деревенскими жили ладно: на Зелёной неделе люди относились к утопленницам и их забавам если не со страхом, то с опаской и уважением. Но Муравка не любила озорничать и не брала пример с тех сестриц, что со скуки манили парней в воду или, поймав в поле, вертели в хороводе и щекотали до смерти. Лишь порою, чтобы не отстать от подруг, бегала вместе с ними лунной ночью в деревню: плести косы из грив дремлющих в стойлах коней да воровать пряжу из бань.

Проходя мимо притихших спящих изб, она всякий раз робко, с не свойственным нечисти затаённым трепетом заглядывала меж ставен. Не только из шаловливого русалочьего любопытства – под рёбрами ворочалось ещё какое-то неясное, тягуче унылое, как вздох, чувство, которому Муравка не могла вспомнить названия. В людских домах стоял особый дух – густой, тёплый, живой. Пахло напаренным в бане телом, сытным ужином, дымком погашенной лучины, подымалось к потолку чьё-то ровное дыхание, кто-то видел сны... А Муравке зимой на дне никогда ничего не грезило.

В деревне пели. Пели, когда справляли свадьбу, когда провожали в солдаты, когда несли крестить в церковь, когда хоронили. Муравка чутко ловила отзвуки эха, долетавшие до озера, но песни эти не были похожи на русалочьи – звонкие, нестройные, как шальной водяной плеск. Нет, в людских голосах и струнах гудела, лилась, перекатывалась какая-то большая и тёплая сила, точно каждый звук несли они навстречу миру не из горла и дерева, а – глубже – из сердца, из любовно натопленной избы, из тверди родной земли. И за каждым словом вставали тогда тени других, уж отзвучавших, но незабытых голосов, и песня подымалась то мощной стеною хора, то переплетённым колоском пары-тройки звенящих ладов – ввысь, далеко, долго...

Муравке тоже хотелось петь так – красиво, вольно, как живой. Она пробовала, когда чесала на берегу волосы или качалась на ивовых ветвях:

набирала в грудь воздуха, раскидывала руки, будто силясь объять голосом всю ширь света...

Но выходило только: «Рели-рели!»

Порою, украдкой выглядывая из воды, Муравка видела, как проходят мимо озера люди. Лица их, – обветренные, загорелые, изменчивые, молодые и старые, смеющиеся и хмурые, наливающиеся спелой краснотой румянца от холода, работы или каких-то неведомых русалке чувств – лица эти казались Муравке удивительной диковинкой. Она с жадным любопытством наблюдала за ними, собирала, точно разноцветные камушки, нанизывала на нитку памяти, чтобы зимой, когда встанет на озере лёд, лежать на дне и перебирать в мыслях их живые, текучие выражения, стараясь повторить самой.

Сведённые к переносице брови – негодование, опущенные уголки губ – печаль... Муравка ощупывала свои щёки, лоб. Так или не так? Не вспомнить...

«Рели-рели!»

Поначалу в лицах деревенских ей мерещилось нечто знакомое, но с каждым минувшим летом узнавать их, затягивающиеся сеточкой морщин, Муравке становилось всё трудней. Собственная её кожа вечно оставалась гладкой и по-рыбьи холодной, чуть скользкой на ощупь, а та, доозёрная жизнь всё больше походила на сон, порастала илом забытья. А имён на память не приходило – имена она забыла сразу же, как забыла, зачем дышать. Ещё давно.

«Рели-рели!»

Люди ехали в деревню и из деревни. Шли с сенокоса, усталые, смеясь и переговариваясь, с полуслова подхватывая брошенный кем-то напев, и им откликалась нежным эхом прозрачная березовая роща. Загребая валенками снег, за хвостом пробирались к заметённой бураном чаще мальчишки. Сгорбленные старостью, с пустыми лукошками брели по грибы те девчонки, что ещё вчера аукались в лесу.

«Рели-рели!»

Приходили чужие, с резкими стальными голосами. Над крышами подымались, мечась, тревожные, дикие всполохи огня, кусали бревенчатые срубы. Деревня горела – раз, другой, третий... Кто-то бежал. Над озёрной водою низко, душно плыл прогорклый дым, а с ним – крики, вой, плач...

Муравка опускалась на дно, зарывалась в мягкий ил и лежала долго, долго, сонно, пока наверху всё не утихло.

А потом снова приходило лето, а с ним и Зелёные святки, и снова бежали русалки, путаясь волосами в ветре, от сумерек до зари плясать

в поле с диким и – где-то на самом донышке звука – печальным смехом: «Рели-рели!»...

Плыли дни,плыли годы. Деревню строили наново. Роняли в церкви колокол – он падал со смертным гулом. Приезжали новые люди. Иные уезжали. Шумели. Работали. Гуляли праздники. Ссорились. Мирились. Умирали. Любили.

Люди шли,шли,шли...

Но всё больше ветшали крыши,косились плетни, всё реже становилась вереница тянущихся мимо озера людских лиц, всё сильнее кренился набок заржавленный крест на колокольне, вспарывая бесстрастную гладь неба косым росчерком.

Люди уходили.

Теперь они приезжали к озеру редко, на гремящих,пышущих странным, не лесным и не человеческим смрадом железных повозках. Зажигали огни, пили и ели, заводили под шёпот струн новые песни, взмывающие в зыбкое ночное небо вместе с жаркими искрами. И пахло от них не сыростью да горькими травами, а хлебом, кострами, работой и теплом. Пахло жизнью.

А Муравке, глядевшей на них из холодной постылой воды, становилось вдруг обидно. Не так, как, может статься, бывало при жизни – теперь это был лишь отголосок давно истлевших человеческих чувств. Как ей обижаться, как страдать? Тут нужна душа, а Муравкина давно потерялась, потонула на дне безмолвного озера.

Но она глядела на них, молодых, красивых, – не её оледеневшей мёртвой красотой, а красотой не вечной, хрупкой, настоящей, красотой крови и дыхания – и обида жгла её изнутри, кусала и ела, точно жадный, губительный что для русалок, что для людей огонь. Там, на берегу, посреди шумного разгула пляски рослый кудрявый парень подхватывал на руки девчонку – маленькая, тонкая, смех колокольчиком; гляди, разобьётся! – и кружил, кружил, кружил её возле самого костра...

Муравка обхватывала себя за костлявые плечи, впивалась пальцами в синюшно-белую, полупрозрачную, осклизлую кожу – не до боли, боли давно не было.

А её – хоть разочек! – кружили так же в объятиях?

А её – хоть когда-то! – любили так же?

Не вспомнить...

Она хотела заплакать, закричать, но поняла, что не вынесет, если из горла снова вырвется безликое: «Рели-рели!».

Ночью, когда потушили костёр, Муравка оставила сестриц, поднялась из воды и тихо пошла к берегу. Он, на свою беду, один из всех не спал – русалка узнала кудрявую голову, что нынче вечером переливалась медью в отблесках огня.

Парень заметил её, стоящую в воде – удивление и испуг длились лишь миг, а после лицо заволокла пелена очарованного колдовского безмыслия. Муравка припомнила, как улыбаться, с непривычки криво растянула уголки губ, поманила...

Увести, утопить, удавить – всё забудет, все забудут! Вода, вода – мокро, глупо, одиноко...

Он, не помня себя, медленно встал и пошёл к ней навстречу. Ближе, ближе, с каждым шагом – жарче обида, тоскливая ярость, невыплаканная боль...

Глухо, плохо, страшно, скучно, долго, вечно, дико, пусто, пусто, пусто!
«Рели-рели!» «Рели-рели!»

На берегу кто-то вскрикнул. Тоненько, испуганным девичьим голосом. Звук капнул в воду, точно раскалённый воск – Муравка отшатнулась.

Поняла: заметили. Не её – его, слепо бредущего в воду.

Всё тот же хрупкий, надламывающийся от страха голос стал тревожно кликать его по имени: снова, снова... И Муравке вдруг стало так тошно, так самой от себя противно – до горького полынного привкуса во рту.

Девчонка с берега кинулась к воде...

Парень встrepенулcя, поворотилcя к ней, растерянный, будто очнувшийся от свинцово-тяжкой, губительной полуденной дрёмы. А когда вновь взглянул на озеро, вода была тиха и спокойна – лишь мерно расходились в стороны круги одинокого всплеска.

Муравка никогда не понимала людей.

– Куда они всё идут? Чего они всё ищут? – спрашивала она у мудрой Мары, пока умела говорить.

Та жила в лесу, была лесом много дольше, чем Муравка – в озере и озером. Она знала все звериные языки, все тропы и все древние заговоры, но охотней всего шептали ей листья и увядающие травы о неведомой человеческой душе.

– Ищут? Известно чего, – отвечала мудрая Мара. – Счастья.

– Счастья... – эхом откликнулась Муравка на такое знакомое, такое позабытое слово, горьковато-сладкое на вкус.

Прежней своей жизни она не помнила. Не помнила и того, почему сиганула с обрыва в озеро. И только порою, когда в дни больших и старых

праздников доносились из деревни отзвуки нежных тягучих песен, мягко стелясь над водою, что-то тоскливо тяжелело и сжималось внутри. Там, где раньше было сердце.

Ноябрь 2022

II место (старшая группа)

Беспалова Виктория Константиновна
(г. Курган)

Морская проза

Твои глаза, как море. Они такие же глубокие.

Знаешь, море коварно. Оно способно очаровать, заколдовать, влюбить в себя – и, как только ты поддашься его власти, окатит огромной волной и потянет вглубь.

Ты не способен будешь сопротивляться, тебя уже поглотила бездонная синева. Понимая, что захлёбываешься, будешь послушно плыть прямо внутрь мощного водоворота.

Что будет там, внутри? Болезненные, мучительные страдания – или море сжалится над тобой, понесёт по блестящей гладкой воде куда-то далеко в свои владения?

Ты узнаешь это тогда, когда попадёшься ему.

Твои глаза, как море. Они также переливаются глубокой синевой на солнце.

Способны ли эти глаза подарить холодную коварную волну? Способны ли они украсть твою свободу и забрать тебя навсегда в плен течений и штормов?

Способны.

И я уже плыву по нежной воде.

Солнце греет моё лицо.

Если море похитило тебя, ты уже больше никогда не сможешь выбраться. Останешься навсегда его верным пленником, что будет блуждать по могучим владениям, вновь и вновь очаровываясь волшебными облаками на воде.

Твои глаза – море. И я попала в ловушку.

Специальный приз (старшая группа)

**Балмасова Евгения Олеговна
(Мишкинский МО)**

*Наставник – Балмасова Ольга Викторовна,
библиотекарь Мишкинской межпоселенческой
центральной библиотеки имени Н. В. Моториной*

«За любовь к малой родине»

Сочинение «Моя малая родина – посёлок Мишкино»

Родина.... Как много для каждого значит это слово! Место, которое любой человек помнит всю свою жизнь. Родина у каждого одна. И каждый человек, несмотря ни на что, любит свою родину.

Моя родина – посёлок Мишкино в Курганской области. На самом деле это – моя вторая родина. Я родилась на севере в г. Мегионе. Когда мне было пять лет, мы с мамой и сестрой переехали жить в Мишкино. И вот уже пятнадцать лет я живу в этом красивом посёлке. Здесь я окончила школу и учусь на повара-кондитера в Мишкинском профессиональном педагогическом колледже.

Мишкино – замечательное место, пропитанное свежим воздухом и тёплыми лучами солнца. А ведь это не только земные просторы – это всё то, что так близко нашему сердцу и так дорого душе. Хочу поделиться стихотворением «Земля моя» нашей писательницы Н. В. Моториной.

Блестит на солнце паутинки сеть,
И осень нынче – всем на удивленье!
В земле российской уголочек есть,
Судьбой моею ставший от рожденья.
Ему название – Мишкинский район.
Пусть уголков таких в России много,
Для всех, кто в землю малую влюблён,
Она – и жизнь, и счастье, и тревога.
Так пусть поют колосьями поля,
Пьянящий дух идёт от свежей пашни...
Я верю – быть тебе, земля моя,
И нашей гордостью, и славой нашей!

В родном краю всё кажется более красивым, чистым. Именно родная природа дарит нам самые светлые чувства, позволяет полной грудью вдыхать аромат дорогих с детства садов, полей, лесов.

У нас великолепная природа. Посёлок окружают пять озёр, красивые леса, которые богаты грибами и ягодами. Идти по лесу – настоящее удовольствие. Вон под кустом вырос гриб-боровик, а рядом – душистая земляника. Мы всей семьёй любим собирать грибы и ягоды. Из ягод варим на зиму вкусное варенье, джем, компоты, а грибы сушим и солим.

В наших лесах обитают разные животные: от полевых мышей до лосей и косуль. Немало и птиц – это тетерева, совы, синицы, дятлы и многие другие. Богата и разнообразна природа родного края. Каких только красок здесь нет! Среди моря цветов стрекодут кузнечики, поют птицы. От их пения на душе становится легко и спокойно.

Да, такую природу не везде увидишь! И для обычного сельского человека – рыбалка, грибы и ягоды – не только пропитание, но и колоссальное удовольствие.

Жизнь в посёлке всегда интересна и занимательна. А какие у нас добрые, улыбчивые и отзывчивые люди! Я считаю, что самое ценное в Мишкино – наши жители. Ведь только человек может создать всю красоту и сделать посёлок необычайным местом, где хочется жить и трудиться на славу своей родной Земли. Вряд ли кто захочет покинуть этот маленький красивый уголок. И маленький посёлок кажется нам тем самым отчим домом, из стен которого однажды уходишь в большой мир.

Уже не за горами день, когда я окончу колледж. Жизнь разбрасывает нас во многие уголки нашей необъятной Родины. Но где бы я ни была, моя малая родина всегда будет для меня тем светлым огоньком, который будет своим ярким светом звать меня к себе. Мыслями я вновь и вновь буду возвращаться на свою малую родину, с радостью воспринимать любую добрую весть из родных мест, печалиться её неудачами. И не важно, чем я буду заниматься, где буду работать, – я буду любить свой родной край и гордиться им.

НОМИНАЦИЯ «ПУБЛИЦИСТИКА»

I место (младшая группа)

Никулина Александра Станиславовна
(Щучанский МО)

Наставник – Дубовкина Ольга Николаевна,
библиотекарь

Памятник героям-землякам
(исследовательская работа)

Введение

У каждого населённого пункта – большого или такого маленького, как моё село, – есть свои памятные места, которые имеют важное историческое значение. В преддверии Дня Победы я решила изучить историю памятника (это обелиск) героям-землякам, погибшим в Великой Отечественной войне. Ведь изучать и знать историю Великой Отечественной войны – святой долг каждого человека, в каком бы возрасте он ни был.

Узнать историю нашего памятника оказалось не так просто: информации много, но вся она не точная.

Цель работы: Узнать историю установления памятника на территории Варгановского сельского совета, когда и кем было создано архитектурное сооружение.

Задачи:

1. Изучить материал о памятнике.
2. Опросить жителей села, имеющих отношение к созданию и установке памятника.
3. Систематизировать информацию из разных источников, обработать информацию и сделать выводы.

Место исследования: село Варгановское.

Объект исследования: памятник героям-землякам, погибшим в Великой Отечественной войне.

Гипотеза исследования строится на следующем предположении: если я исследую памятник героям-землякам, погибшим в Великой Отечественной войне, то узнаю больше об истории села Варгановское.

Прогнозируемые результаты: приобщение к истории своей малой родины; воспитание чувства гордости за народ, победивший фашистскую Германию, за земляков, внесших немалый вклад в Великую Победу.

Актуальностью работы является естественный интерес к истории родного села и желание быть причастным к этой истории.

Практическая значимость. Материал может быть использован для проведения воспитательных часов, а также на уроках окружающего мира.

Методы исследования: поисковый; метод анализа и обобщения; описательный.

Основная часть

Застыл в граните неподвижно
Освободитель наш – солдат.
Он на века теперь безмолвно
Обнялся с камнем, словно брат.

На обелиске буквы стонут –
Прискорбной надписи слова.
Собой проходим всем расскажем,
О тех, кто замер навсегда...

Самым дорогим и памятным местом для жителей нашего села является памятник, установленный в честь земляков, которые в страшные годы Великой Отечественной войны отдали свою жизнь за Победу над врагом, за мир и счастье будущих поколений (*приложение 1*).

Приступая к истории изучения памятника, я сначала провела опрос жителей села с целью сбора информации: в каком году был построен памятник, кто был организатором, кто участвовал в его возведении? Это оказалось очень сложно: столько разной информации, и так мало конкретной. И всё же собранный материал был систематизирован.

Примерно в 1969 году, когда колхозом «Путь Ленина» руководил Кириллов Алексей Александрович (*приложение 2*), принимается решение установить в селе к юбилею Дня Победы памятник героям-землякам, погибшим в Великой Отечественной войне. Это событие обсуждалось в каждом доме.

Из воспоминаний Луканина Михаила Петровича (с. Варгновское) (*приложение 3*): «Из Челябинска на колхозных машинах привезли цементные блоки, оборудование (*приложение 4*). Специалисты тоже были из Челябинска. Сначала заливали арматуру, а потом устанавливали бетонные блоки. В основание памятника замуровали бутылку с запиской, в которой указаны имена строителей и дата. Помогали все: и взрослые, и школьники. Блоки, на которых было изображено солдатское лицо, были заделаны гипсом».

Из воспоминаний Валентины Павловны Самохваловой (г. Челябинск) (*приложение 5*): «Помню, как привезли, выгрузили отдельными блоками. Лазая по ним, мы интересовались, какой он будет. Установка памятника было событием для трех деревень, оно горячо обсуждалось в каждом

доме. Мы, школьники, собирали информацию о воинах, не вернувшихся с войны, ходили к бабушкам».

Из воспоминаний Надежды Степановны Олейник (г. Красноярск) (приложение 6): «Сельчане активно помогали в работах по обустройству территории. Оградку делал мой папа Олейник Степан Дмитриевич, звенья ковал мой дядя Завальный Степан Акимович – он был кузнецом, – а помогал ему Ваценков Сергей Егорович (все ветераны войны). Я помню, как дома обсуждалось, сколько звеньев сделали, когда пойдут устанавливать.

Ели у памятника сажали мы, школьники. Там есть и моя ель – третья в ряду со стороны церкви (приложение 7).

Открытие памятника было торжественное. Присутствовало много народа, но много было и слёз: люди плакали, ведь почти в каждый дом не вернулись родные. Был зачитан список солдат, не вернувшихся с войны».

Из воспоминаний Чешковой Галины Порфирьевны (приложение 8): «Памятник был открыт 9 мая 1970 года (приложение 9). Я тогда училась в 7 классе. Мы ещё были совсем дети, но чувство ответственности переполняло душу. Сначала, когда привезли материал, нам было просто всё интересно: как будут устанавливать, как он будет выглядеть...

Я помню, как мы стояли – такие торжественные, серьёзные. Особенно запомнилось выступление участника войны Парахина Михаила Николаевича. Как он проникновенно говорил, как у него дрожали губы от выступивших слёз. Он обращался к нам – детям, чтобы мы всегда помнили о том, что они для нас сделали. Именно наш класс посадил эти прекрасные ели в память о погибших. И, конечно, это всё оставило неизгладимый след в наших сердцах».

В годы войны с территории нашего сельского совета ушли на фронт более двухсот человек, почти половина осталась на полях сражений.

В 2010 году состоялось открытие мемориальных плит, и теперь можно увидеть фамилии земляков, не вернувшихся с войны (приложение 10).

Ежегодно мы видим приезжающих родственников. Они долго стоят у плит, глядят родные фамилии, кладут цветы (приложение 11).

Наш памятник занесён в реестр мемориальных сооружений, посвящённых Великой Отечественной войне, расположенных на территории Курганской области (приложение 12).

Ежегодно 9 мая и 22 июня у памятника проводятся митинги, жители кладут цветы, венки, а школьники возлагают гирлянду у подножияobeliska. В сельском доме культуры проходит концерт, подготовленный местными артистами, детьми из детского сада, школьниками (приложение 13).

Заключение

За время работы по сбору информации о военном обелиске (*приложение 14*) я узнала историю нашего памятника, расположенного в центре села, около школы; узнала точную дату его установки. Это событие произошло в 1970 году и было приурочено к 25-летию Победы. Таким образом, цель моей исследовательской работы достигнута. Но работу свою хочу продолжить, чтобы узнать о людях, фамилии которых высечены на плитах. Считаю, что знать это – долг нашего поколения: ведь в селе уже не осталось ни одного ветерана.

Хочется закончить свою работу словами из стихотворения С. Пивоварова:

Обелиски

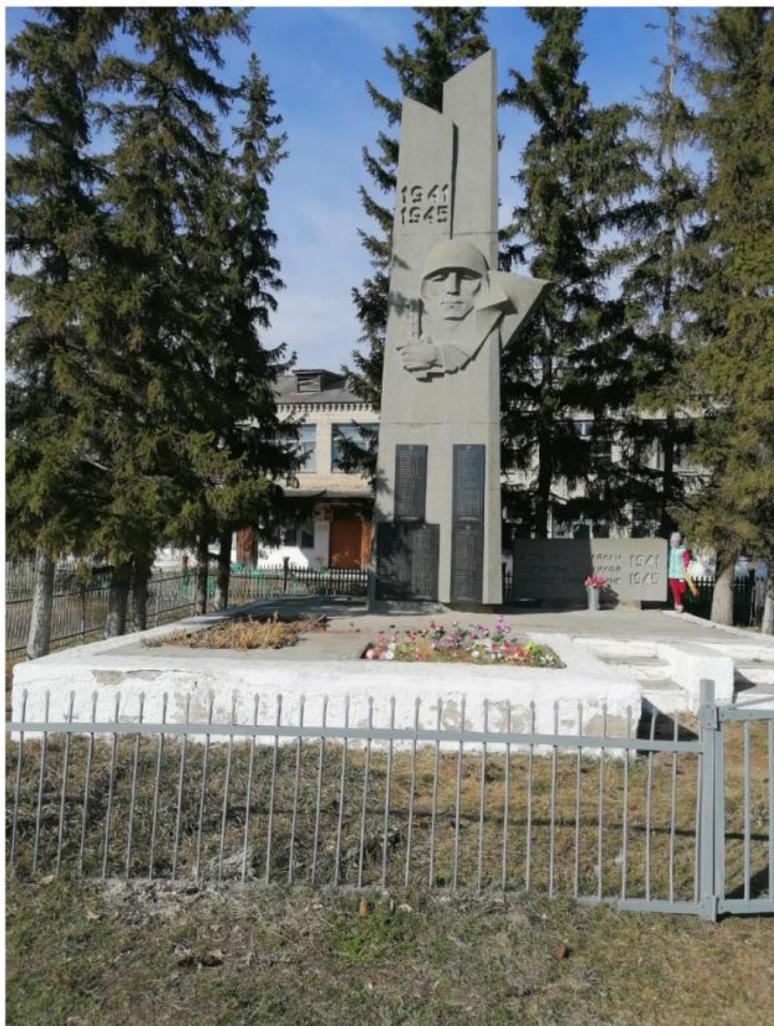
Застыли ели в карауле,
Синь неба мирного ясна.
Идут года. В тревожном гуле
Осталась далеко война.
Но здесь, у граней обелиска,
В молчанье голову склонив,

Мы слышим грохот танков близко
И рвущий душу бомб разрыв.
Мы видим их – солдат России,
Что в тот далёкий грозный час
Своею жизнью заплатили
За счастье светлое для нас...

Список используемой литературы:

1. Библиографическое пособие «Моя Родина – село Варгановское»
2. Воспоминания жителей села.
3. Газета «Звезда» № 10 2015 г.
4. Школьный музей.
5. <http://memory45.kurganobl.ru/?query=region/schuchanskiy/923>

Приложения

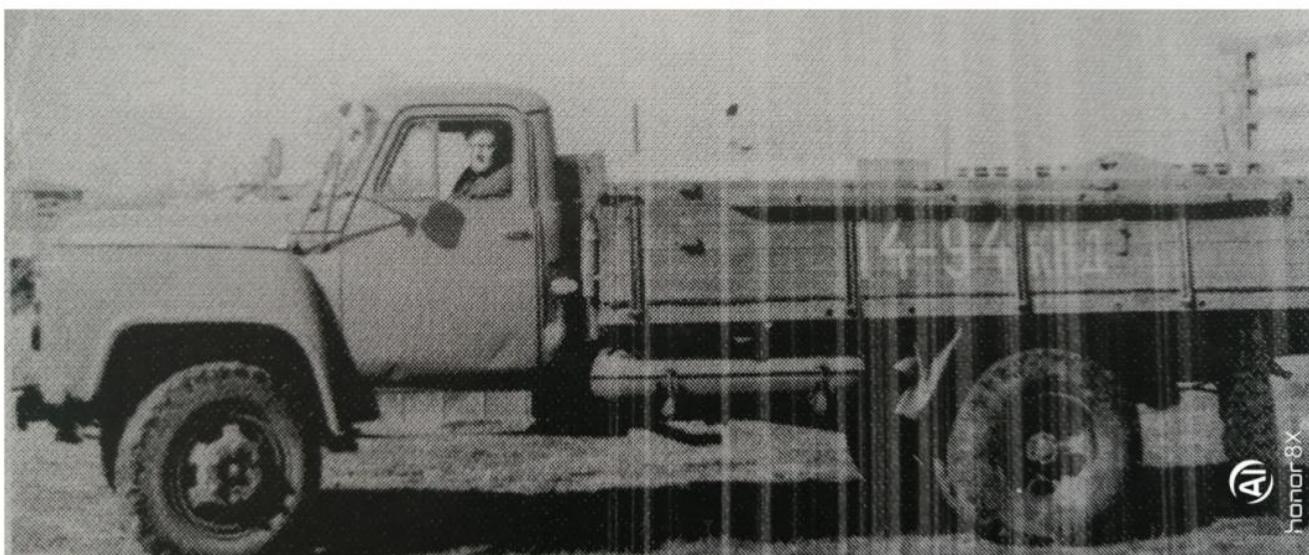
Приложение 1. Памятник героям-землякам, погибшим в Великой Отечественной войне (с. Варгановское)

Приложение 2. Кирилов Алексей Александрович – руководитель колхоза «Путь Ленина»

Приложение 3. Луканин Михаил Петрович

Приложение 4. Одна из колхозных машин, на которой привезли цементные блоки

Приложения

Слева направо: Приложение 5. Валентина Павловна Самохвалова (г. Челябинск);
Приложение 6. Надежда Степановна Олейник (г. Красноярск);
Приложение 8. Чешкова Галина Порфирьевна

Приложение 7. Ели, высаженные у памятника

Приложения

Приложение 9. Открытие памятника
(9 мая 1970 года)

Приложение 10.
Мемориальные плиты

Приложение 11.
Возложение цветов в День Победы

Приложения

ОБЕЛИСКИ НАШЕЙ ПАМЯТИ
Реестр мемориальных сооружений, посвященных Великой Отечественной войне,
расположенных на территории Курганской области

1941 - 1945

Проект Управления культуры Курганской области к 65-летию Победы

Главная	Реестр	Словарь	Статистика	Контакты
---------	--------	---------	------------	----------

- Курган
- Шадринск
- Альменевский район
- Белозерский район
- Варгашинский район
- Далматовский район
- Звериноголовский район
- Каргапольский район
- Катайский район
- Кетовский район

Местонахождение объекта:
Варгановское, село

Наименование объекта:
Памятник

Год создания объекта, автор:
Нет данных

Описание объекта:
Стела с барельефом солдата.

Местонахождение объекта:
Варгановское, село

Наименование объекта:
Памятник

Год создания объекта, автор:
Нет данных

Приложение 12. Наш памятник занесён в реестр мемориальных сооружений, посвящённых Великой Отечественной войне, расположенных на территории Курганской области

Приложение 13. Ежегодно 9 мая и 22 июня у памятника проводятся митинги, концерты

Приложения

Приложение 14. Фрагменты памятника героям-землякам (с. Варгановское)

II место (младшая группа)

Бушуева Надежда Андреевна (Шумихинский МО)

*Наставник – Стышных Светлана Валерьевна,
учитель русского языка и литературы*

Здравствуй, Музыка!

*Музыка – единственное искусство, проникающее
в сердце человеческое так глубоко...*

Стендаль

Листопад... Голоса птиц... Шум озера...

Это всё меня заставляет прислушиваться к звукам вокруг. А ведь самые необычайные и волшебные звуки – звуки музыки! Музыка – это мир красоты и фантазии. Музыка может изменить настроение, вызвать воспоминания и ассоциации.

Я очень люблю музыку! Любовь к музыке появилась с раннего детства. Мама мне напевала колыбельные песни. А родители часто слушали песни современных исполнителей. Я видела, как играют на разных музыкальных инструментах. Моей детской мечтой стало научиться играть на фортепиано. В 6 лет родители записали меня в Школу Искусств. Так я стала учиться играть на фортепиано.

Чтобы технически правильно владеть фортепиано, я играю гаммы и аккорды. Меня очень забавляет повторять и повторять гаммы! Пальцы мои так и скользят по клавишам, как воробушки с ветки на ветку!

Мы с преподавателем подбираем мне музыкальные произведения для заучивания и исполнения. Я вслушиваюсь в темп, настроение музыки. Чтобы сыграть мне самой, я разбираюсь с ритмом, учу ноты, а потом наслаждаюсь звучанием. Мне необходимо полностью погрузиться в инструмент, я ему доверяю. Больше всего мне нравится играть музыкальные произведения в зале Школы Искусств на красном рояле. На концертах после моего исполнения зрители мне аплодируют. А я только радуюсь успеху!

Когда я проигрываю дома на пианино, папа, мама и брат внимательно меня слушают, сидя на диване.

Им нравится меня слушать и напевать! Потом родители меня хвалят! В последнее время они стали всё чаще и чаще просить меня сыграть «Этюд» Ж. Д. Конконе. Мелодия «Этюда» – весёлая, игривая и танцевальная.

Когда я играю на этом клавишном инструменте «К Элизе» Людвига ван Бетховена – я чувствую радость, но в то же время и внутреннее спокойствие. А представляется мне картина мрачной дождливой погоды. Но ничего! Дождик скоро пройдёт, и выглянет солнце! Интересно мне исполнять на пианино «Спор» А. А. Зейналлы. Зато очень живая мелодия в «Куранте до минор» И. С. Баха. Сейчас занятия на фортепиано для меня – одно удовольствие!

Ещё я играю на фортепиано в ансамбле. Мы недавно исполняли песенку «У дороги чибис». Люблю петь в хоре!

Я задумываюсь над тем, как, при каких условиях у композиторов рождается музыкальное произведение; почему музыка живёт веками, переходя от поколения к поколению. Поэтому я стала сочинять свои мелодии для фортепиано! В моих мыслях рождаются звуковые образы!

Музыка меня завораживает, имеет какую-то загадочную силу и вдохновляет. Музыкальное искусство развивает мой музыкальный слух, и я тонко чувствую музыку.

Пойдёмте слушать листопад, шум камышей на болоте и крики улетающих журавлей! Ведь в этом тоже есть особенная родная музыка! А вечером я снова сяду за моё любимое пианино!

1 место (средняя группа)

Сергеева Анна Владимировна (Шумихинский МО)

Наставник – Сергеева Л. Г., библиотекарь

По страницам истории нашей школы

Школа.... Какое огромное значение имеет это слово для людей! Впервые в школу человек приходит, будучи ребёнком. Здесь для него открывается мир знаний, он формируется как личность. В нашей огромной стране есть много школ, но у каждого есть своя, родная школа! К огромному сожалению, в 2022 нашу школу закрыли! Но мы, бывшие ученики (да и учителя тоже), её очень любили. Именно поэтому я и решила провести исследовательскую работу по истории моей родной Столбовской основной общеобразовательной школы.

С ранних лет мы сталкиваемся с необходимостью познания истории нашей Родины – села, района, страны, где ты родился и живёшь. Мы учим даты важнейших событий, исторические факты, имена знаменитых людей, прославивших наш край. И постепенно, узнавая с каждым разом всё больше и больше, начинаем глубже понимать и осознавать всю красоту и силу той страны, в которой живём. Через познание малой родины человек осознаёт свою причастность к истории страны, её прошлому, настоящему и будущему. Собственная история есть и у человека, дома и улицы, на которой он живёт; и у памятников, украшающих его край, несущих многолетнюю память и историческое значение.

Есть своя история и у каждой школы. Историю нашей Столбовской школы помогли восстановить архивные документы, литература о нашем крае, рассказы учителей-ветеранов, находящихся на заслуженном отдыхе, односельчан-старожилов. Столбовская сельская школа, о которой пойдёт речь, – это моя родная школа, в которой я училась девять лет.

Первое учебное заведение в селе Столбово появилось в далёком 1887 году – открылась церковно-приходская школа грамотности на 29 учащихся. Размещалась она в доме учителя – отставного унтер-офицера Алексея Голубкова. А называлась «Михайло-Архангельская» – по названию церкви, которую в нашем селе построили в 1858 году. Заведовал школой священник Д. Коблов, а учителем была Е. Усольцева.

Органы Оренбургской епархии, как могли, помогали школам – уже в первый учебный год Епархиальный училищный Совет направил в адрес Столбовской школы 57 экземпляров учебных пособий. С 4 октября 1893 года наставником школы назначен отец Пётр Холмогорцев, который в 1896 году был переведён на должность уездного наблюдателя церковно-приходских школ Челябинского уезда.

С 4 октября 1893 года в школе преподавала учительница Крохина Федосья Ивановна – уроженка г. Златоуста, вдова чиновника Крохина. Ей было положено жалованье 26 рублей в год при готовой квартире, а в 1900 году оно составило уже 312 рублей в год. Эта женщина была светлой личностью: благодаря её неутомимой деятельности Столбовская школа была одной из лучших.

Под руководством Федосьи Ивановны в 1898 году в школе впервые провели ёлку на радость детей. Родители также были довольны этим праздником. Кроме основных предметов Федосья Ивановна взяла на себя труд преподавания церковного пения и рукоделия. В школе преподавание было поставлено очень хорошо, во всём был образцовый порядок, потому что

священник и учительница прилагали большое усердие и старание по содержанию и ведению школы.

В 1900 году в школе училось 95 учеников, из них половина – девочки. Год закончился хорошо. Пять мальчиков сдали экзамены со свидетельством на льготу по отбыванию воинской повинности. В 1910 году опытную учительницу Федосью Ивановну за непочитание церкви, несоблюдение праздников перевели под надзор в Березовскую школу. По тому, как близко она сошлась с крестьянами, организовала для них воскресные чтения, повседневную связь школы и семьи, как выделяла способных детей бедноты, по своим идеям учительница была близка к народникам.

Годы первой мировой войны, революции и гражданской войны сильно повлияли на экономику страны. Кроме того, 1921 год был неурожайный: кулаки хлеб попрятали. Голод захватил всю Челябинскую область. Эти обстоятельства очень отразились и на народном образовании.

Директива от уполномоченного ГубОНО по Мишкинскому центру № 1 от 10 сентября 1922 года: *«Все работники школ с 19-го сентября 1922 года считаются со службы уволенными. Учителями будут считаться только те работники, которые будут вновь зачислены на государственное снабжение и в школах на договорных началах, остальные считаются безработными».*

В 1933 году впервые в истории России все дети от 8 до 12 лет пришли в школу. Обучение стало обязательным – все дети молодой советской России должны были получить начальное образование.

Заведующей начальной школы в 1939 году была Т. Полухина. В том же 1939 году, 20 августа, приехала в наше село Зайцева (Вергеева) Федора Ильинична и стала работать учителем начальных классов. Молодой учительнице дали сразу два класса, в каждом более 30 учеников. Федора Ильинична была учительницей строгой, но справедливой. За её 34-летний стаж прошло не одно поколение учеников – и все вспоминали её доброту, ответственность, самоотверженность и справедливость.

В годы Великой Отечественной войны, несмотря на все трудности, наша начальная школа продолжала работать. Детей даже отправляли отдыхать в пионерский лагерь в соседнее село Березово, а в 1944 году наши школьники получили 60 новых учебников. В это время школа в селе была деревянная, в ней было пять классных кабинетов, учительская, библиотека, большой коридор.

С 1950 года наша школа стала уже семилеткой, а обучалось в ней 140 учащихся. Первый выпуск семилетней школы был в 1953 году, её закончил 21 выпускник.

В 50-е годы, помимо детей, грамоте обучали и взрослое население. Так, по приказу Отдела Образования от 26 августа 1952 года учительницу Вергееву Ф. И. закрепили за Богдановым И. М. как малограмотным.

Пятого октября 1962 года происходит реорганизация Столбовской семилетней школы в восьмилетнюю школу. Учителями в то время работали Иванова Галина Николаевна, Кузьмина Александра Александровна, Афоняева Нина Алексеевна, Кузьмина Анна Андреевна, Югова Людмила Петровна, Кузнецов Анатолий Александрович, Вергеева Федора Ильинична, Свердлова Валентина Михайловна, Четвернина Мария Георгиевна.

В 1963 году в селе Столбово вновь перемены. 19 января по просьбе колхозников наш колхоз им. Кирова был переименован в колхоз им. XXII Партсъезда. Колхоз внёс большой вклад в развитие села. Была построена просторная школа, открывшая двери ученикам со второй четверти 1963 года. В те годы преподавали учителя: Вергеева Федора Ильинична, Кузьмина Александра Александровна, Кузьмина Анна Андреевна, Иванова Галина Николаевна, Тетерюк Людмила Петровна, Литвякова Маргарита Михайловна, Тырина Валентина Анатольевна.

В этой школе учились мои дедушка и бабушка, мама и папа, – а я пошла учиться уже в новую, двухэтажную школу на 192 места, открытую 1 сентября 1993 года. В ней были просторные классы, большой спортзал, столовая, актовый зал и мастерские. Большой вклад в обучение и воспитание учащихся внесли все учителя, которые в разные годы работали в нашей школе: Андреева Надежда Константиновна, Филиппова Надежда Леонидовна, Новикова Светлана Ивановна, Яковенко Ольга Владимировна, Филиппов Валерий Николаевич, Кожевникова Любовь Васильевна, Дружинина Валентина Михайловна, Вавилова Елизавета Васильевна, Сергеева Людмила Васильевна, Сергеев Валерий Александрович, Богданова Людмила Юрьевна, Засыпкина Татьяна Рудольфовна, Байсакалова Елена Александровна, Рожкова Светлана Владимировна, Тетерюк Евгений Леонидович, Колесников Сергей Владимирович, Бихтяева Ирина Андреевна, Балабаева Екатерина Николаевна, Филиппова Ольга Ивановна. Директором школы с 1987 года и до закрытия работал Новиков Валерий Геннадьевич.

До приостановки работы нашей школы (2022 г.) продолжали воспитывать и нести знания ученикам наши уважаемые педагоги – Ушакова Людмила Васильевна, Новиков Валерий Геннадьевич, Андреева Галина Леонидовна, Лаврентьева Антонина Петровна, Пудовкина Оксана Николаевна, Шашкова Марина Николаевна, Сединина Наталья Владимировна.

Среди выпускников Столбовской школы есть люди разных профессий: врачи и учителя, сотрудники МВД, медсёстры и фельдшеры, оперный певец

и работники культуры, сталевары и металлурги, летчик, водители и механизаторы, кадровые военные, агрономы и ветврачи и много других специальностей. Наша школа продолжала бы открывать свои двери ученикам 1 сентября, но увы, детей школьного возраста в селе осталось всего 9 человек, а потому содержать большую двухэтажную школу стало нерентабельно... В настоящее время школа не работает, но её историю надо знать обязательно, так как она является связующей нитью между поколениями. Люди, забывающие своё прошлое, не имеют будущего. Вся наша история (в данном случае – история школы) – это память. Хранить память, знать историю – наш нравственный долг перед самим собой и перед будущими поколениями.

Список использованного материала:

1. Е. Морозов. Шумихинский край в прошлом и настоящем». Учебное пособие. Шумиха, 1999 г.
2. Книги педсоветов Столбовской школы.
3. Воспоминания учителей – ветеранов школы и старожилов села Столбово.
4. Фотографии жителей села.
5. Книги приказов Столбовской школы и отдела образования Шумихинского района.

История Столбовской школы в фото

Ученики и учителя Столбовской школы. 50-е гг. прошлого века

История Столбовской школы в фото

Вергеева Ф. И. со своими учениками. 60-й год прошлого века

*Педколлектив в 1960-е годы. Верхний ряд: Кузьмина Александра Александровна, Иванова Галина Николаевна, (не точно) Свердлова Валентина Михайловна, Четвернина Мария Георгиевна.
Нижний ряд: Хохлова Анна Фроловна, Кузьмина Анна Андреевна, Вергеева Федора Ильинична, Тетерюк Людмила Петровна.*

История Столбовской школы в фото

Кузьмина А. А. с учениками. 1960-е гг.

Иванова Г. Н. с учениками. Примерно 1950 год

История Столбовской школы в фото

Тырина В. А. со своим классом. Примерно 1970 год

Педагогический коллектив в 1980-е годы

История Столбовской школы в фото

Ушакова Л. В. с второклассниками. 2010 год

Директор школы Новиков В. Г.

История Столбовской школы в фото

«Бессмертный Полк» готов к шествию. 2016 г., возле школы

Вот такая она – наша школа

II место (средняя группа)

Головин Анатолий Артурович (Мишкинский МО)

*Наставник – Онучина Светлана Васильевна,
библиотекарь*

Нацизму и неонацизму – нет!

Сегодня молодёжь на общественных началах принимает активное участие не только в социальной, экономической и политической жизни нашей страны, но и в жизни различных слоёв населения: от детей до лиц пожилого возраста.

В настоящий момент молодёжь объединилась для борьбы с неонацизмом, продолжая традиции советской подпольной антифашистской комсомольской организации юношей и девушек «Молодая гвардия», действовавшей в годы Великой Отечественной войны (с сентября 1942 по январь 1943 года), в основном в городе Краснодоне (ныне Сорокино) Ворошиловградской области Украинской ССР. «Молодая гвардия» просуществовала всего полгода, но и за это время было сделано очень много: участники расклеили 30 антифашистских листовок общим тиражом более 5 тысяч экземпляров; собрали 15 автоматов, 80 винтовок, 10 пистолетов и около 15 тысяч патронов к этому оружию, а ещё 300 гранат и 65 килограммов взрывчатки; организовали диверсии по подрыву здания дирекциона № 10 – местной конторы немецкого «Восточного общества по эксплуатации каменноугольных и металлургических предприятий» – на немецкую грузовую машину, шедшую на фронт с новогодними подарками для солдат.

История нашей страны хранит память о беспримерном подвиге молодогвардейцев приподжоге биржи труда («чёрной биржи», как её окрестили в Краснодоне), где хранились списки и рабочие карточки-«аусвайс» на юных жителей района, которых фашисты однажды должны были втолкнуть в грязные торговые поезда и вывезти на каторжные работы в ненавистную Германию. Благодаря Сергею Тюленину, Любе Шевцовой и Виктору Лукьянченко это «гнездо рабства» полыхало до рассвета, а утром от биржи труда остался лишь черный сгоревший остов. Эта дерзкая операция спасла от угона в Германию около двух тысяч юношей и девушек Краснодона.

Не забыть нам и о подвиге Сергея Тюленина перед лютеранским Рождеством, когда он после окончания киносеанса, спрятавшись за сцену в клубе, снял фашистский флаг со свастикой, обмотал его вокруг себя, надел пальто и вылез наружу через драпировочную комнату. Стяг хранился у Кошевых, но при обыске знамя не нашли.

Краснодонское молодёжное подполье объединило в своих рядах 71 человека: 47 юношей и 24 девушки в возрасте от 14 до 29 лет, в подавляющем своём большинстве – старшеклассников. В составе организации были русские, украинцы (в том числе казаки), армяне, белорусы, евреи, азербайджанец и молдаванин. На судьбе одного из участников молодой гвардии остановимся более подробно.

Виктор Фёдорович Субботин родился 20 апреля 1924 года в городе Краснодоне (ныне Сорокино) в семье шахтёра. В октябре 1942 года по рекомендации Ивана Туркенича вступил в подпольную организацию «Молодая гвардия». Участвовал во многих боевых операциях: собирал оружие, распространял листовки, вёл агитацию среди населения в прилегающих посёлках. Когда в январе 1943 года были арестованы многие молодогвардейцы, Виктор Субботин не ушёл из города. Пытаясь помочь товарищам, он стремился организовать побег из фашистских застенков, но был схвачен утром 31 января – в день казни молодогвардейцев, – а затем этапирован в город Ровеньки (ныне город на территории Луганской Народной Республики). 9 февраля 1943 года после страшных пыток и истязаний измученного, но не сломленного молодогвардейца Виктора Субботина расстреляли в Гремучем лесу.

Виктор Фёдорович Субботин посмертно награждён медалью «Партизану Отечественной войны» I степени. Герой навеки остался молодым 18-летним юношей, отдавшим свою жизнь за свободу и независимость.

Неонацизм XXI века имеет несколько иные очертания, но суть остаётся прежней, и мы все должны противостоять этому злу: кто-то – в учебных аудиториях, кто-то – на заводах, а кто-то – и на поле боя спецоперации. Один из таких борцов – двадцатидвухлетний капитан Алексей Панкратов из села Донецкое Переволоцкого района Оренбургской области.

Командир зенитного ракетного дивизиона капитан Алексей Панкратов происходит из настоящей династии героев. Все его прадедушки с доблестью прошли Великую Отечественную войну. С первого дня проведения специальной военной операции по защите Донецкой и Луганской народных республик капитан Алексей Станиславович Панкратов выполнял задачи по прикрытию отдельной мотострелковой бригады от авиации противника. 28 февраля на позиции вооружённых сил РФ капитан Панкратов смог грамотно организовать оборону. В итоге российским противовоздушным силам удалось сбить один украинский самолёт «Су-25», а также пять беспилотных летательных аппаратов «Байрактар», что позволило не допустить атаки с воздуха по позициям российских мотострелков.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении боевого задания во время спецоперации на Украине, Указом Президента Российской

Федерации от 4 марта 2022 года командиру зенитного ракетного дивизиона капитану Алексею Панкратову присвоено звание Героя России. За совершённый подвиг Алексея Панкратова с уважением называют «Гроза беспилотников».

Прошли года, но подвиг молодогвардейцев и сегодня живёт в героях России, находящихся на спецоперации и сражающихся за наше будущее. Александр Фадеев написал о героях роман «Молодая гвардия», по которому С. Герасимов позже поставил одноимённый фильм. Именами героев названы сегодня многочисленные улицы, площади, организации; им установлены памятники; о них созданы новые художественные и документальные киноленты, поставлены спектакли. Отвага и героизм молодогвардейцев отражены в изобразительном и музыкальном искусстве. Сейчас, когда на их родной Луганской земле вновь проливается кровь, следует помнить о том, что мы потомки «Молодой гвардии» – тех, кто когда-то ради нашей с вами жизни отдали свои!

Специальные призы (средняя группа)

Иванова Елизавета Алексеевна (Кетовский МО)

«За отличную исследовательскую работу»

Родная улица моя (исследовательская работа)

Я живу в удивительном селе Кетово, которое в будущем году будет отмечать 320 лет со дня основания. Свою работу я посвящаю юбилею родного села.

...Ни название не ново.
Триста лет уже с лишкóм
наше русское Кетово
ходит бором да пешком
вдоль по улицам красивым
да бульварам золотым,
то ли очень уж счастливым,
то ли светлым и святым...

А. Панченко

Да, село начинается с улиц. Они, как и люди, рождаются и мужают, вбирают в себя многообразие жизни, её историю. Улица – это и память прошлых лет, и наш сегодняшний день, и взгляд в будущее.

Я живу на ул. Советская. Мне очень интересна её история, которую я попыталась выяснить. Результатами своего исследования я хочу поделиться с вами.

Цель моей работы:

- Изучить историю улицы Советская.
- Познакомиться с людьми, которые жили в прошлом на этой улице, и которые живут и работают сегодня.

Для достижения поставленных целей и задач я использовала следующие *методы*: изучение литературы; архивный материал; интервьюирование старожилов улицы; письменные ответы респондентов на вопросы; сравнительный анализ.

В 1947 году в с. Кетово было всего три улицы: Советская, Коли Мяготина и ул. им. Кагановича, позднее переименованная в улицу Ленина.

Села Кетово улицы родные
Стоят в тени зелёных тополей,
В цветах и солнце домики резные,
И нету сердцу улиц тех милей.

А сколько же сегодня улиц в Кетово? Чтобы узнать об этом, я отправилась в администрацию Кетовского сельсовета. И вот что мне там рассказали. Оказывается, в Кетово 69 улиц. Самая длинная – улица Ленина: её протяжённость – 2 км 608 м. А самые короткие – переулки Новый и Сосновый, длина которых всего 80 метров.

А какие красивые названия у наших улиц! Сиреневая, Соловьиная, Рябиновая, Солнечная, Звёздная, Весенняя, Тихая, Мирная...

Многие улицы названы по местности, где они расположены. Так появились улицы Лесная, Луговая, Полевая, Степная, Зелёная, Боровая; переулки Сосновый и Тополиный, Береговая, Заозёрная, Заречная Набережная, Подгорная.

Часть улиц названы по тем предприятиям, которые на них находятся – ведь жилые дома в основном строились для людей, которые трудились на этих предприятиях. Так появились улицы Заводская, Пожарная, Промышленная, Энергетиков, Школьная, Больничная.

Три улицы нашего Кетово носят имена писателей: улицы Пушкина, Некрасова и Горького.

Некоторые улицы названы в честь политических деятелей: Ленина, Красина, Томина, Пичугина.

Есть в нашем селе и улицы, которые названы в честь наших земляков. Одна из самых больших улиц в нижней части с. Кетово – ул. Коли Мяготина, названная в честь пионера-героя из с. Колесниково. Улица Бородина названа в честь Бородина Ивана Нифантьевича, одного из основателей с. Кетово. Улица Макарова носит имя первого секретаря комсомольской ячейки Филиппа Матвеевича Макарова, который был направлен в 1919 году участ-

ковым милиционером в село Утятское для борьбы с бандитизмом, а в 1921 году погиб от рук бандитов.

А я приглашаю вас в гости на свою улицу Советскую.

Работая над этой темой, я побывала в Кетовской детской и центральной библиотеках, в музее ДЮЦ, в краеведческом отделе Областной библиотеки им. Югова, Кетовском и Курганском архивах.

Я знакомилась с краеведческой литературой, просматривала старые подшивки газет. Но самые ценные данные я получила, встречаясь со старожилыми села, которые жили или работали на нашей улице, и записывая их воспоминания. За это большое спасибо:

- Антоновой Ларисе Леонидовне,
- Бетиной Геле Георгиевне,
- Бобкову Геннадию Тихоновичу,
- Евдокимовой Елизавете Августовне,
- Карпенковой Марии Васильевне,
- Кашиной Вере Афонасьевне,
- Козинцевой Людмиле Викторовне,
- Козинцеву Владимиру Васильевичу,
- Мирошниченко Раисе Андреевне,
- Павловой Любове Васильевне,
- Пожарицкой Елене Александровне,
- Поповой Галине Августовне,
- Родионовой Галине Юрьевне,
- Семёновой Анне Михайловне,
- Холькиной Вере Васильевне.

Почему улица так названа?

Улицы с таким названием есть, наверное, в каждом населённом пункте. Своим названием они обязаны установлению советской власти в нашей стране, о которой когда-то так и говорили – «Страна Советов».

Протяжённость улицы (по данным Администрации Кетовского сельсовета) – 2021 м.

А как всё начиналось?

Вот что рассказывает **Лариса Леонидовна Антоновна**.

«Мои родители поселились на нашей улице в 1947 году (фото 1). Сначала жили в землянке. Таких землянок на улице после войны было много. Потом построили на её месте дом – раньше такие дома называли пятистенками (фото 2).

Дальше, «до горы», никаких построек не было. Было поле, на котором росло очень много васильков. Улица эта считалась центральной в Кетово, поскольку на ней располагались райком партии, типография, милиция. Дядя Ларисы Леонидовны, который тоже жил на нашей улице, работал в милиции конюхом».

Кетовский ОВД

Кетовский ОВД был создан на основании Приказа НКВД СССР № 00268 от 11.02.1943 года. Располагался в здании по ул. Советская, 55.

Первым начальником ОВД был назначен И. Н. Веретенников. Под его руководством в 1943–44 гг. шло формирование отдела внутренних дел.

Ветераны: Манаков Н. А., Черепанов А. Т., Щелконогов Н. В., Жунин И. М., Назаренко И. А., Мурашов С. И., Рухлова З. Я., Лаптев А. М., Островский С. А., Копасов Н. С., Брюшков Г. И., Бутинцев Ю. Д., Жданов А. Б., Прибытков Г. С., Луценко С. А., Плотников А. А., Юрченко В. У., Юрченко П. И. и др.

Различные службы вели и ведут сегодня борьбу с преступностью и поддерживают правопорядок на территории всего района.

Районное отделение милиции размещалось в этом здании с 1944 по 1968 год.

14 апреля 2015 года на нашей улице состоялось знаменательное событие. На здании по ул. Советской, 55 была установлена мемориальная доска, чтобы о факте расположения первого здания милиции знали не только местные сотрудники внутренних дел, но и все жители района (*фото 3*). На празднике присутствовал Николай Кремлёв, бывший начальник Кетовского районного отделения милиции Курганской области (*фото 4*). Он рассказал:

«Сидели, как говорится, один на другом. Дежурная комната была очень маленькая. Самый большой кабинет был мой, там же собирался личный состав на все планёрки и совещания. Внизу располагалась маленькая дежурная часть: там были только стол и стулья. Рядом был небольшой кабинетик – ГАИ. В этом же здании ютились участковые, следователи, оперативники и даже паспортисты».

«Это для нас историческое здание: сюда приходили фронтовики 40-х годов, которых комиссовали по ранению. Здесь они продолжали работать и бороться с преступностью. Всего 13 человек, три лошади и один ходок», – поведал председатель Совета ветеранов УМВД России по Кетовскому району Виктор Менщикова.

Позднее на этом месте расположилась Кетовская музыкальная школа.

Музыкальная школа

Музыкальная школа образовалась в 1964 году. Это был небольшой дом рядом с сегодняшней Центральной библиотекой. В нём всего четыре классных комнаты. Именно здесь путь в музыку начали первые ученики Кетовской музыкальной школы. Школу возглавила М. А. Стрекаловских. Она же обучала детей игре на фортепиано.

В год открытия к занятиям в первом классе приступило 20 учеников.

А вот в 1968 году музыкальная школа переехала на ул. Советская, в здание сегодняшней редакции газеты. Бывшее здание музыкальной шко-

лы отдали под детский сад. Его в народе так и называли – «музыкалка». Там располагались ясельные младшие группы детского сада «Звёздочка». Туда ходил мой папа, когда был маленьким.

В новой музыкальной школе вместо четырёх классов стало восемь. Открылись классы скрипки, аккордеона, домры, балалайки.

С 1967 года школу возглавила Галина Дмитриевна Карасёва – Заслуженный работник культуры, Почётный гражданин Кетовского района (*фото 5*). Лишь в 1982 году Кетовская музыкальная школа переехала на ул. Ленина. Сегодня на месте, где располагалась в сороковые годы милиция, а позднее – музыкальная школа, находится редакция газеты «Собеседник» (*фото 6*).

Редакция газеты «Собеседник»

Ни один район невозможно представить себе без газеты. 14 марта 1944 года, вскоре после образования в составе Курганской области нашего района, постановлением областного комитета ВКП(б) была организована Кетовская районная газета «Красное знамя». Она, как и все средства массовой информации в советский период, находилась под строгим контролем партийных органов.

Первый номер Кетовской районной газеты «Красное знамя» вышел в мае 1944 года. Это явилось событием огромной важности в жизни района – ведь на страницах газеты отображалась летопись района.

Редактором новой газеты была назначена Августа Петровна Насонова – член ВКП(б) с четырнадцатилетним стажем работы в печати (*фото 7*). Ей предстояло в тяжелейших условиях военного времени начать издание районной газеты тиражом 900 экземпляров.

В годы Великой Отечественной войны главными темами «Красного Знамени» были хроника боевых действий и положение дел в колхозах района. Фронтные сводки корреспонденты принимали по радиосвязи. Однако радиоприёмник в Кетово не работал, и принимать радиogramмы надо было ходить на Увал за четыре километра.

Материалы о событиях в районе А. П. Насонова собирала в одиночку. Ни лошадей, ни машин не было, и в командировки она ходила пешком – и в Колташево, и в Падеринку. Вставала в четыре утра.

Сама газета «Красное Знамя» печаталась на одном листе бумаги с лицевой и оборотной стороны. Бумага, привозимая из Кургана, подлежала строгому учёту. Отпечатанные газеты в первую очередь распространяли по организациям и колхозам Кетовского района, однако в годы войны существовала и частная подписка.

Кетовская районная газета была организована в тяжелейший для нашей страны период. В годы Великой Отечественной войны небольшой

коллектив редакции и типографии самоотверженно трудился на благо нашего района, преодолевая все трудности.

С января 1945 на протяжении четырёх лет газетой руководил Николай Ивольевич Кислицын.

В разные годы газету возглавляли Кислицын Н. И., Цубрюк В. М., Васькина П. М., Жмыхов И. Г., Пурин И. Ф., Бухтоярова А. А., Дерягина Г. А., Попов И. В., Трубин В. П., Трубин П. С.

Тираж газеты в первые годы составлял 900 экземпляров. В дальнейшем газета стала называться «Новая жизнь», с 1962 года – «Ленинский путь», а с 1 января 1992 года – «Собеседник».

В апреле 1962 года газета (теперь получившая название «Ленинский путь») стала обслуживать 7 районов, а редактором был утверждён С. Ф. Мезенцев. Затем редакторами были А. Г. Ульянов, Г. П. Устюжанин, Ф. Е. Юдкин, Н. В. Куровская, А. М. Серков, Ф. Ю. Рабинович.

Корреспондентами работали Н. А. Маслов, Т. Б. и И. Я. Осиповы, А. А. Федотов, Н. П. Карасёв, Л. М. Серкова, Т. И. Шух и другие.

В ноябре 1986 года газету возглавил Михаил Григорьевич Кантауров. В это время в газете работали такие журналисты, как Татьяна Ивановна Тепикина, Анатолий Иванович Канашов, а также заместитель редактора Корецкий Владимир Потапович.

Затем главным редактором была назначена Ирина Ивановна Потапова. Именно при ней в газете появилась детская страничка «Настроешка».

Сегодня обязанности главного редактора исполняет А. В. Парфёнова.

Несколько лет назад мне удалось побеседовать со старожилом с. Кетово Геннадием Тихоновичем Бобковым (*фото 8*). Он жил в Кургане, и тогда ему было 6 лет.

Бобков Геннадий Тихонович родился 6 февраля 1932 года. С осени 1956 по весну 1959 года он работал корреспондентом газеты «Красное знамя». Геннадий Тихонович вспоминает:

«Материал для газеты получали из Кургана и даже Москвы. В редакции даже фотоаппарата не было. Использовали готовые тексты и фотографии. Типография перепечатывала информацию с фотографиями, доводя её до населения».

На тот момент директором типографии был Сивков, сам же Геннадий Тихонович жил напротив типографии в доме наискосок. Этот дом ранее принадлежал кулаку. Позже дом разделили на две половины: в одной части жил прокурор, а в другой, с круглой печкой посередине комнаты и холодными сенями, жил Г. Т. Бобков.

До 1 января 2000 года газета печаталась в Кетовской типографии (*фото 9*).

Кетовская типография

Типография была создана в 1944 году одновременно с редакцией. Фактически редакция и типография составляли единую организацию: располагались в одном помещении и имели общее руководство в лице А. П. Насоновой. Редакция и типография, по воспоминаниям Валентины Андреевны Нестеровой, которая в 1944–1945 годах работала верстальщицей, занимали небольшой крестовой дом. В одной комнате был наборный цех, в другой – печатный; в сенях резали бумагу. Ещё в одной комнате жили редактор Августа Насонова с двумя детьми, её сестра и помощница в работе Валентина Фёдорова с сыном, верстальщица Валентина Нестерова и ответственный секретарь газеты Тамара Речкина.

В течение 10 лет с момента образования редакции и типографии в Кетово все печатные работы осуществлялись вручную. Работать приходилось и ночью при слабом свете керосиновых ламп.

Вспоминает В. А. Нестерова (газета «Собеседник», 12 марта 2015 г.)

Валентина Андреевна Нестерова (*фото 10*) начала работу в 1944 г. наборщиком текста. После небольшого перерыва, когда уезжала на родину, к родителям, снова приступила к работе в газете «Красное Знамя». Проработала 50 лет.

«Всё вручную, да при лампах-то, да при дыме! Лампы дымят, мы ночь стоим! Дышим. Рассветает утром – у нас все лица в саже от ламп. Хохочем! Бежим на озеро рядом умываться, а зимой – к умывальнику!».

Наборщицами в тот период трудились девушки-подростки Анна Усольцева, Раиса Останина, Мария Иванова, Зоя Пустозёрова; печатницами были Галина Барина и Анастасия Воденникова. Кроме газеты печатали хлебные карточки, которые принимал единственный в то время магазин, расположенный в д. Санина.

За вредные для здоровья условия типографской работы сотрудники в селе Нижнее Утятское получали шесть литров молока в неделю, после чего на лодках с полными вёдрами переправлялись через Тобол обратно в Кетово.

С продукцией Кетовской типографии жители сёл и деревень района, предприятия и организации были знакомы не понаслышке. Руками специалистов высокой квалификации многие годы набиралась, версталась и печаталась районная газета «Собеседник», изготавливались различные бланки, ведомости, квитанции и другая продукция. Сколько кропотливого труда затрачивалось на выпуск всего этого, сколько вкладывалось души и творчества! Делали газету и другую продукцию такие мастера, как метранпаж Нестерова В. А., всю жизнь проработавшая в типографии, печатник

Емельянов А. Г., переплётчица Стрельникова А. Г., машинист резальных машин Годовых П. В.

Многие годы типографию возглавляла Лидия Васильевна Сазонова. Под её руководством коллектив Кетовской типографии был неоднократно победителем во Всероссийском соревновании, ему вручали Переходящее Красное знамя Совета Министров и ВЦСПС. Много раз Кетовская типография была победителем среди промышленных предприятий района и являлась одной из лучших в области.

К сожалению, сегодня типография перестала существовать, а здания уже нет.

Продолжаем путешествие по моей улице

Ещё один важный объект, который был на нашей улице, – **Райком партии**. Здание не сохранилось. На его месте сейчас – красивые новостройки (*фото 11*).

Секретарями РК КПСС работали:

- Ощепков Андрей Александрович (апрель 1944 – сентябрь 1948)
- Васькин Николай Акимович (сентябрь 1948 – ноябрь 1958)
- Ваньков Михаил Георгиевич (ноябрь 1958 – ноябрь 1959)
- Дегтярников Михаил Петрович (ноябрь 1959 – август 1961)
- Парамонов Лев Степанович (август 1961 – декабрь 1962)
- Калмыков Альберт Анисимович (декабрь 1962 – январь 1974)
- Иванов Олег Никитич (январь 1974 – октябрь 1987)
- Пестерев Михаил Николаевич (октябрь 1987 – август 1991)
- Корецкий Владимир Потапович (август 1991)

Здесь же молодёжь принимали в комсомол. Моего деда, Сергея Ивановича Иванова, приняли в комсомол тоже здесь. Он вспоминает, как волнительно и торжественно это было. К событию готовились заранее. Изучали историю ВЛКСМ (Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодёжи) – ведь надо было без запинки ответить на все вопросы, чтобы ни у кого не было сомнений, что молодой человек достоин быть в рядах комсомола. В семье моих бабушки и деда до сих пор хранится комсомольский значок.

На месте сегодняшнего кафе «Радуга» был универмаг – самый большой магазин в Кетово. А ещё раньше здесь располагалось райпо. Кетовское районное потребительское общество было создано в декабре 1959 года. Первым его председателем был Андрей Фёдорович Рыбин.

Вспоминает **Павлова Любовь Васильевна**: *«На втором этаже располагались бухгалтерия, дирекция и торговый отдел. В их подчинении были 15 сельпо, расположенных на территории района. Я в то время работала в банке и дважды в месяц приходила сюда для сверки документов.»*

А ещё Любовь Васильевна рассказала, что, когда она училась в 7 классе, ребята очень активно занимались краеведением. Эту работу возглавлял Дом пионеров. С 1 ноября 1966 года начал работать клуб «Следопыт», руководила которым старейший краевед – ветеран педагогического труда, почётный житель села Кетово Анастасия Ивановна Дудина. Анастасия Ивановна жила на нашей улице Советской. Ребята ходили по домам и собирали сведения об участниках войны. Это были воспоминания фронтовиков и их родственников, письма с фронта, а иногда и похорожки. Любовь Васильевна вспоминает, что на нашей улице жило очень много фронтовиков. Расскажу лишь о некоторых из них.

Ветераны Великой Отечественной войны – жители ул. Советской

Николай Ильич Соловьёв

Нелёгкими и долгими были фронтовые дороги у лейтенанта Николая Ильича Соловьёва. В сентябре 1938 года он был призван на действительную военную службу, а тут война. Приходилось и наступать, и отступать. Четырежды он был ранен, но не успевал подлечиться, как снова было пора в бой. Участвовал в боях на Северо-Западном, Центральном, 1-м и 2-м Прибалтийском фронтах. Участник боёв на Курской дуге. Инвалид войны. Награждён орденом Отечественной войны II степени. После войны работал инструктором РК партии.

Иван Егорович Наветкин

Капитан. Воевал на 2-м Белорусском, Западном, Волховском фронтах. Дважды ранен, контужен. Инвалид войны. Награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени.

Фёдор Фёдорович Кершев

Сержант. Воевал на Северо-Западном, Западном и Забайкальском фронтах. Тяжело ранен. Награждён орденом Красной Звезды.

Алексей Андреевич Цыганок

Старший сержант. Воевал с 1941 года на Северо-Западном фронте. Ранен. Награждён медалью «За боевые заслуги». После войны работал судьёй.

Иван Семёнович Пылков

Старшина. Воевал с 1943 года на I Украинском фронте. Контужен. Награждён орденом Отечественной войны II степени.

Дмитрий Григорьевич Камаев

Пулемётчик. Воевал с 1942 года на Северо-Западном и Калининском фронтах. Тяжело ранен. Инвалид войны. Награждён орденом Отечественной войны II степени.

Фёдор Григорьевич Камаев

Воевал рядовым в составе 149-го лыжного батальона на Калининском и других фронтах, ранен, контужен.

Василий Яковлевич Карпенков (фото 12)

Служил на Тихоокеанском флоте. Воевал с Японией. Капитан. Награждён орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией».

Труженики тыла

Мария Стефановна Банникова (фото 13) начала свою трудовую деятельность в 17 лет. Шла война. На оборонном заводе девочка-подросток точила снаряды для пушек. Работала на трёх станках. Дни превращались в ночи, но девиз «Всё для фронта, всё для победы!» помогал выстоять.

Мария Стефановна воспитала пятерых детей. Одна из них – **Галина Юрьевна Родионова**. Встреча с ней произвела на меня большое впечатление. А её воспоминания были очень интересными – ведь она прожила на этой улице целых 60 лет! Да её и саму эта тема всегда интересовала.

Галина Юрьевна вспоминает, что где-то неподалёку от них жила бабушка Екимова Ксения Георгиевна, которая приходила в гости и рассказывала ей о том, как жили в Кетово в далёкие времена. Сразу же за огородами, которые выходили в сторону верхней части села, начинались поля, а чуть подалее (на месте сегодняшней больницы) уже начинался лес. Ягод было очень много и грибов, а в озёрках – уток. В р. Щучье, что рядом с улицей, водилось очень много рыбы: щуки, ерши, караси. Их ловили целыми мешками, и это очень выручало в непростые, голодные годы. А вот на месте, где живёт сегодня Галина Юрьевна, располагались конюшни. Здесь жили очень зажиточные люди. Семья была очень большая, человек 12. Они занимались тем, что перегоняли лошадей из Казахстана в Зауралье. Здесь лошадей отмывали, приводили в порядок, давали отдохнуть и продавали в Кургане. Поэтому и земля в огороде до сих пор очень плодородная. А ещё Галина Юрьевна вспоминает, что в огороде находили очень много патронов – прямо целыми вёдрами их выкапывали. А однажды, когда проводили в дом воду, выкопали патронташ. Порох в патронах сохранился, дети его высыпали и устраивали фейерверки.

Родители Галины Юрьевны приехали в Кетово в 1956 году. Сама она родилась в 1958-м. Вспоминает, что зимы были очень снежными, не как сейчас. Одно из ярких школьных воспоминаний – демонстрации на 1 и 9 Мая (фото 14, 15, 16, 17).

Все собирались у здания школы. Она была двухэтажной, из брёвен, и находилась на месте сегодняшней музыкальной школы. Потом колоннами шли на улицу Советская, где располагался Райком партии. К ним при-

соединялись колонны, которые шли из верхней части Кетово, где располагались промкомбинат и сырзавод.

Галина Юрьевна говорит, что жили раньше очень дружно. Ходили друг к другу как домой. Улица по вечерам, когда затихала работа, гудела – ведь семьи были большие, детей было очень много.

Об этом же рассказала и **Лариса Леонидовна Антонова**. Она вспоминает, что жители улицы всегда помогали друг другу, вместе отмечали праздники и печальные события. Если кто-то строился, обязательно помогали в строительстве дома.

Геля Георгиевна Бетина вспомнила, что рядом с улицей на озере перед Новым годом устанавливали ёлку, где жители Кетово и встречали праздник. А для детей всегда делали горки.

Кстати сказать, озеро было очень чистым. Там жители брали воду для приготовления пищи. Не разрешалось ни полоскать бельё, ни мыть половички, даже нельзя было прогнать берегом корову – это сразу осуждалось. Зато сколько рыбы было в Щучьем!

Вспомнили старожилы улицы и фронтовиков, которые жили когда-то на нашей улице, и тружеников тыла, которые также приближали Победу.

Вы судьбою и жизнью красивы,
Сердцу дороги и близки –
Ветераны великой России,
Дорогие мои земляки!

С. Кокорин

Сегодня на нашей улице не проживает ни одного участника войны и труженика тыла. Но мы помним о них.

Конечно же, главное достояние улицы – её жители. И нам есть кем гордиться. Вот ещё несколько жителей улицы, о которых очень хочется рассказать.

Любовь Яковлевна Твердова (фото 18)

Вот что рассказала мне внучка Любви Яковлевны – Елена Александровна Пожарицкая: «Любовь Яковлевна Твердова родилась в д. Белое Мокроусовского района. В 1941 году она закончила Курганский пединститут и была направлена в Кетово учителем начальных классов. Пришлось в войну строить школу вместе с учениками. В трудовой книжке – только одна запись: «принята...» и «...уволена в связи с выходом на пенсию». 56 лет она отдала школе.

Награждена медалями: «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970); «Ветеран труда» (1977); «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; «50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

В 1977 году ушла на пенсию, но ещё восемь лет продолжала работать в школьной библиотеке, школьной столовой, звонковой. Школа была её вторым домом».

Кроме Любви Яковлевны Твердовой и супругов Дудиных на улице жили ещё учителя, которые вписали свои страницы в историю Кетовской школы, и которых до сих пор помнят благодарные ученики: Галина Михайловна Сухарева – учитель начальных классов, Анна Ивановна Соловьёва – учитель русского языка и литературы, Фёдор Фёдорович Кершев – учитель математики.

Ида Ивановна Столярова (фото 19)

У Иды Ивановны Столяровой очень необычная судьба. Она хотела стать юристом, закончила Свердловскую юридическую школу и работала зав. юридической консультацией, а потом нотариальной конторой. Но её всегда тянуло в культуру, и она ушла художественным руководителем в Лопатинский Дом культуры, а через два года – переехала в Кетово и устроилась на работу в районный Дом культуры, в котором проработала до самого ухода на пенсию. Старожилы вспоминают её с большой теплотой. Каких только программ не придумывала Ида Ивановна: то астролога позвёт поразмышлять над судьбой каждого, то организует встречу с интересными людьми, то просто концерт самодеятельных артистов организует, ведь задача работников культуры – дарить людям хорошее настроение.

Жили и уж совсем легендарные личности на нашей улице.

Иванов Тихон Иванович (фото 20)

На нашей улице жил Тихон Иванович Иванов. Он родился в 1886 году. Это была легендарная личность. Он служил у Будённого. Старожилы улицы вспоминают, что был он видный, статный. Носил всегда будёновку и усы как у легендарного командарма.

Тихона Ивановича считают одним из первых читателей районной библиотеки. Около 30 лет он посещал библиотеку, участвовал в проведении массовых мероприятий, читал военные мемуары и деревенскую прозу.

Не менее легендарная личность – **Попов Георгий Хрисанфович** (фото 21). Много интересного о нём и его жене Елене Михайловне рассказала их дочь – Бетина Геля Георгиевна.

Родился Георгий Хрисанфович 6 мая 1897 года в Ялutorовске. В 8 лет он остался сиротой. Батрачил. Работал у помещика. А у хозяина был сын, которого должны были призвать в армию. Вместо него пошёл служить Георгий, которому добавили два года.

Участник Первой мировой и Гражданской войн. В армии научился читать и писать. Видел Ленина.

После революции его отправили учиться в Высшую партийную школу в Москве. Отучившись, он вернулся на Родину.

В 37-м году Попова арестовали по доносу. Вызвали жену, чтобы та отказалась от него. Но всё обошлось благополучно. Кто-то из высокопоставленных чинов в Обкоме партии заступился за него, и его отпустили.

В Великую Отечественную войну у него была бронь. Работал в заготбазе, а потом собирал налоги.

В Кетово приехали с семьёй в 1947 году. Поселились на нашей улице. Семья была большая, десять детей.

Работал в Райкоме партии. Часто выступал перед детьми в школе. Его жена, Елена Михайловна, занималась воспитанием детей. Дожила до 84 лет.

Кокорин Иван Андреевич (1894 г. р.), дед Ларисы Леонидовны Антоновой, тоже был участником Гражданской войны. Бабушка, **Таисия Ивановна**, вместе со своей подругой бабушкой Пашей (Белешевой) были большими мастерицами. На кроснах (деревянном ткацком станке) они ткали выкладные половички (с узорами). Вся улица приходила полюбоваться на это чудо.

Анна Ивановна Стрельникова работала продавцом в магазине по ул. Советской и жила на этой же улице. Она выращивала цветы необыкновенной красоты, делала букеты и раздавала ребятишкам на 1 сентября. Наша «тётя Нюра», – так ласково и с любовью вспоминают о ней те, которые сегодня уже и сами в преклонном возрасте. Очень много цветов было в семьях Камаевых, Дудиных, Лукьяновых. В палисадниках цвели черёмуха, сирень, яблони-дички.

Лариса Леонидовна рассказала про **Чулакову Тамару**. Она всю жизнь проработала в Кетовской типографии. Одна воспитывала троих детей. Надеяться особо было не на кого. Но по жизни она была человеком очень весёлым, всё время с шутками да прибаутками. Сама выстроила себе рядом с типографией дом. Ребятишки бегали смотреть, как она рубила пазы в брёвнах, конопатила мхом, крыла крышу, – настоящая сибирячка!

Старожилы говорят, что на улице Советской сохранилось много домов, которым по 50–70 лет – ведь раньше строили очень добротно. Сейчас эти дома облагорожены сайдингом и черепичными крышами.

В доме 1 по улице Советской жили прадед и прабабушка Юли Савичевой. Об этом рассказала районная газета «Собеседник» 14 мая 2015 года. Прадед был фронтовик. Звали его **Георгий Григорьевич Быков**.

Вот такие они, мои земляки, жители улицы.

История улицы продолжается. Сегодня её пишут люди, которые на ней живут.

У каждого человека есть место на земле, которое ему особенно дорого. Для меня это – моя родная улица. Сколько нового и интересного я узнала о ней!

Кстати, вот ещё один факт. 1947 год запомнился большим наводнением. Уровень воды тогда поднялся до отметки 1083 см. В 1994 году такое же наводнение повторилось. И конечно же, моя улица, которая находится в нижней части с. Кетово, в эти годы очень пострадала. Это – тоже страничка её истории.

Галина Юрьевна Родионова вспоминает, что было ещё одно наводнение, от которого пострадала улица Советская. Ей рассказывал её папа. Вода затопила всю улицу. Люди жили на крышах. Это было в 1957 году. Вспомнила это наводнение и **Анна Михайловна Семёнова**: она говорит, что тогда уже появились надувные резиновые лодки, на которых и передвигались. Но вода быстро ушла. В архивах курганского краеведа **Б. Н. Карсанова** сказано, что уровень воды в Тоболе в тот год поднимался до отметки 916 см.

Улица Советская

С детства мне милей.

Люди здесь улыбкивей,

Солнце – веселей.

Улицей своею

Я хочу гордиться.

Всё, о чём узнала я,

Пусть в жизни пригодится.

Я пока не знаю, впишу ли свою строчку в историю родной улицы. Но я буду очень стараться!

Елизавета Иванова

Список литературы:

1. 300 лет Кетово / редактор-составитель Л. Антонова.– Кетово, 2003. – 77 с.
2. 50 лет району / ответственный за выпуск Федотов А. А. – Кетово, 1993.
3. 70 лет Кетовскому району / авторы-составители С. Кокорин, В. Новиков. – Кетово, 2013. – 112 с.
4. Книга Памяти 1941–1945. Курганская область. – Т. 2. Кетовский район / составители В. Г. Корсунов, М. П. Дмитриева.– Курган, «Парус–М», 1995. – 307 с.
5. Они ковали победу / составитель Г. П. Устюжанин. – Курган, «Парус–М», 1999. – 359 с.
6. Подшивки газет «Красное Знамя» (1945–1957), «Новая жизнь» (1958), «Ленинский путь» (1962, 1990–2000).
7. Раков А. И. Уходит жизнь, приходит память... – Кетово, 2005. – 56 с.
8. Слава тебе, солдат России! / составители А. Пономарёв, Т. Тепикина. – Кетово, 1995. – 47 с.

Приложение

Фото к работе «Родная улица моя»

Фото 1.
Нина Ивановна
и Леонид Иванович
Кокорины.
50-е годы

Фото 2.
Дом Л. Л. Антоновой

Фото 3.
Установление
памятной доски

Приложение

Фото к работе «Родная улица моя»

Фото 4. Н. Кремлёв

Фото 5. Г. Д. Карасёва

Фото 6. Редакция газеты «Собеседник»

Приложение
Фото к работе «Родная улица моя»

Фото 7. Насонова А. П.

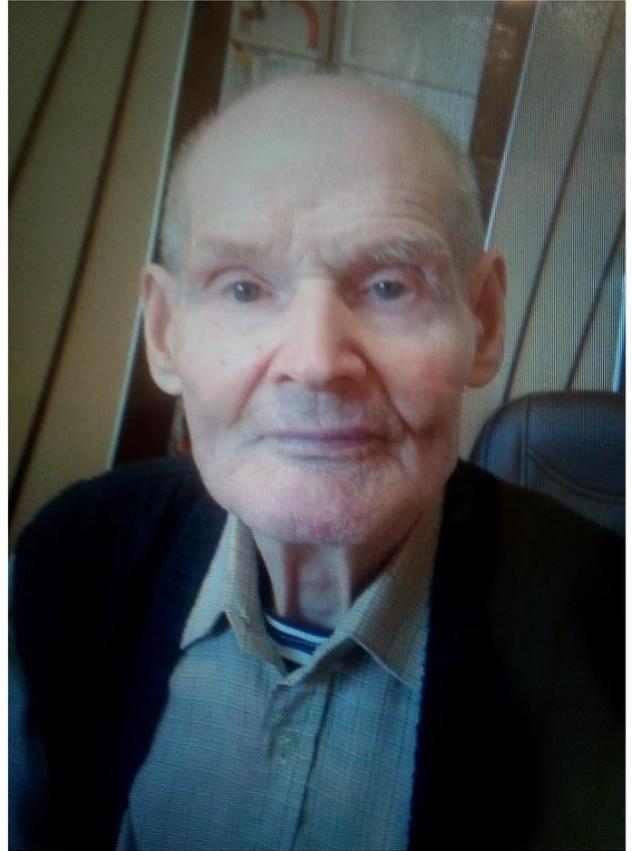

Фото 8. Бобков Г. Т.

Фото 9. Кетовская типография

Фото 10. Нестерова Валентина Андреевна

Приложение

Фото к работе «Родная улица моя»

Фото 11. Новостройки

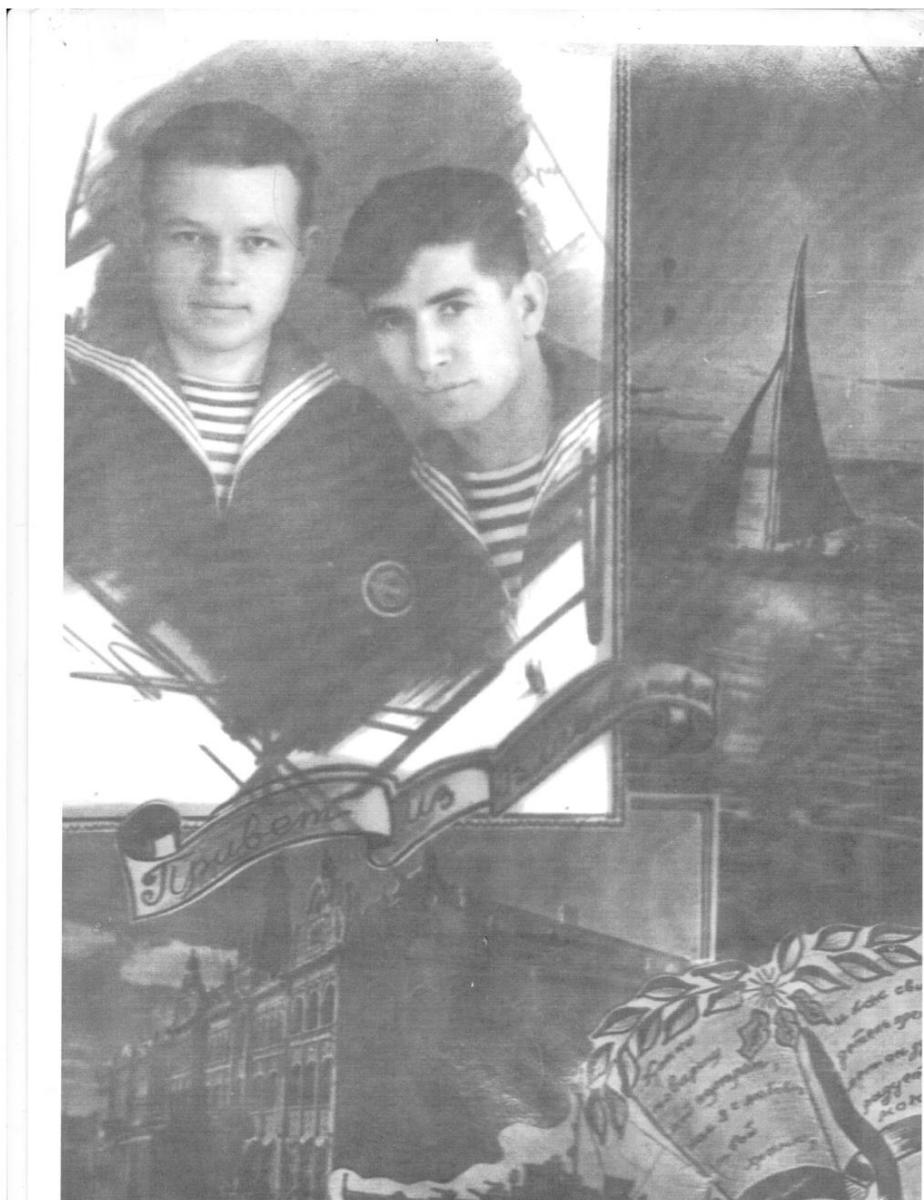

Фото 12.
Карпенков В. Я.

Г. Владивосток.
Бухта «Горностай».
1949 г.

1-я Тихоокеанская
гидрографическая
экспедиция.

Рулевой
промерного
отряда

Приложение

Фото к работе «Родная улица моя»

Фото 13. Банникова М. С.

Фото 15. Демонстрация

Фото 16. Демонстрация

Фото 14. Демонстрация

Фото 17. Демонстрация

Приложение

Фото к работе «Родная улица моя»

*Фото 18. Твердова Л. Я.
в возрасте 18 лет*

*Фото 19. Вокальная группа «Журавушка».
1994 год. В центре – Столярова И. И.*

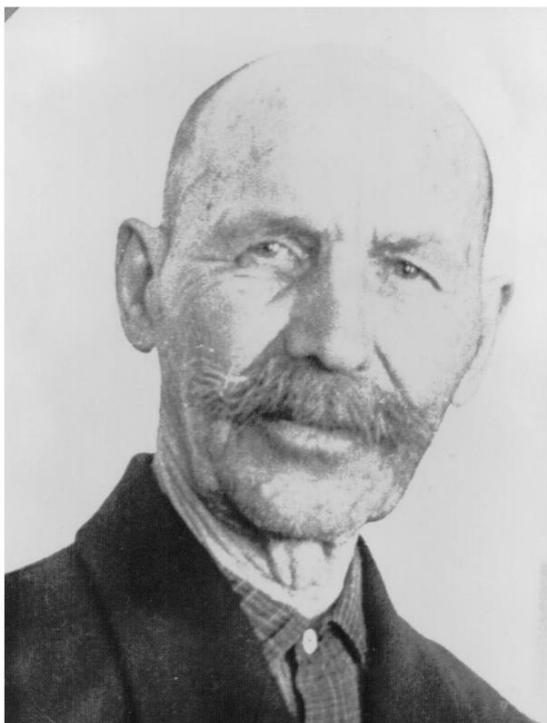

Фото 20. Иванов Тихон Иванович

Фото 21. Попов Г. Х.

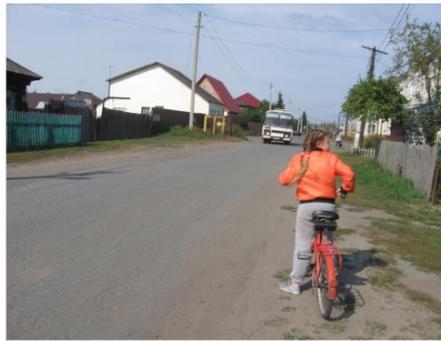
Приложение

Фото к работе «Родная улица моя»

Фото 22. Заметка о наводнении

Улица Советская

Яблонских Юлия Витальевна (Шумихинский МО)

«За хорошее знание истории»

Путь к недостижимым звёздам

*Всё великое в этом мире делают люди,
которые умеют мечтать о невозможном.*

Фрэнк Ричардс

Познаваем ли мир? Кто и когда узнает всё, что можно узнать, придумает всё, что можно придумать? На протяжении многих столетий мужчины пытались узнать и изучить многие невероятные явления, придумать невиданные ранее вещи. Появлялись учителя, школы, академии, мир не стоял на месте! Однако это занятие было не для всех... Девушки не только не представляли, что такое химия или физика, – они не могли самостоятельно писать и читать. «Хрупкая головешка дамы не сможет понять сложного мира, – говорили они, – не к чему утомлять хорошенькую особу тяжкими думами». Но были и женщины, которые не знали рамок. Они не были заложницами своего времени – они шли прямо, прямо к знаниям, к недостижимым звёздам!

Дашкова Екатерина Романовна родилась в 1743 году. Девочка с детства пристрастилась к чтению. Ко времени свадьбы собрание её книг было чуть меньше тысячи, и среди них не было места сентиментальным романам. Её живой ум манила философия, политика, иностранные языки, особый интерес вызывала математика. Современники девушки недоумевали, почему же она весь день проводит за чтением. Зато её начитанность оценила Екатерина Великая, которая ещё не раз будет обращаться к Екатерине малой за мудрым советом. Начали проявляться и её индивидуальные качества характера: впечатлительность на детали, самоуверенность, независимость от мнения даже вышестоящих людей и, конечно, её открытость. Екатерина не стеснялась говорить всем людям правду такой, какая она есть. Исключением не были и сама императрица – Екатерина II, и бывший император – Пётр III.

В 1768 году Екатерина Дашкова отправилась в путешествие по России, а потом и по Европе. В поездке писала стихи на русском и французском языке и регулярно общалась с Ж.-Ж. Руссо, А. Смитом, Д. Дидро, Вольтером и многими другими учеными и философами, в чьих домах о ней уже были наслышаны, уважали и тепло принимали. Они видели в ней не хрупкость застенчивой девушки, а равного им человека. Молодая Екатерина схватывала на лету все иностранные новшества, чтобы привезти их с собой на родину. К сорока годам Екатерина имела огромный багаж знаний и регулярно выпускала свои сочинения. Она, словно Михаил Ломоносов, шаг за

шагом прошла, казалось бы, непреодолимый путь до науки. Каждый день, каждый вздох, я уверена, был посвящён познанию мира. Она жила этим!

И вот результат ежедневных стараний – Екатерине Дашковой доверено руководство Академией наук! Стоит отметить, что она первая женщина в мире на этой должности, и после неё ещё не скоро родится такая же амбициозная девушка. За 12 лет она превратила, по её словам, «полуразваленную телегу» в Академию, достойную Российской империи. Екатерина наладила финансы, сдавала пустующие подвалы, способствовала возобновлению работы типографии, усовершенствовала саму систему обучения. Мало того: эта предприимчивая особа создала Российскую академию наук, посвящённую изучению русского языка, так как хотела, чтобы он стал одним из ведущих в мире. Дашкова разработала толковый словарь, который А. С. Пушкин потом назовёт «величайшим вкладом в русскую культуру», стояла у истоков основания журнала «Собеседник любителей русского слова». Теперь наука всей страны была в её руках!

Кто бы мог подумать, что девушка, представительница слабого пола, так сильна?! Она перевернула мир, доказала всему человечеству, что стремление к знаниям не определяется половой принадлежностью. На протяжении всей жизни Екатерины её быстрый и хитрый ум цеплялся за ещё не известные вещи, искал ответы на открытые вопросы, развивался сам и развивал Россию. По моему мнению, она родилась обычной девочкой, таким же ребёнком, как и все, – однако вошла в историю государства необычной и притягательной личностью. Как же Екатерине Дашковой это удалось? Всё просто... Она смотрела вверх – на звёзды, не переставая идти к ним, – и дошла!

Карманов Руслан Леонидович (Мишкинский МО)

«За оригинальность оценки творчества Виктора Потанина»

Отражение темы материнства в рассказе Виктора Фёдоровича Потанина «Семья»

Чем же прекрасна региональная литература? Произведения, которые не получили столь широкую огласку и популярность в стране, а также писатели, создавшие их? Ведь даже в таких, столь неизвестных, трудах кроется огромный смысл и множество идей их авторов.

Одним из таких писателей стал Виктор Фёдорович Потанин. Родился он в селе Утятское Глядянского района Челябинской области (ныне При-

тобольного района Курганской области) 14 августа 1937 года в семье учителей. Писатель был кровно связан с деревней. Отец – Фёдор Степанович – погиб в первый год Великой Отечественной войны, а мать – Анна Тимофеевна – овдовев, осталась учительствовать в селе.

Первая повесть Виктора Потанина «Наследник молодёжи» вышла в издательстве «Советская Россия» в 1967 году. За годы плодотворного труда автор неоднократно отмечен наградами и премиями регионального и федерального уровней.

Виктор Фёдорович всегда очень тепло и уважительно отзывался о своей матери, Потаниной Анне Тимофеевне. Ведь любовь к Родине, зауральской сторонке для него начиналась с материнского молока, с запаха хлеба, который он ел из добрых материнских рук. Анна Тимофеевна работала учителем русского языка в его родной школе. Помнит Виктор Фёдорович и о том, как по субботам к ним в дом приходили жёны фронтовиков с детьми. Каждый приносил с собой клочки бумаги, старую газету или полосу обёртки. На этих клочках его мать писала на фронт письма, которые получались очень душевными.

Думаю, что многие, кто увлечён творчеством зауральского писателя, согласятся со мной: любовь к родному языку и литературе Виктор Потанин унаследовал от своей матери Анны Тимофеевны – увлечённого профессионала своего дела. *«Раз в неделю, на её уроках, класс писал творческие сочинения на темы: "Родина-мать всегда с нами", "Мы – дети всей земли", "Самый дорогой человек в семье". Домашнего задания она не задавала, учила только на уроке, берегла наше детство... Вначале её ругали строгие люди из районо...но, когда мы читали вслух свои сочинения, в глазах приезжих проступали свет и нежность».* Немало пришлось преодолеть профессиональных сложностей между руководящим составом системы образования и школьниками, но всё закончилось хорошо – Анна Тимофеевна Потанина достигла звания заслуженного учителя РСФСР.

Тема материнства и её роли в жизни человека нашла отражение в рассказе «Семья», в котором мы узнаем о жизни простой многодетной деревенской семьи Петра и Матрёны Ивановных. Повествование в произведении идёт со слов Матрёны Никитичны, начиная от событий безрадостного детства, когда она находилась в услужении хозяина Никона Овсева, и заканчивая состоявшейся хранительницей семейного очага трёх поколений семьи Ивановых.

Что такое семья? Для меня это не только отдельная ячейка общества, а звено связи поколений от прошлого к будущему, от глубинки до столицы нашей Родины. Рождение семьи Ивановых шло вместе с родным колхозом:

«– В тот же год с Петей в колхоз вошли. Никого вперёд нас не было. Потом и народ повалил... Но мы – первые! “Значит, сознания больше”, – говорят нам... До сознания ли, когда жить захотелось, на ноги встать!»

Нарушила мирную жизнь семейства Великая Отечественная война – Пётр Иванов встал на защиту Родины, а дома, под надёжным материнским крылом, остались четверо детей – мал мала меньше. Мы видим Матрёну как преданную любящую мать, спасавшую своих дорогих сыночков Александра и Павла, и томимую постоянной тревогой и ожиданием мужа. *«А Петя пришёл без предупреждения. Не ждали, не гадали, и по картам не выпадал... А он взял да пришёл...»*

Что такое мир для семьи? Это продолжение рода (*«...Но всё ли? Ведь у детей опять дети – внуки. Значит, радость это...»*) в родном доме, на родной земле (*«...как это, сговорились, что ли, – все дома...Все дети в родном колхозе...Случай ли, чудо ли?»*): Павел – комбайнёр, Александр – плотник, Алексей – учётник, Иван – механик; Надежда – доярка, Нина – зоотехник в бригаде, Татьяна – счетовод в правлении. Пётр пока – ученик 9 класса, но, думаю, со мной согласятся: скоро и он свяжет свою жизнь с малой Родиной.

И всё хорошо, но сердце матери снова в тревоге – дочь Анна лежит в больнице: *«...заболела невзначай. Вот и мать и думает, что собрать ей, какую положить стряпню. Завтра собралась в район».*

«...За столом вся семья. Празднично, хорошо. Встаёт хозяйка – Матрёна Никитична Иванова, мать (...):

– За наших детей! За плавающих, за летящих, по земле ходящих, – и вдруг оробеет, пригнёт голову, опять приподнимется. – Пусть им вольно дышится, легко спится! За кровь нашу! За девять моих детей! – И над столом станет тихо, бесшумно, все поймут мать».

Картина, от которой наворачиваются слёзы, и хочется, чтобы жизнь со всеми радостями, тревогами и переживаниями продолжалась.

Тема матери – одна из классических в произведениях русской литературы, начиная с XIX века и заканчивая днём сегодняшним. Но как замечательно она отражена в творчестве Виктора Фёдоровича Потанина – нашего выдающегося писателя, прославившего Курганскую область далеко за её пределами!

I место (старшая группа)

***Смирнова Светлана Сергеевна
(Мишкинский МО)***

*Наставник – Онучина Светлана Валерьевна,
педагог-библиотекарь*

**Детский дом имени Н. К. Крупской села Коровье
Мишкинского района вчера и сегодня
(исследовательская работа)**

Введение

Слушайте все –
Начинается лето!
Первые горны пропели про это!
Первые тапочки, кеды, ботинки.
Снова топчут по каждой травинки.
Первые песни в лесах зазвенели,
Первые брызги над речкой взлетели.
Первая грусть разбежалась кругами,
Первые письма отправлены маме.
Первая помощь колхозному саду:
Вымпел и первое место отряду! [1]

Война – страшное и пугающее слово. Это тяжелейшее испытание для всего народа. Самыми незащищенными и ранимыми оказываются в это время Дети. Их детство безвозвратно уходит, ему на смену приходят боль, страдания, потери родных и близких, лишения. Хрупкие детские души война сжимает стальными тисками, раня и калеча их. Прошедшие войны вычеркнули из жизни множество детских судеб.

А ведь из этих детей могли бы вырасти смелые, благородные люди, так необходимые Родине. «Мы родом из войны», – говорят те, чье детство пришлось на тяжелые военные годы, когда легче было умереть, чем выжить. Отечественная война, начавшаяся в нашей стране после череды тяжелейших испытаний XX века (это и Первая мировая война, и Октябрьская революция, и Гражданская война), послужила продолжением таких суровых явлений, как детская беспризорность, нищета и голод.

Мужчины ушли на фронт, в стране царили разруха и беспорядок, предприятия и школы не работали. Большинство детей превратилось в голодных, предоставленных самим себе сирот, чьими судьбами просто некому было интересоваться.

Именно дети увидели суровое лицо войны, заглянули в её холодные безжалостные глаза. Правдиво и достоверно рассказывает о жизни детей

в годы Великой Отечественной войны книга А. Приставкина «Ночевала тучка золотая». Читать эту повесть очень тяжело: на глаза наворачиваются слёзы. Она знакомит нас со многими детскими судьбами, искорёженными войной, сиротством, нищетой и нуждой. На примере этого произведения можно познакомиться с эвакуацией детского дома из Подмосковья.

Актуальность настоящей работы обусловлена, с одной стороны, интересом к теме «Деятельность детских учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в годы Великой Отечественной войны» в современной истории; с другой стороны – её недостаточной разработанностью.

В нашей области работало три детских приёмника: в Кургане – на 50 мест, в Шадринске – на 40, в Лебяжьем – на 30. В Курганской области в Мишкинском районе в сентябре 1941 года в сёлах Дубровное, Варлаково и Сосново были размещены детские интернаты, эвакуированные из Ленинграда. 25 октября 1941 года со станции Мишкино в село Шаламово привезли 150 детей Волоколамского детского дома имени В. В. Маяковского Московской области. Местные дети-сироты и часть детей из переполненных челябинских детских домов воспитывались в Мишкинском, Маслейском, Коровинском и Карасинском детдомах. За период 1943–1944 годов было выявлено и устроено в детские дома 7 175 беспризорных детей, три тысячи из которых задержано на железных дорогах нашей страны. Устройство таких детей, потерявших в годы войны родителей, потребовало создания 47 новых детских домов (в том числе 11 межколхозных). Всего из прифронтовых районов в Курганскую область было вывезено 14 496 детей. 70 детских домов с 6 663 детьми было эвакуировано из Ленинградской области. Большое количество детей было вывезено в Курганскую область из прифронтовых областей – Украины, Белоруссии, западных областей России. За годы войны число детских домов и интернатов выросло более чем в 6 раз [2, 3].

Объект данного исследования: история и современность села Коровье Мишкинского района.

Предмет исследования: история детского дома имени Н. К. Крупской в годы ВОВ (1941–1945) и послевоенный период.

Цель: функционирование основных корпусов детского дома имени Н. К. Крупской в селе Коровье после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **исследовательских задач:**

1. Проанализировать архивные данные существования детского дома на территории села Коровье Мишкинского района в послевоенный период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.
2. Проанализировать литературу и неопубликованные источники по рассматриваемой проблеме.
3. На основе воспоминаний бывших воспитанников и жителей села изучить расположение и использование основных корпусов детского дома имени Н. К. Крупской в годы ВОВ (1941–1945) и послевоенный период.

При написании работы использовались следующие **методы исследования**: проблемно-поисковый метод; анализ архивных документов из фондов музея; метод исторического анализа документов; метод сравнительного анализа документов; беседы и интервью.

1. Из истории создания детского дома имени Н. К. Крупской

История во все времена делалась и делается людьми, которых объединяет память. В. И. Даль дал такое толкование слова «память»: *«Способность помнить, не забывая прошлого: свойство души хранить, помнить сознание о былом»*.

Память не живёт сама по себе – её согревает, продолжает тепло человеческих сердец. Память, как древо жизни, нуждается в постоянной поддержке и разрушается от равнодушия, бездеятельности, пресыщенности.

Наш мир многогранен. Он насыщен событиями малого и большого масштаба. Состоит из взлётов и падений, юбилеев, торжеств и грустных – а порой и трагических – дат. Всё это – жизнь во всех её проявлениях. Без знания прошлого нет настоящего, и тем более не может быть будущего. Это аксиома жизни. Русский историк В. О. Ключевский писал: *«Изучая историю малой Родины, мы открываем для себя тот многогранный и сложный мир, в котором жили наши деды и прадеды. Но – не только. Изучая дедов, узнаём внуков, то есть узнаём себя»*.

Дети войны... Чаще всего они лишены возможности восстановить свою родословную. Родители этих детей погибли или пропали без вести в ходе трагических событий для нашей Родины, а детский дом стал не вторым, а первым домом в их жизни.

Из письма бывшего воспитанника Устьянцева Н. И. директору Коровинского детдома им. Н. К. Крупской (текст авторский):

«Здравствуйте много уважаемые сотрудники детского дома к вам обращается бывший ваш воспитанник с большой просьбой извините меня за ваше беспокойство и окажите мне помощь в розыске моих родных не смотря на то что прошло очень большое время.

Я Устьянцев Николай Иванович прошу Вас сообщить о том как я попал в Ваш дет-дом и откуда меня привезли и в каком году как мне помнится примерно до войны но когда точно не помню и прошу вас убедительно найти документы и сообщить мне ещё мне припоминается но точно или нет я сомневаюсь как будто то я к вам попал из Каслинского до школьного детского дома но я прошу Вас узнать точнее всё и сообщить потому-что я там находился сестрой когда меня увезли к Вам а может и раньше я её потерял а так-же где-то должны быть братья. Кроме этого я встречаю много однофамильцев но имя и отчество я сомневаюсь может у меня переменяли и я немогу не с кем переписываться а фамилию свою я встречаю часто родился я на урале вот несколько моих однофамильцев

1) В газете правда за 12 января 1965 года статья дружба рождается в боях история одной почтовой марки В. Устьянцев

2) Из письма по адресу Нурек Таджикской ССР до востребования Устьянцевой Любови Гавриловне

*3) Совет Оренбургского народного хора и ещё несколько однофамильцев
Может-быть ктонебудь из них или другие но я знаю и надеюсь если вы откликнитесь на моё письмо и помогите мне в этом то я надеюсь об этой радостной долгожданной встрече ещё рас прошу вас сообщить точнее по тем документам по которым я попал к вам.»*

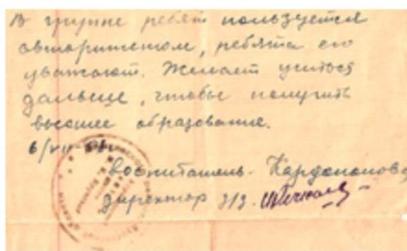
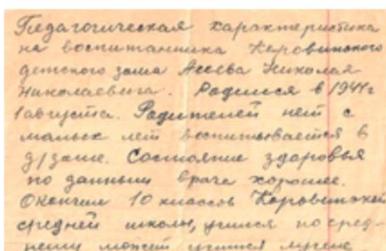
«Вас беспокоит Устьянцев Н. И ещё раз к вам обращаюсь с большой просьбой, в настоящее время, большое желание, которое не покидает мои мысли – быть на своей Родине, а считаю своей Родиной, тот город или село, где я переступил порог школы и ещё, где я воспитывался и рос, окружённый заботой не отцом с матерью, а добрыми руками и лаской многих матерей и отцов, которые воспитали не один, не два десятка, а сотни детей, в том числе и меня. Из Челябинского государственного архива я получил информацию о том, что в Коровинском детском доме школьного типа я находился с 1937 по 1941 год. В 1937 году мне было 8 лет, а откуда я попал в детский дом, ничего в списках архива не имеется. Несмотря на такой ответ, я вторично посылал в Челябинский архив запрос, чтобы они обратились в Каслинский детский дом № 1.

27 января мне пришёл ответ, что по книгам движения Каслинского детского дома Устьянцев не значится.

14 февраля пришёл ответ из городского Каслинского архива, и тоже в списках Устьянцев не числится, но я уверен в том, что моя Родина, там в ваших краях и, несмотря на то, что я такое длительное время там не был, а проживаю в Средней Азии, мне очень хочется попасть на свою Родину, а Родина, ещё раз повторяю, моя там потому что мне очень хорошо помнится всё расположение села колхозов, их поля и огороды детского

дома, которые мы обрабатывали и я прошу вас убедительно дать мне положительный ответ и посоветовать, как мне попасть в село, я буду вам очень благодарен в оказание мне такой помощи, несмотря на то, что я живу в городе, но я очень люблю сельское хозяйство и не побрезгаю никакой работой. Я знаю, что любая работа облагораживает человека, если вы зададите себе вопрос, что сельское хозяйство есть и в Средней Азии, об этом я хорошо знаю, но мне хочется попасть в свои родные края и, несмотря на то, что я имею хорошую удобную квартиру со всеми удобствами, я согласен на любые условия, которые меня будут ожидать. Я писал письмо председателю колхоза, но прошло уже много времени, а ответа не получил. Я пишу, чтобы мне переехать туда и знаю, как говорить, не к тётке на блины, а работать в своих родных краях. Ещё раз вас убедительно прошу сделать всё возможное, чтобы мне переехать. Я обращаюсь к вам, как бывший воспитанник и прошу вас мне в этом помочь, убедительно прошу вас. Краснеть Вам за меня, как говорить, не придется. Жду вашего ответа и надеюсь, что он будет положительный».

Именно первым (и долгое время – единственным) домом оставался Коровинский детский дом имени Н. К. Крупской для Агеева Николая Николаевича. В результате изучения подлинников документов известно, что воспитанник Агеев Николай Николаевич родился 1 августа 1941 года, родителей своих не знает, с малых лет воспитывался в детском доме, где затем продолжил и профессиональную деятельность:

Заведующий РОНО по Мишкинскому району

А. А. Биндюк также пояснял историю создания детского дома: *«Архивных данных в РОНО по организации детского дома нет. В беседе с учителем Мокиным П. И. выяснили, что детский дом был переведён из Мишкино в 1929 году, т. е. после того, как перевели Введенский детдом в Мишкино, а Мишкинский – в Коровье. Беседовали с родственницей Лесик. Евдокия Ивановна Лесик сама была воспитанницей детского дома, работала она в Мишкинском детдоме, а потом была переведена в Коровье»* [3,4].

Любой уважающий себя человек должен знать свою родословную. Из поколения в поколение она передаётся по наследству, бережно хранится и совершенствуется. Невидимая нить, соединяющая наше прошлое и настоящее, и есть история. Историю человека, вышедшего из стен детского дома, а впоследствии и создавшего собственную семью, составляют неравнодушные сердца работников детского дома и простых сельских жителей.

2. Функционирование основных корпусов детского дома имени Н. К. Крупской села Коровье в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)

Из письма бывшего воспитанника детдома им. Н. К. Крупской Устьянцева Н. И. (текст авторский):

«...Мухаметнику и всем воспитанникам детского дома. С большой радостью хочу поделиться с вами своими мыслями и сообщаю вам каким был детский дом в 30 годах, а нашим был после этих годов я не знаю я там был до 1941 года детский дом был не большой когда я там был первые годы воспитанники находились в корпусе который находится на против столовой не той стороны где окна кухни выходят на улицу, а напротив самого зала, столовая была маленькая где находится кухня её пристроили при нас зал столовой был для нас и клубом где мы смотрели немые в то время кинофильмы, а так же смотрели и на движимые фильмы на стеклах которые вставлялись в ролики и руками передвигались напротив столовой стоял колодец как называют его журавль. Другой корпус правление колхоза им. Тельмана или с угла на угол против центральной усадьбы дет-дома дом высокий но одноэтажный от земли окна высокого так-же и поднят дом на против столовой большие подвалы воспитанники держали там кроликов. Жили воспитанники и на центральной усадьбе как зайти в ворота по левую сторону деревянное здание

не высокое одна длинная комната жили и в кирпичном доме немного контора занимала мало места как зайти в калидор была одгорожена стенкой комнатка половина деревянная а половина стеклянная. При мне дет-дом отдали ещё два дома один который находится на улице не доходя центральной усадьбы дет-дома двухэтажный первый этаж кирпичный второй этаж деревянный на второй этаж была большая открытая лестница спускалась в сторону ветлечебницы которая находилась в этом же дворе первый этаж углублён немного в землю вот в этот дом и были переведены воспитанники с центральной усадьбы а потом стала контора, и второй рядом с правлением колхоза около складов между складами и домом узкий проход а с другой стороны свободно в этом доме были разресованы потолки и двух главый орёл или змей не помню а при входе на против воспитанники обнаружили яму которая была закрыта железом и засыпана землёй там нашли кое какие вещи воспитанники прибыли после чего выстроили ещё два дома первый был выстроен напротив того дома который стоит через дорогу от столовой или с угла на угол от столовой а остальная площадь на против скотного двора который находится там же где центральная усадьбы были качели одна качеля столб с четырьмя верёвками и две качели сделанные пэ образно одна высокая другая низкая и второй дом метров сто сто пятьдесят от дома который стоит на против правления в этом же ряду после чего из двухэтажного дома с первого этажа где во дворе находится вет-лечебница воспитанника были переведены а там сделали столярную мастерскую детского дома не подумайте что это было сделано всё за один год это все изменялось в течение нескольких лет свету у нас тогда во всём селе не было в домах были керосиновые лампы а во дворе усадьбы и на скотном дворе фонари. Своими силами разрабатывали огороды для детского дома помнится мне один случай когда мы разрабатывали огород разбивали дёрна или как там называют пласты тапками после вспашки в то время у нас было всего три или четыре лошади я набил на руке мозоль и у меня сильно болела рука мне её лечила не помню но кажется её звали тётя Шура у неё были дети две дочки и сын дочку кажется звали одну Галя а вторую не помню а сын Коля точно не помню но мне кажется что так. Они жили через дорогу на против двухэтажного корпуса где во дворе вет-лечебница угловой дом сама она в то время работала вот она то и мне лечила руку прикладывала пенку от молока прошу вас узнать и рассказать ей если они живут там напишите а огород который мы разрабатывали находится рядом селом от ворот конторы детского дома через дорогу вниз где озерко или болото зимой там мы катались а затем должен быть огород ещё были огороды в стороне столовой

Один из корпусов детского дома имени Н. К. Крупской

У действующих корпусов детского дома в послевоенное время

Пекарня при детском доме.
2020 год

Корпуса детского дома
имени Н. К. Крупской
сегодня

Документально установлено, что обязанности директора детского дома с 1937 по 1945 год исполняли **Томилов Пётр Николаевич** и его жена **Екатерина Александровна**.

Директор Коровинского детского дома **Копытов Александр Иванович**.

Анализируя воспоминания, мы пришли к выводу, что детский дом им. Н. К. Крупской смог предоставить покой, научил ценить труд, ценить дружбу.

Прошли года, и не стало детского дома имени Н. К. Крупской в селе Коровье, и не надо.

Пусть у каждого ребёнка будет детство,
будет дом, счастливая семья,
и оставим каждому в наследство
клад заботы и вниманья, не тая.

3. Особенности условий жизни воспитанников в детском доме имени Н. К. Крупской в период 1941–1945 гг.

Время стремительно бежит вперёд. Стала историей Великая Отечественная война. В 2020 году исполняется 75 лет со дня её окончания. За эти годы выросло несколько поколений взрослых людей, которые не слышали орудийного грома и взрывов бомб. Но война не стёрлась из людской памяти, и забыть те дни нельзя. Тогда невыносимо трудно было всем – и старым, и малым, и солдатам, и их близким. Но особенно страдали дети. Страдали от голода и холода, от кромешного ада бомбёжек и страшной тишины сиротства...

Мы привыкли считать, что война – удел взрослых. Но ведь война вторгается и в мир детей, разрушая прежнюю жизнь, делая их другими. Какие же воспоминания о детских годах остаются в памяти этих сейчас уже взрослых людей? Самые различные. Наряду с горькими присутствуют и светлые воспоминания.

Воспоминания Владимира Васильевича Юрьева – бывшего воспитанника детского дома им. Н. К. Крупской:

Владимир Васильевич родился в городе Владивостоке в 1930 году. Отец его, Юрьев Василий, работал заместителем директора судостроительного завода им. Ворошилова. Мать – Юрьева Надежда Константиновна – была домохозяйка. В 1937 году отца утром арестовали, а вечером расстреляли как врага народа. Мать арестовали, дали восемь лет. Сидела в Акмолинске, в Казахстане. Детей – 12 человек, оставшихся без попечения родителей, из Владивостока привезли в 1937 году в дошкольный детский дом в с. Каменное Шумихинского района, а в 1938 году перевели в Коровинский детский дом им. Н. К. Крупской.

«Детский дом состоял из 8 корпусов, в которых проживали около 350 человек. Учились в 2 смены, группы были по 24–26 человек. Кормили в детском доме хорошо, занимались ведением домашнего хозяйства – держали овец, коров, свиней; выращивали овощи – морковь, картофель, редьку, томаты, огурцы; собирали в лесу грибы и ягоды. Готовили припасы на зиму. Воспитанники относились к этим детям неважно, дразнили их, обзывали изменниками, врагами народа; ребята постарше обижали их, отбирали пряники, конфеты».

В 1943 году детей из Владивостока почти всех увезли домой бабушки, братья, сёстры. В детском доме остались Кузнецова Люся и Володя. По просьбе Люсиной матери (она должна была выйти на волю в Караганде) молодая воспитательница повезла Люсю и Володю к матерям. Она довезла Володю до Акмолинска и оставили в милиции, чтоб его отправили к матери, а сама повезла Люсю в Караганду. Но Володя сбежал из милиции. Его поймали, определили в детприёмник. За два года он прошёл несколько детдомов, но в 1945 году добрался снова до Коровинского детского дома.

Директором детского дома был Пётр Николаевич Томилов. Когда он ушёл на фронт, его замещала жена – Екатерина Александровна. Прибыл Володя Юрьев в детский дом весной 1945 года, а осенью его с несколькими ребятами воспитатель Мельников М. А. увёз в Челябинск в ремесленное училище. Но Володя снова сбежал в свой родной детский дом. Сейчас он уже был не воспитанником детского дома, а рабочим – сначала на разных работах, потом трактористом. В то время директором был Пронин Н. В., кладовщиком работал Еремеев К. С., медсестрой – Александрова Г. Ф., ночной няней – Климова М. Г.

В 1952 году Володя ушёл в армию, служил 4 года, в 1956 – вернулся, там женился. До 1966 года жили в Коровье, а потом уезжали с семьёй в Челябинск, но доживать свой век вернулись в Коровье – село, ставшее родным домом.

Воспоминания Колотилова Валентина – бывшего воспитанника детского дома им. Н. К. Крупской: *«Вы спрашиваете, как мы жили раньше. Мы, конечно, воспитывались во время войны. Я воспитывался в детском доме с 1937 по август 1945 года. Мы помогали детскому дому, собирали колоски в поле, ягоды и грибы, и всё это сдавали в детский дом для себя. А также работали: возили дрова, сено, ходили в колхоз на прополку. Я примерно караулил, ходил горох в поле с В. Юриным – это может сказать Еремеев Н.: он нам давал продукты на день. Весной ходили в лес, рвали берёзовые почки, сушили и сдавали в детский дом. Каждому человеку нужно было сдать по 300 г. Из них делали лекарство и отправляли на фронт, по госпиталям. А девочки вязали носки, варежки и всё отправляли на фронт. А ребята помогали теребить шерсть, а некоторые вязали – например, два брата: Кузьмин Лёня и Валя. Они научились вязать из нашего детского дома. Например, вязали на фронт Г. Серебрекова, Зина Яркова, Асу – фамилию её я забыл – и много других. Всех, конечно, не упомянули: уже прошло 20 лет, когда мы расстались с детским домом.*

Я очень благодарен директору детского дома Петру Николаевичу Томилову, всем воспитателям, которые выпустили нас во взрослую жизнь».

Воспоминания Бариновой Евдокии Федотовны, бывшей воспитанницы детского дома им. Н. К. Крупской: *«Я находилась на воспитании в детском доме с 1944 по 1951 год. И за всё это время хочу сказать большое спасибо за хорошее воспитание. После детского дома пошла работать – сначала в колхозе, а потом на производство, получила специальность швеи, с 1953 года работала при Мишкинском комбинате бытового обслуживания населения. И ещё раз спасибо, что помогли вырасти и встать на ноги, дирекция и воспитатели Коровинского детского дома» [4].*

Воспоминания Капитолины Михайловны Каранаковой, бывшей воспитанницы детского дома им. Н. К. Крупской: *«Была война, и жилось нам в детском доме трудно. Нехватка чувствовалась во всём – в еде, в одежде, обуви. Ходили по огородам, собирали оставшуюся картошку. Одежды нам не хватало, носили всё старое бережно, чинили сами. У каждого была своя щётка. Была школьная форма – чёрные юбочки и белые х/б свитера, которую старались беречь. Школа-7-летка была в Рязани (часть деревни). Валенки почти не было: дадут, бывало, одну пару на весь корпус – да и то хорошим ученикам, а корпусов было 8, – а остальные ребята*

ходили в ботинках на деревянной подошве. Нам их хватало на 2 дня, качество было плохое. В корпусах было холодно. Бывало, сядешь учить урок, так утюг на ноги поставишь. Ездили в лес, заготавливали дрова. Однажды берёзой пришибло воспитательницу Евдокию Ивановну Лесик. Её увезли в больницу в Мишкино. Это была моя любимая воспитательница, которую я никогда не забуду. Она учила нас прясть и вязать. Мы делали так: ребята кололи для нас дрова, а мы вязали им варежки и носки. Помню, работал у нас Кузьма Степанович кладовщиком, потом его на фронт взяли и оттуда он вернулся раненным в руку, чему я научилась в детском доме, очень пригодилось в самостоятельной жизни. Я работала на швейной фабрике, сама себе вязала кофты, шила платья».

После окончания школы дети выпускались из детдома и уезжали, поступали в ремесленные училища, работали на военных заводах и промышленных предприятиях, поступали в высшие учебные заведения, – но никогда не забывали тепло своего детского дома – дома, где прошло их детство, опалённое Великой Отечественной войной. Приезжая в свой дом, они часто выражали благодарность, приглашали на свадьбы и делились своими радостями. Часто повторяли: «Если бы не детский дом, я бы не достиг этих высот».

4. Детский дом имени Н. К. Крупской в воспоминаниях современников села Коровье

Документально было установлено, что воспитанники детского дома были объединены в несколько групп воспитанников, состоящих в основном из 20 человек. Например, первая группа – ребята 1–4 классов, вторая группа – 5–6 классов, 8 класс был отдельной группой, и так до 10 класса.

Из воспоминаний Климовой Лидии Ивановны, бывшей воспитательницы детского дома имени Н. К. Крупской, бывшей заведующей Коровинским библиотечным филиалом:

Лидия Ивановна закончила Куртамышское педагогическое училище и получила специальность «Учитель начальных классов». Около двух лет – с 1966 по март 1968 года – проработала в Коровинском детском доме имени Крупской. На базе детдома воспитывалось около 100–120 человек.

«Убегут мои мальчишки купаться, а надо к экзаменам готовиться. Найду их, верну, усажу за уроки... Но хорошо сдали. С местными ребятами школьниками жили дружно, не помню, чтобы из-за драк вызывали к директору. В мои обязанности входило разбудить и отправить в школу, а по-

сле учебных занятий – проводить с ними диспуты, беседы, кружковую работу и уложить спать.

Работала в нашем детдоме пионерская вожатая Понькина Нина Григорьевна. В пионерской комнате был телевизор, порой дети смотрели до ночи спортивные игры: футбол, хоккей. На зиму заливали каток, катались на коньках, а летом – играли в волейбол и баскетбол.

Помню, было два длинных спальных корпуса: один для мальчиков, другой для девочек. Кормили ребятшек хорошо, мы, воспитатели, заказывали меню нашим поварам: Н. Ломовой, М. Семёновой. Детский дом держал хозяйство: свиней (они жили в лесу, за ними ухаживала Клавдия Двинина), лошадей. Бывшая выпускница детдома Люба Грехова возила воду. А вот с одеждой было туговато: порвётся ли, обносится – ремонтируем и опять вперёд.

В это время работали воспитателями: Иванова Нина Яковлевна, Смирнова Ольга Ивановна, Петраш Иван Петрович, Пахомова Раиса Филипповна. Ионина Васса Андреевна – кладовщик, Тютрина Анна – бухгалтер.

Иванова
Нина Яковлевна

Некоторые воспитанники детского дома продолжили профессиональную деятельность в детском доме в период 1966 года – это Макаров Борис Андреевич, заведующий учебной частью; Агеев Николай Николаевич, Грехова Любовь. Старейшими воспитателями являлись Смирнова Ольга Михайловна, Пахомова Раиса Филипповна.

В марте 1968 года детский дом им. Н. К. Крупской был расформирован. Была такая грязь – раньше ведь не было дороги асфальтированной, – еле автобусы прошли от Коровья до Мишкино с детьми. Дети всё плачут, мы тоже. Да погода была такая мерзкая, всё к одному. Детей развозили в детские дома, школы-интернаты. Увозили в Куртамыш, Долматово, Катайск и др. Я шесть человек из 6 класса увозила в Далматовскую школу-интернат санаторного типа. Школа находилась в лесу: такое большое здание, красивое, с бассейном. В здание зашли – кругом колонны, дорожки, в комнатах ковры, живут по 2–3 человека, – такая красота против нашего детского дома... Сразу у меня детей переодели, дали тапочки домашние – наши их в глаза не видели, – всё новое: и школьное, и домашнее. “Ну, ребята, – говорю, – повезло вам!” А они всё равно плачут... А я вышла, попрощалась с ними – как частицу своего сердца с ними оставила... Пока до автобуса шла, всё плакала. Первое время часто писали, потом попривыкли видимо, потихоньку сошла на нет переписка. Приезжали несколько раз воспитанники в Коровье к Ольге Ивановне, ко мне, Нине Яковлевне, часто парни ездили к Николаю Николаевичу.

Коллектив сотрудников детского
дома. 1966–1968

Приезжали ко мне в гости выпускники детдома: Доможирова Катя, Володя – к сожалению, фамилию не помню. С теплотой и благодарностью отзывались о тех годах... Мне очень нравилось работать в детском доме. Если бы его не расформировали, я бы работала до самой пенсии».

В канун 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне в единственно уцелевшем одном из корпусов детского дома имени Н. К. Крупской проживает **Жихарева Фаина Васильевна**, с которой мы встретились и побеседовали.

– *Фаина Васильевна, перечислите, пожалуйста, всех, кто когда-то проживал в доме, и кто живёт сейчас?*

– В доме 50 по улице Рабоче-Крестьянская жили мы с сыном, Жихаревым Геннадием Александровичем, а сейчас – живу одна.

– *С какого года проживаете в доме?*

– Мы купили этот дом в 1970 году, перестроили и начали жить с августа 1972 года.

– *Фаина Васильевна, назовите, пожалуйста, предыдущих жителей дома?*

– До революции этот дом принадлежал богатым людям – Смирновым, а после их раскулачивания здесь поместили детский дом имени Н. К. Крупской, корпус № 1. В 1969 г. детский дом был расформирован. Дом пришёл в негодность, как и другие корпуса. Сначала эти строения стояли на учёте в районе, потом их передали в колхоз и распродали.

– *Мы благодарим вас за небольшое интервью и поздравляем с наступающим Днём Победы.*

Своими воспоминаниями о военном и послевоенном детстве и юности поделилась жительница села Коровье **Манакова Галина Николаевна**.

Наша собеседница родилась 4 мая 1942 года в Курганской области, в селе Введенском Мишкинского района, в семье Манаковых Никифора Павловича и Марии Абрисимовны. За полгода до рождения дочери отец бабы Гали (как все её называют) пал смертью храбрых. В книге памяти указано, что стрелок Никифор Павлович Манаков в последнем бою был в декабре 1941 года. Когда в 1946 году не стало матери, они начали жить втроем: Галя – 4 года, её сестра, которой на тот момент было 10 лет, и старший брат, которому в это время исполнилось 18 лет. Брат работал на тракторе, обеспечивал обеих сестёр.

В 1949 году брат, после того как женился, определил сестёр в детский дом в селе Коровье. В детском доме, по воспоминаниям Галины Николаевны, их приняли приветливо. Обязанности директора исполнял тогда Пронин Николай Васильевич. Воспитатели – Антонова Евдокия Яковлевна, Смирнова Ольга Ивановна – были хорошие и добрые. В детском доме было трудно с питанием, обувью и одеждой: донашивали после старших детей,

в школу ходили с тряпичными сумками. Вместе с сестрой и другими ребятами собирали колоски. В ходе беседы Галина Николаевна добрыми словами вспомнила и учителей школы – Пронину Нину Михайловну, Антонову Евдокию Яковлевну, Мокину Анастасию Афонасьевну, Мальцеву Антонину Дмитриевну.

Галина Николаевна закончила семь классов школы. По состоянию здоровья (были проблемы со зрением) наша собеседница не смогла поступить в училище. Следующие несколько лет она работала свиначкой и телятницей в селе Краснознаменском. После этого – переехала в Казахстан, в город Караганду. После выхода на пенсию в 1989 году Галина Николаевна вновь вернулась в село Коровье. Когда приехала – сидеть дома без работы не смогла, поэтому устроилась работать в школу уборщицей. И хотя должность была самой неблагодарной и малооплачиваемой, Галина Николаевна каждый уголок в школе вымывала до блеска. Некоторое время бабушка Галя целый месяц мыла школу одна, вместо четырёх положенных работников. Из-за тяжёлых условий труда и возникшей аллергии она уволилась.

Интересно, что баба Галя к каждому ребенку всегда подходила с уважением, а все ребята её любили. Сейчас Галина Николаевна находится на заслуженном отдыхе, но не сидит без дела ни минутки: её дом ухожен, в огороде и палисаднике не найдёшь ни одной травинки, а лес для неё – и место отдыха, и место, где она чувствует себя счастливой. Дары природы у неё появляются раньше всех.

Бабу Галю постоянно навещают из города дочери Ирина и Валентина, а также четыре внука. Долгими вечерами баба Галя вяжет тёплые тапочки не только своим родным, но и соседям, а ещё сочиняет стихи, которые всегда наполнены светом, добром и радостью, а по стилю очень похожи на стихи Агнии Барто.

Фото из архива Галины Николаевны Манаковой

Фото из архива Галины Николаевны Манаковой

Думаем, что не только каждой семье р. п. Мишкино, но и далеко за пределами Курганской области известна семья **Дрыгиных Михаила Александровича и Ирины Васильевны**. Но далеко не каждому известно, что родом Ирина Васильевна из села Коровье. В рамках исследовательской работы мы встретились и попросили поделиться воспоминаниями о воспитанниках детского дома им. Н.К. Крупской.

Свой рассказ, характеризующий период с 1958 по 1968 г., Ирина Васильевна начала с того, что семья её родителей проживала неподалёку от здания столовой детского дома. Школа её детства и юности была большой – до 600 человек, в каждой параллели по 2 класса. Из директоров прозвучали фамилии Речкалова Ивана Фроловича и Марии Григорьевны, а также Копытова Александра Ивановича; среди наставников – Макарова Бориса Андреевича, Петраш Екатерины Евгеньевны, Горенковой Нины Ивановны. По словам Ирины Васильевны, в школу приходили тогда ещё очень молодые участники войны, чья учебная жизнь была прервана Великой Отечественной войной, – поэтому никого не удивляло, что в классах находились разновозрастные ученики.

Интересны были фамилии приезжих в детский дом – например, Рассол, Мурашко. В классах учились дети как местные, так и из детского дома, но был единственный первый класс, который полностью состоял из детей детского дома. Им руководила Петраш Екатерина Евгеньевна – учитель русского языка и литературы.

Более подробно Ирина Васильевна остановилась на рассказе о Борисе Андреевиче Макарове. Борис Андреевич, в прошлом выпускник Курганского государственного педагогического института, в школе преподавал историю, а в детском доме исполнял обязанности завуча. Кроме того, он руководил духовым оркестром, в котором играли воспитанники детского дома. Несмотря на твёрдую основу, которая несомненно присутствовала

в жизни Бориса Андреевича, он вместе со школьниками посещал токарную мастерскую МТС, где мама Ирины Васильевны учила ремеслу токаря.

Отметила Ирина Васильевна и то, что директора детского дома – в частности, Речкалов Иван Фролович, – занимались поиском близких родственников воспитанников. Например, семья Борисенкова смогла собраться вместе только в селе Коровье, в детском доме им. Н. К. Крупской.

Поделилась с нами Ирина Васильевна и такой историей: *«Директор детского дома нашёл семью одного из воспитанников. При посещении увидел, что родители проживали в благоустроенной квартире. Что называется, дом – полная чаша. На вопрос: “Почему ваш ребёнок проживает в детском доме?” от матери прозвучало следующее: “А **вы** на что?! А вы вообще знаете, что после родов женский организм молодеет?!” Директор, плотно закрыв за собой двери, ушёл...»*

Из беседы мы узнали и то, что у детского дома были свои шефы – Курганский автобусный завод: *«Приедут в детский дом шефы, привезут подарки, порадуют детей, а потом смотрим – все девочки в новых платьях ходят. Значит, среди подарков материя была,»* – делится воспоминаниями Ирина Васильевна.

В детском доме была своя швейная мастерская, руководила которой Тютрина Анна. А вообще-то скучать детям было некогда: держали коров, свиней; были свои поля, которые засевали пшеницей. Выпускники школы и детского дома чаще всего уезжали из села: девушки – в Ивановскую область учиться на ткачих, а юноши – в школы механизации, подобные той, что когда-то была в пос. Мишкино.

1968 год стал решающим и для жителей села Коровье, а особенно – для воспитанников детского дома. Из событий, произошедших в этот год, невозможно что-то поставить на первое или второе место. Это и пожар школы, когда возгорание произошло не от установленного печного отопления, а с лестниц, и поджигателей так не нашли. Это и расформирование детского дома им. Н. К. Крупской.

Из воспоминаний Ирины Васильевны: *«Расформирование детского дома им. Н. К. Крупской пришлось на весенние каникулы. На проводы детей собралось всё село. Участникам духового оркестра инструменты были подарены на память. И после того, как дети были посажены, Борис Андреевич Макаров начал дирижировать. И вместе с зазвучавшей музыкой полились слёзы всех присутствующих – от мала до велика. Подобное наблюдалось в начале Великой Отечественной войны, когда провожали на фронт...»*

Заключение

Дети – цвет нации, зеркало народа. К сожалению, количество сирот в нашей стране растёт год от года. На сегодняшний день количество детей, оставшихся в силу обстоятельств без родительского тепла, больше, чем в послевоенные годы. У них нет мамы и папы, которые стеной оградили бы их от опасностей мира. Часто за них некому заступиться, и сами за себя они тоже постоять не могут.

Самое простое – закрыть глаза, не замечая, сказать себе: «Каждый сам за себя». Или сослаться на то, что помогать им – обязанность государства. Но государство может дать им лишь необходимый материальный минимум, а кто даст любовь, ласку и сострадание? Можно отмахнуться и сказать: «Пусть воспитатели заботятся об этом». И они действительно заботятся: стараются вложить душу в каждого ребёнка, радуются его малейшим успехам, грустят, когда приходит время расставаться.

Этим детям зачастую недоступно то, что для нас является обыденным. Больше всего сиротам нужны любящие мамы и папы. Сиротам не хватает опыта взаимодействия с окружающим миром, городом, природой, другими людьми. Но самое главное – у них нет опыта жизни в семье, или есть такой опыт, о котором лучше не вспоминать.

Но ведь дети растут, превращаются в юношей, девушек, образуют собственные семьи. А на каком фундаменте строить собственную семью, если ни разу не жил в настоящей семье, не знаешь на опыте, что это такое?

Меня очень заинтересовала история детского дома имени Крупской в годы Великой Отечественной войны, судьбы воспитанников, которые остались без крова, без родных, без поддержки близких людей. Забота моих односельчан о жизни этих детей в нашем детдоме помогла встать им на ноги, обрести новую семью, дала возможность продолжить жить.

Изучив документы по истории детского дома в материалах архивной службы Администрации Мишкинского района, МКУК «Мишкинский районный историко-краеведческий музей имени А. П. Сычёва», материалы музейной комнаты МКОУ «Коровинская средняя общеобразовательная школа», воспоминания современников, мы не только систематизировали материал, но и установили местонахождение корпусов детского дома, составили его план-схему.

Я узнала, что многие из воспитанников детдома стали настоящими людьми. Доказали своё право жить на земле и творить дела в области экономики, медицины, поднимать разрушенные войной хозяйства. В послевоенные трудные годы они были опорой нашей страны. Они стали для меня примером стойкости, мужества, мудрости, жизненного опыта. Мы, молодое поколение, должны знать историю малой родины. Это поможет нам

выбрать правильную линию жизни. Этот отрезок грозного времени жизни детей заставил меня о многом задуматься, переосмыслить некоторые ценности.

Собранные воспоминания, фотографии, письма пополнят экспозиции наших музейных комнат, а Администрации Коровинского сельского поселения предложено увековечить память нахождения корпусов детского дома им. Н. К. Крупской в виде мемориальных табличек.

Список использованных источников:

1. Голодяевская, Л. М. Память сердца / Л. М. Голодяевская. – М.: Просвещение, 1998. – 78 с.
2. Зайцева, Л. Ю. Зауралье в 20 веке. Методическое пособие для преподавателей истории НПО и СПО / Л. Ю. Зайцева.– Курган.: 2003. – 99 с.
3. Найданов, П. Г., Сычёв, А. П. Страницы истории Мишкинского района Курганской области/ П. Г. Найданов, А. П. Сычёв. – р. п. Мишкино, 2001. – 194 с.
4. Материалы МКУК «Мишкинский районный историко-краеведческий музей им. А. П. Сычёва»

Специальный приз (старшая группа)

Коротовских Алиса Маратовна (г. Курган)

Проект «Семейная реликвия». История в фарфоре

Одним из значительных, масштабных и трагических событий отечественной истории XX века справедливо можно назвать Гражданскую войну 1918–1922 гг., охватившую всю страну и оставившую свой отпечаток в памяти и судьбе каждой семьи. Этот период представляется временем огромных экономических, политических и социальных перемен, ожесточённой борьбы за изменения и против них, временем окончательного разрушения старого, привычного мира и устройства Российской империи и построения нового социалистического государства. Свидетельство этих событий в виде своеобразной реликвии существует и в моей семье: на протяжении более ста лет мы бережно храним фарфоровый чайник, подаренный моей прабабушке Марии Григорьевне Притчиной в 1919 году офицером белой армии. Непрестанный бег времени и многократное использование не прошли для него бесследно, однако, несмотря на повреждённость и почти стёршийся рисунок, этот

чайник сохраняет свою историческую ценность. На мой взгляд, он представляет собой некий символ границы между двумя эпохами в истории России, осколок прошлого, принадлежащий им обеим.

Судя по клейму, изготовлен чайник был на одном из крупнейших фарфорово-фаянсовых производств Российской империи конца XIX – начала XX века – «Товариществе производства фарфоровых и фаянсовых изделий М. С. Кузнецова». Буквы «Д. Ф.» на клейме указывают и на точное название этого завода – Дмитровский, основанный англичанином Ф. Гарднером в 1766 году как первая в России частная фабрика по производству фарфора и выкупленном в конце XIX века Матвеем Сидоровичем Кузнецовым. Посуда с клеймом такого типа выпускалась с 1891 по 1917 год, что даёт возможность предполагать о ещё большем возрасте чайника (до 131 года).

Кузнецовский фарфор отличался большим разнообразием продукции и ориентацией на потребителей всех слоёв населения. Заводы выпускали ассортимент, позволявший войти в каждый дом: крестьянам предназначался товар дешёвый, не очень броский; горожане покупали сервизы средней цены, но по росписи похожие на дорогие «дворянские». На чайнике, сегодня принадлежащем моей семье, заметна позолота – из этого можно сделать вывод, что его первоначальные владельцы, чьи личности достоверно не установлены, принадлежали к среднему классу или бывшему дворянскому сословию.

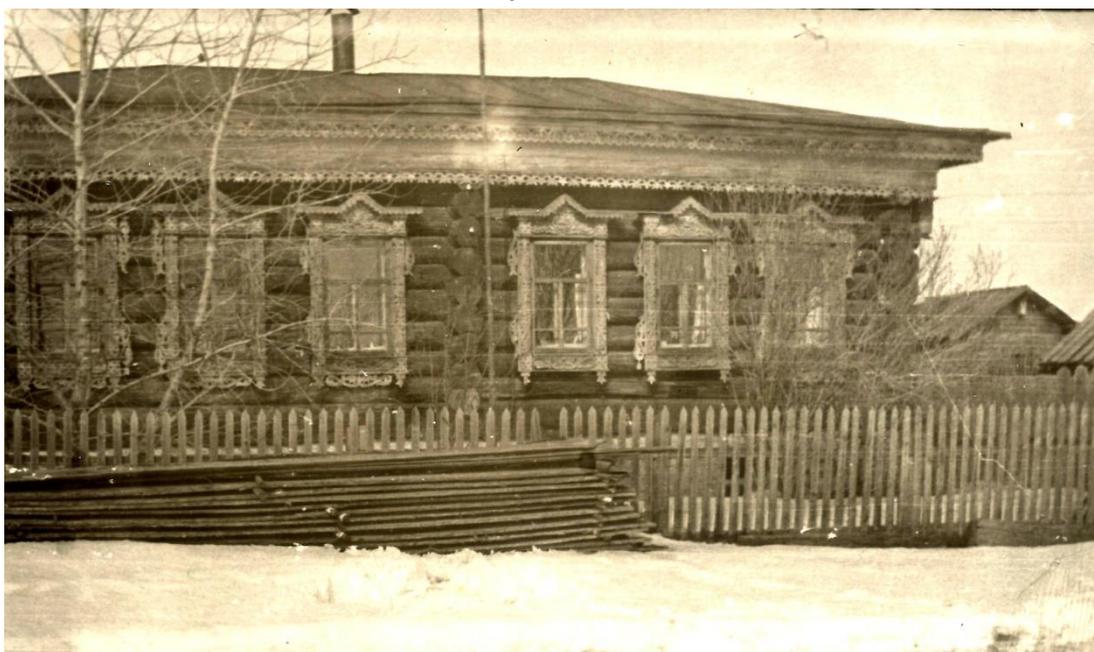
История, связанная с этим фарфоровым чайником, передавалась из поколения в поколение на протяжении целого века, поэтому достоверность многих её деталей подлежит сомнению. Она представляет собой не столько описание событий Гражданской войны, затронувшей в значительной мере и наш край, сколько символическую зарисовку о хрупкости, неопределённости и нестабильности нового строящегося мира, разделённого войной на две враждующие части.

Мария Григорьевна Притчина (в девичестве Останина) родилась 19 февраля 1913 года в селе Кипель Чинеевской волости Курганского уезда. Она прожила долгую жизнь – 99 лет – и, хотя практически не бывала за пределами родного края, стала не столько свидетельницей, сколько

современницей множества исторических событий и изменений в стране. Данный рассказ известен мне не напрямую от неё, а от её дочери и внучки – моих бабушки и мамы.

Летом 1918 года в Кипели расквартировали запасной полк армии Колчака, представлявший собой своего рода пункт формирования военных подразделений и отправки их на фронт. Мария Григорьевна, которой на тот момент было пять лет, жила в доме своего деда Максима Кирилловича Останина, считавшегося в рамках этого села «средняком». По воспоминаниям Марии Григорьевны, в его хозяйстве было несколько лошадей, которые в летнее время использовались для сельских работ, а в зимнее – для занятия извозом в районе Тюмени (зимой Останин, как называла это прабабушка, «гонял ямщину»). Для сезонных работ в поле он мог позволить себе нанимать рабочих-батраков, и, кроме того, в его собственности находилась редкая по тем временам среди крестьянства молотилка для обработки зерна. Дом Максима Кирилловича, состоящий из трёх комнат, также можно было назвать достаточно богатым и большим по меркам этого села.

По записанном краеведом В. И. Дюсюбаевым воспоминаниям Кузьмы Семёновича Важенина, жившего в Кипели в то время, офицеры полка квартировали в доме сына владельца одного из кипельских ямов (постоялых дворов или почтовых станций) – Кулагина (в настоящий момент это здание принадлежит Кипельской администрации). Однако по рассказу Марии Григорьевны известно, что в тот же период времени в доме Останина проживал некий офицер белой армии со своей женой, который и подарил прабабушке фарфоровый чайник. Их имена остались неизвестны – по прошествии столь долгого времени уже невозможно выяснить, кто именно квартировал в одном из домов маленького села, но по этой при-

чине история семейной реликвии не становится менее интересной и значимой, а лишь предоставляет простор для многочисленных догадок и теорий. Тот же К. С. Важенин упоминал, что «комендантом в округе был назначен Плешков» – и можно предположить, что именно этот человек жил в доме Останина. Действительно – возможно, что военный комендант, в чьи обязанности входил контроль над организацией вербовки добровольцев, оборудованием вербовочных пунктов, комплектованием и снабжением формирующихся частей, квартировал в отдельном от остального полка доме вместе со своей семьёй. Однако это лишь одно из предположений, выяснить конкретно личность этого человека не представляется возможным.

В истории о «белом офицере», передающейся в моей семье из поколения в поколение на протяжении уже целого века, естественно, не обошлось без массы неточностей и противоречий. Никого из свидетелей тех событий, конечно, уже не осталось в живых, но до сих пор в памяти нашего рода хранятся размытые временем, окутанные неизменной дымкой романтизма образы героев прабабушкиного рассказа.

Итак, с лета 1918 года в доме дедушки Марии Григорьевны квартировал белый офицер со своей «молодой женой». Наибольшее внимание в своём повествовании прабабушка уделяла этой женщине, а не её мужу, поскольку в силу возраста ей запомнился ярче всего именно её необычный образ. Жена офицера описывается ею как совсем молодая и очень красивая женщина, резко отличающаяся от привычных маленькой девочке окружавших её работающих крестьянок, – «барыня», как называла её Мария Григорьевна (хотя доподлинно установить её происхождение и личность, конечно, не представляется возможным). Отличительной деталью этого образа стал большой пуховый платок. Прабабушка чётко помнила одновременно сентиментальную и тяжёлую, повторяющуюся день за днём сцену: закутываясь в этот платок, жена офицера стояла у окна и долго провожала взглядом мужа, уходящего на службу – отстаивать свои интересы и идеалы, бороться за возрождение «великой, единой и неделимой России». Эта женщина не принимала участия в грандиозных исторических событиях, решающих судьбу страны и народа. Маленькое село Кипель находилось в отдалении от театра военных действий и не отмечено на карте Гражданской войны знаменательными сражениями. Однако этот важный период в отечественной истории, память о котором хранит подаренный офицером при отъезде фарфоровый чайник, безусловно, оказал неизмеримое влияние на каждого без исключения человека, ставшего его свидетелем.

Изучение истории самой старой реликвии, принадлежащей моей семье, и проведение интересной исследовательской работы помогло мне не только узнать много нового о своих предках, познакомиться с семейными преданиями и рассказами, частично ознакомиться с бытом начала XX века, но и взглянуть на историю как таковую с другой стороны. Благодаря этому проекту мне на практике удалось понять, что исторические события представляют собой не просто голые факты, даты и выводы, не отстранённые представления и понятия. За всем этим стоят реальные, происходившие с конкретными настоящими людьми события, вершившиеся по их воле и изменявшие их судьбы, а, следовательно, и судьбы всех последующих поколений.

Содержание

НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ»

I место (младшая группа)

Дроздова Таисия Андреевна (Кетовский МО)

Россия.....	3
Огни над рекой... ..	3
Мы благодарны вам, учителя!.....	3
Когда-то давно... ..	4
А за Уралом.....	5
Открой окно!.....	5
Жадины и жмоты, хвосты и обормоты.....	5
Подарите мне собаку!.....	6
У Марусеньки у бедной.....	6
Посвящается подруге Злате.....	6

II место (младшая группа)

Куликов Алиссия Виктория (г. Курган)

Мечта.....	7
Река забушевала вновь... ..	7
Мечты на бумаге.....	7
Волны морские разбились о скалы... ..	8
Водопад.....	8
Что происходит в моей душе?	8
Я лежу на подоконнике с тетрадью... ..	9
Мамуле.....	9
Друзья... ..	9
Осень	10
Сижу я на берегу.....	10

III место (младшая группа)

Кунгурцева Арина Александровна

Три сестры.....	11
-----------------	----

Специальные призы (младшая группа)

Лепихина Мария Николаевна (Далматовский МО)

Летом.....	12
------------	----

Колмакова Ангелина Евгеньевна (Частоозерский МО)

Родные просторы	12
-----------------------	----

Балдина София Александровна (г. Курган)

Весёлый балаганчик.....	13
-------------------------	----

I место (средняя группа)

Пермяков Павел Андреевич (г. Курган)

Сестрёнке	13
-----------------	----

Весна.....	14
------------	----

II место (средняя группа)

Сурова Анастасия Дмитриевна (г. Курган)

Будьте живы	14
-------------------	----

III место (средняя группа)

Южанова Валерия Николаевна (Частоозерский МО)

Частоозерье..... 15

Специальные призы (средняя группа)

Сергеева Дарья Алексеевна (г. Курган)

Глаза человека..... 16

Перебатов Иван Сергеевич (Каргапольский МО)

Из сборника «Мои стихи» 16

8 Марта..... 17

II место (старшая группа)

Курылёва Ксения Владимировна (г. Курган)

Ксения..... 17

В горы 18

Мы всё дальше и дальше становимся..... 18

Августовская фантазия 19

Актёр..... 19

И обряцете..... 19

Аллея грёз..... 19

Мама 20

Странник 21

С молитвой 21

Память 21

Скрипка 22

Художник..... 22

Литвинова Мария Валерьевна (Кетовский МО)

Раздаётся звонок... 22

Кризис..... 23

Край родной..... 24

Рощица 25

Моей первоклашке 25

Июль, июль, ты – полдень лета..... 26

Спички детям – не игрушка! 26

Я под родными небесами 27

III место (старшая группа)

Пожидаева Валентина Сергеевна (Шумихинский МО)

Берегите друг друга 28

Осенний разговор 28

Детям 28

Новости из детского сада 29

Мне снилась война 29

Специальный приз (старшая группа)

Коротовских Алиса Маратовна (г. Курган)

Песня о царе Барсении Василиче..... 29

Соловьёва Юлия Николаевна (Мишкинский МО)

Молитва матери 45

Гладкова Лилия Максимовна (г. Курган)

Зелёная птица 45

Необычный сон.....	45
Осень	45
Мама отдыхает.....	46
Ветреная девушка.....	46
Дорогая, расскажи-ка мне.....	46
Кто такой Бог?.....	46
НОМИНАЦИЯ «ПРОЗА»	
<i>I место (младшая группа)</i>	
Емельянова Полина Александровна (Кетовский МО)	
Две бабочки.....	47
<i>II место (младшая группа)</i>	
Величко Артём Викторович (Частоозерский МО)	
Белохвостик.....	48
<i>III место (младшая группа)</i>	
Сорокина Ольга Константиновна (Частоозерский МО)	
Две сестры.....	49
<i>Специальные призы (младшая группа)</i>	
Рубцов Илья Олегович (Кетовский МО)	
Волшебный изумруд.....	50
Германова Мария Андреевна (Каргапольский МО)	
Волшебный кристалл (главы из повести)	51
Разбойникова Полина Александровна (Каргапольский МО)	
Тайна мангрового леса	54
Симидьянкина Ксения Николаевна(Частоозерский МО)	
Домик для Опят	58
<i>I место (средняя группа)</i>	
Ситникова Полина Степановна (г. Курган)	
Что едят утки?.....	58
<i>II место (средняя группа)</i>	
Ермолаева Юлия Вячеславовна (г. Курган)	
Верить и ждать	62
<i>III место (средняя группа)</i>	
Фазылова Аделина Ревальдовна (Альменевский МО)	
Упавший с небес.....	65
<i>Специальные призы (средняя группа)</i>	
Боровинских Влада Дмитриевна (Щучанский МО)	
Такие русалки	71
Воробьёва Анна Олеговна (Альменевский МО)	
Ты будешь счастлив.....	75
Дядина Ольга Евгеньевна (Шумихинский МО)	
Она	86
Память.....	87
Не в деньгах счастье... ..	89
Лушников Татьяна Владиславовна (Кетовский МО)	
Я стану настоящим защитником Родины	92
Ревякина Диана Александровна (Кетовский МО)	
Путь памяти	96

Долганов Сергей Денисович (г. Курган)	
Да ладно, всё нормально	103
I место (старшая группа)	
Коротовских Алиса Маратовна (г. Курган)	
Взгляд	113
Имя.....	144
Озеро	148
II место (старшая группа)	
Беспалова Виктория Константиновна (г. Курган)	
Морская проза.....	153
Специальный приз (старшая группа)	
Балмасова Евгения Олеговна (Мишкинский МО)	
Сочинение «Моя малая родина – посёлок Мишкино»	154
НОМИНАЦИЯ «ПУБЛИЦИСТИКА»	
I место (младшая группа)	
Никулина Александра Станиславовна (Щучанский МО)	
Памятник героям-землякам (исследовательская работа)	156
II место (младшая группа)	
Бушуева Надежда Андреевна (Шумихинский МО)	
Здравствуй, Музыка!	165
I место (средняя группа)	
Сергеева Анна Владимировна (Шумихинский МО)	
По страницам истории нашей школы	166
II место (средняя группа)	
Головин Анатолий Артурович (Мишкинский МО)	
Нацизму и неонацизму – нет!.....	177
Специальные призы (средняя группа)	
Иванова Елизавета Алексеевна (Кетовский МО)	
Родная улица моя (исследовательская работа)	179
Яблонских Юлия Витальевна (Шумихинский МО)	
Путь к недостижимым звёздам	200
Карманов Руслан Леонидович (Мишкинский МО)	
Отражение темы материнства в рассказе	
Виктора Фёдоровича Потанина «Семья»	201
I место (старшая группа)	
Смирнова Светлана Сергеевна (Мишкинский МО)	
Детский дом имени Н. К. Крупской села Коровье Мишкинского района	
вчера и сегодня (исследовательская работа)	204
Специальный приз (старшая группа)	
Коротовских Алиса Маратовна (г. Курган)	
Проект «Семейная реликвия». История в фарфоре	224

Библиотека выражает благодарность
спонсорам конкурса:

Кирилл Петрович Гринюк

КУРГАНСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА

TESLA BURGER

Курганская областная универсальная научная
библиотека им. А. К. Югова

МОЛОДАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗАУРАЛЬЯ – 2022

Сборник работ победителей межведомственного областного конкурса

Корректор: Кустова Ю. В.

Ответственный
за выпуск: Катайцева Н. А.

Россия, Курган, ул. Комсомольская, 30.
Тел. +7 3522 46-33-93.
E-mail: yugovalib@kurganobl.ru
<http://yugovalib.ru> <http://pamyat.kurganobl.ru>